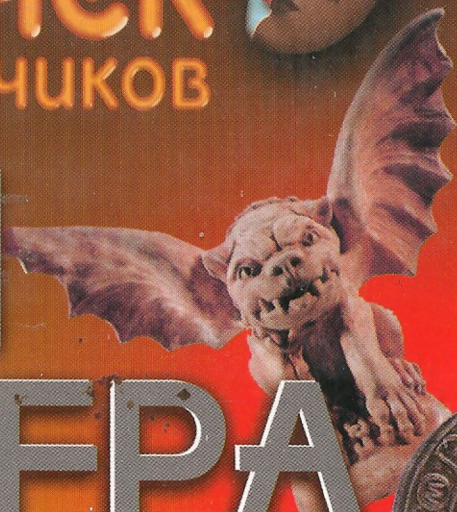

детектив для девочек и мальчиков

ТРИ ТАЛЕРА

детектив для девочек и мальчиков

ПОГАСИЕ

Три Талера

64964

БИБЛИОТЕКА
ГОЩЕВНИКОВ
"КОМУНАРКА"

Гашеня

Минск
СОВРЕМЕННЫЙ
литератор
2000

УДК 882.6
ББК 84(4Бел-Рус)
Ф 33

Серия основана в 1999 году

Для среднего школьного возраста

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Федоренко А.

Ф 33 Три талера: Для средн. шк. возраста. — Мн.: Современный литератор, 2000. — 256 с.: ил. — (Детектив для девочек и мальчиков).

ISBN 985-456-581-5.

Эта приключенческая повесть перенесет читателя на живописные просторы Беларуси, где во время летних каникул ее юные герои заняты поисками (весьма опасными для жизни) клада. Лиризм повести, ее мягкий юмор, белорусский колорит никого не оставят равнодушными, помогут понять глубину души простого, бесхитростного и талантливого белорусского народа.

УДК 882.6
ББК 84(4Бел-Рус)

ISBN 985-456-581-5

© Современный литератор, 2000

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАГАДОЧНАЯ МОНЕТА

ГЛАВА 1

ОКСАНА — «ТЕРРОРИСТКА»

Отец взглянул на часы, встроенные в кухонный шкафчик над газовой плитой, отодвинул чашку с недопитым чаем.

— Странно, — пробормотал он. — Всё время чувствую, что чего-то не хватает. Оказывается, телефон молчит. Не припомню такого вечера, чтобы никто не звонил, чтобы я никому не был нужен... Может, телефон испортился?

Оксана, которая сидела напротив и пила чай, пожала плечами. Отец вышел в прихожую и тут же вернулся. В одной руке он держал телефон, в другой — шнур с вынутым из розетки штепселем.

— Оксана, — сказал отец, наморщив лоб и подозрительно всматриваясь в лицо дочери (он был близорук), — что всё это значит? Зачем ты отключила телефон?

— Ну, вытирала пыль в углу около розетки... Может, как-нибудь нечаянно задела шнур, вот он и выскользнул...

Отец надел очки, но взгляд его и сейчас, через стёкла, не изменился, глаза смотрели на дочь с тем же подозрительным прищуром.

— Я тебе не верю. Что ты опять натворила?

— Ничего.

— Что в школе?

— Ничего.

— Ты разговаривала сегодня с завучем? Сказала ему, что завтра ты пропустишь уроки, потому что мы едем к бабушке?

— Успокойся, я... разговаривала с завучем.

— Он отпустил?

— Да. Сказал... сказал: «Ты хорошая девочка, езжай на здоровье, хоть на день, хоть на два, хоть до конца учёбы»...

Отец не дослушал и взмахнул рукой, в которой держал шнур.

— Нет, что-то тут не так... Вот сейчас я ему сам перезвоню домой и спрошу, и отец исчез.

Оксана вздохнула. Ну, начинается! И почему это взрослые так любят правду, так добиваются её? Если бы все говорили одну только правду, что за жизнь была бы?.. «Оксана, ты отключила телефон?» — «Да, я отключила телефон». — «Зачем?!» — «Затем, что завуч собирался позвонить тебе, чтобы вызвать в школу». — «Зачем?!» — «Чтобы поговорить о моём поведении»... Тьфу! Правда ужасно скучная и неинтересная...

Девочка присела на корточки возле стола, под которым стояли две собранные в дорогу хозяйственные сумки, приготовленные на завтра. Под рукой приятно хрустнул новенький целлофан. Вот каким подарком обрадуется бабушка — цветастый летний халат, китайские красивые лёгкие тапочки... Удивительно: у бабушки свой дом, свой огород, а они везут ей из Минска огурцы, помидоры, клубнику... Неужели ничего этого бабушка ещё не пробовала? Зачем тогда огород? Или в мае всё это ещё не созревает?..

Мысли её прервал отец, который, поговорив по телефону, опять зашёл на кухню.

— Вылезь из-под стола! — приказал он уже совсем другим тоном.

Оксана послушалась, села на табурет, опустила голову, увидела на правой коленке, позавчера ободранной, чёрную засохшую царапину, попробовала сковырнуть её.

— За одну минуту ты умудрилась соврать мне трижды, — медленно растягивая слова, начал отец. — Ты отключила телефон и не призналась. Ты не отпрашивалась у завуча. Ты не сказала, что меня вызывают в школу... И что это ещё за записка?! — не в силах более сдерживаться, закричал он.

Царапина сковырнулась, и Оксана, не поднимая головы, поглаживала бледно-розовый след на коже.

— Я жду. И оставь в покое колено!

— Записка? — Оксана уставилась на отца невинными синими глазами. — Ты о какой записке?

— Перестань! А что, их было несколько? Записка, которую ты вложила в классный журнал учительницы иностранного языка!

— А, эта... А почему она обзывается?

— Кто? Записка или учительница?

— Учительница.

— Как она обзывается?

— Так. Весь класс не выучил наизусть английские слова, тогда она всем начала ставить двойки, но никому ничего не сказала, только когда мне ставила, сказала: «Кому-кому, а тебе, Тушинская Оксана, нужно зубрить день и ночь!»

— Ну и что такого? Правильно сказала!

— Как ты не понимаешь? Значит, я хуже всех? Я знаю, она не любит меня. Придирается. Она всегда вставит: «Кому-кому, а тебе...»

— Чушь какая-то, — отец прижал ладони к щекам, будто у него внезапно заболели зубы.

— Да, она считает, что я хуже всех, — упрямо повторила девочка. — Потому что я некрасивая. Потому что у меня отец... — она хотела сказать «бедный», но, бросив на отца быстрый взгляд, пожалела его, — небогатый... Потому что у меня нет матери...

Это был запрещённый приём. Отец перестал тереть щёки, подошёл к окну. Побарабанил пальцами по подоконнику и выглянул на улицу.

— Чушь какая-то... При чём здесь некрасивая, при чём здесь хуже всех... — пробормотал он, стоя спиной к дочери. В его голосе не осталось и следа строгости, а была лишь растерянность. — Никакая ты не худшая... Ну, и дальше? Учительница сделала тебе замечание, а ты что?

— А я написала на листке: «Если вы не перестанете всё время говорить «кому-кому, а тебе...», завтра ваш сын будет похищен. И вам придётся выложить за него миллион долларов». И подписалась — «Неизвестный».

Отец, будто к нему снова вернулась зубная боль, причмокнул языком, потёр виски.

— Неизвестный... А если бы она побежала с этой запиской в милицию?

— Нет, она ужасно струсилa и сразу к сыну побежала. Он в нашей школе в первом классе учится. Знаешь, как она над ним трясётся? — Оксана оживилась, вспомнив что-то. — На каждой переменке за ручку тащит его в учительскую, кормит там...

— Подожди, договори о записке.

— Ну, написала, потом на перемене Катя нарочно позвала её, она отвернулась, и я быстренько вложила записку в журнал.

— Конспираторы... Хорошо, — сказал отец. — Допустим, ты обиделась и отомстила таким образом. Но что если все небогатые и все, у кого нет матерей, и все, скажем, некрасивые начнут писать такие записки? Что тогда?

В минуты растерянности отец всегда прятался за рассуждениями типа: «А если все начнут так поступать?»

— А почему она обзывается? — вернулась Оксана к тому, с чего начала.

Невозможно было сражаться с такой «логикой». Отец сдался.

— Хорошо, завтра разберёмся... Поздно уже, иди-ка ты спать.

— А что сказал завуч? — поинтересовалась Оксана.

— Зайти к нему. Придётся раньше встать, и по пути на вокзал заглянем в школу.

Вполне удовлетворённая тем, что так легко ей всё сошло с рук, Оксана отправилась в «зал» (они жили в однокомнатной квартире) и включила телевизор.

А отец ещё долго курил на кухне. Он вспоминал бывшую жену, Оксанину мать: как жил с ней, как потом развёлся... Несмотря ни на что, он вспоминал её с любовью, с благодарностью за то, что оставила ему дочь — эту самую выдумщицу, вредину, непослушную и вместе с тем, конечно же, самую лучшую в мире, самую любимую девочку.

ГЛАВА 2

КАТЯ

Ровно в девять утра, попросив соседку присматривать за квартирой, отец с Оксаной вышли из дому.

Небольшой, тихий, окружённый пятиэтажными домами, заросший каштанами и плакучими ивами дворик жил в предчувствии близкого лета. В песочнице под наблюдением бабулек возилась малышня. Со стороны проспекта доносились звуки жизни большого города. Дворик был ещё в тени, солнце едва-едва добралось до верхних окон соседнего дома, но было тепло, даже душно.

— Подождёшь в вестибюле, посторожишь сумки, — сказал отец, — я постараюсь быстро вернуться. Не можешь ты без приключений... Вот теперь думай, как не опоздать на вокзал.

— А долго мы будем у бабушки?

— Переночуем и завтра же вернёмся.

В школе было тихо, недавно начался урок. В пустом, гулком, словно во время каникул, вестибюле отец опустил сумки у столика вахтёрши. Он попросил женщину, сидевшую за столиком и читавшую газету:

— Присмотрите, пожалуйста, за сумками и заодно за ней, — указал он на дочь и направился в самый конец коридора, где находился кабинет завуча.

Девочка послонялась по вестибюлю, постояла у стенда с расписанием уроков, подошла к узкому большому зеркалу, прикреплённому к колонне напротив пустых гардеробных вешалок.

Внимательно, придирчиво начала осматривать себя с ног до головы. Осмотр настроения не улучшил. Самое обидное, что снизу, до лица, — всё отлично, всё нормально:

ровные, крепкие, в ссадинах ноги, белые с зелёными полосками кроссовки, зелёные носочки, зелёные шорты до колен; на правой штанине внизу надпись: «San-Franc sco», такая же надпись, только заглавными буквами, на зелёной майке... А вот выше... Курносый нос, круглые деревенские щёки в веснушках — следы майского солнца... Соломенно-го цвета волосы на макушке по-мальчишески топорщатся вихрами, с которыми никак не справиться — причесать так, как хочется, — разве что когда они мокрые... Ничего отцовского, вся в мать и в бабушку!.. Нет, кажется, глаза — синие, живые, с кошачьими зрачками — отцовские. Вот если бы можно было глаза оставить свои, а нос «одолжить» у Кати... Не на совсем, только чтобы съездить в деревню, а потом вернуть ей назад. Щёки тоже неплохо бы «одолжить» у Кати, а волосы... волосы тем более у Кати, у неё самые красивые в классе...

Всё же девочка привыкла и к этим щекам, и к носу, и к волосам, и теперь ей стало даже жалко их. Ладно, не бойтесь, не будет она менять вас на лучшие, так и быть. Свои как-никак.

Вспомнив о подруге, Оксана вдруг захотела пови-
дать её.

Она подошла к вахтёрше:

— Извините, может, вы одна посторожите сумки, — смущённо потупилась и добавила: — Мне в туалет нужно.

— Конечно, конечно, доченька, — ласково ответила вахтёрша, умиляясь детской непосредственностью.

Оксана пулей взлетела на второй этаж, остановилась у дверей своего пятого «А». Нужно было с ходу придумать хоть какую-то, хоть маломальскую причину, чтобы Катю отпустили с урока. Пустяки! Язык сам «выкрутится», сам что-нибудь придумает — не впервой. Она постучала в дверь, просунула голову, чтобы убедиться, действительно ли их класс занимается здесь сегодня.

Увидев своих учеников и учителя истории Бориса Григорьевича с указкой в руке у разноцветной карты мира, висевшей на доске и закрывавшей её почти всю, девочка вошла и смиренненько остановилась у порога.

Ученики засмеялись, как и всегда в таких случаях, — на радостях от любой неожиданности, которая врывается в серую скуотищу урока.

— Садитесь, Оксана, и не опаздывайте больше, — сказал добрый Борис Григорьевич. Он ко всем, даже к ним, пятиклассникам, обращался только на «вы».

— Я... не на урок, Борис Григорьевич, — начала Оксана, — я... пришла попрощаться. Мы с отцом уезжаем в деревню. И, наверное, там останемся навсегда...

Класс притих. Указка в руке учителя тоже застыла острым концом на Северной Америке.

— Вот как? Но ведь... считанные дни ведь остались до летних каникул! Как же вы будете, не доучившись?

Оксана вздохнула, развела руками и опустила глаза — мол, такие серьезные вещи не от неё зависят.

— Что ж, жаль, жаль, — промолвил учитель. Оксана знала историю, как никто в классе, и была его любимой ученицей. К тому же он, историк, был давно знаком с отцом Оксаны, археологом, и дружил с ним.

— Можно, Борис Григорьевич, отпустить Катю на одну минутку? Мне нужно сказать ей кое-что.

— Да, конечно, идите, Катерина! — и когда Катя начала выбираться из-за парты, повторил про себя: — Жаль, жаль...

Класс так и замер в молчании, словно онемели все. На какое-то мгновение Оксана забыла, что это всё выдумка. Ей вдруг самой стало так жалко оставлять эти стены навсегда... А как её любят, оказывается! Она и не подозревала. Стоило пойти на такой невинный обман, чтобы убедиться в этом...

В коридоре она схватила Катю за руку, девочки бегом спустились вниз по лестнице. На площадке между первым и вторым этажами, где было широкое, на всю стену окно, остановились. Отсюда просматривается весь вестибюль, поэтому сразу можно будут сбегать вниз, если отец выйдет от завуча. Оксана присела на низенький, неудобный подоконник, подруга тоже.

— Ты в самом деле уезжаешь?

Катя смотрела на Оксану широко раскрытыми, словно у куклы, глазами. Она давно, ещё с детского садика, знала её, но обычно всякий раз попадалась на выдумки подруги. И чем невероятнее, неправдоподобнее были эти выдумки, тем почему-то охотнее Катя в них верила.

— Пока мы отправляемся только разведать. — Оксана тяжёло вздохнула — ничего нельзя было поделать с её про-

клятым языком. — Посмотрим, как нас бабушка примет... Может, даже придётся скитаться по чужим людям.

— А что будет с вашей минской квартирой?

— Продадим, скорее всего.

— А почему ты раньше мне ничего не говорила об этом?

— Не могла. Отец запрещал.

До сих пор между ними не было никаких секретов. Они дня не могли прожить друг без дружки, сидели за одной партой, делали вместе уроки, ходили одна к одной в гости... И вот тебе на — такой сюрприз!

— Ты будешь мне писать? — спросила Оксана.

— Буду... Каждый день. А ты мне?

Доверчивая, наивная Катя — куколка смотрела на подругу такими глазами, что Оксане стало стыдно, однако её язычок не успокаивался. К тому же Оксане пришлось в голову, что сейчас самый подходящий момент для проверки — в самом ли деле Катя так любит её?

— А я даже не знаю, смогу ли писать тебе, — призналась она. — Я, конечно, постараюсь, но времени может не хватить. Может вообще придётся бросить школу и устраиваться на работу.

— А ты разве умеешь?

— Научусь. Смотря какая работа... Всему можно научиться, когда куска хлеба не будет на столе.

Обе помолчали, поражённые жестокостью взрослой жизни, с которой впервые столкнулись так близко.

— Подожди! — Катя вдруг опустила руку в карманчик школьного передника, достала какой-то круглый плоский предмет, похожий на советский металлический рубль, только чуть побольше.

— Вот, возьми... И если забудешь меня — посмотришь на это и вспомнишь. А если придётся... ну, когда куска хлеба не будет на столе, — продашь.

Оксана, растроганная, взяла монету, почувствовала в ладони прохладную приятную тяжесть. Она провела пальцем по неровностям её ребра, поковыряла-погладила выпуклый узор на обеих сторонах.

Монета была старая, тускло-белого цвета, а ребро — зеленоватого. Так и хотелось скорее потереть её о песок и хорошенько рассмотреть.

— Бери смело, — заверила Катя. — Папа навсегда отдал мне свою коллекцию.

— Да?! — Оксана позавидовала. — А что это, серебро?

— Конечно, серебро. Может, платина. Старые монеты все серебряные. Или золотые. Или платиновые.

Оксана не могла не поверить. У Игоря Валентиновича (отца Кати) была целая коллекция самых разных монет, и, конечно, Катя разбирается во всём этом получше её. Монеты хранились в специальных ящичках под стеклом, каждая в отдельном квадратике. Но Игорь Валентинович с тех пор, как уволился с завода, где работал инженером, и взялся, как выразилась однажды Катя, «делать настоящие деньги», своей коллекцией совсем перестал заниматься — ему просто не хватало времени. Иногда Катя с Оксаной даже без разрешения брали ящички и играли с монетами.

Но такой, как подарила ей Катя, Оксана в коллекции не видела.

ГЛАВА 3

У ЗАВУЧА

Завуч Андрей Адамович и с виду, и по возрасту был моложе Оксаниного отца. Он почему-то стыдился своей молоджавости, поэтому и с учениками, и с их родителями старался разговаривать строго, даже сердито. Ему казалось, что за строгость и сердитость его будут больше уважать.

Коротко подстриженный, румяный, выбритый до блеска, в малинового цвета пиджаке и в белоснежной рубашке, без галстука, он походил больше на банковского служащего или биржевого маклера, но никак не на учителя. Андрей Адамович сидел за столом и вертел в своих холёных пальцах тонко заостренный карандаш. Разговаривая, он смотрел не на отца, а в окно.

Отец присел на крайнем от стола стуле. Время от времени он снимал очки, с виноватым видом осторожно дышал на стёкла, протирал их носовым платком и снова «вскидывал» на нос. Он не ожидал, что завуч окажется таким строгим, а разговор — таким неприятным.

— Хорошо, что учительница сразу догадалась, кто мог написать такую записку, — говорил завуч, — и обратилась не в милицию, а ко мне. Хотя нетрудно представить, что она пережила. Вы спросите, почему подозрение сразу пало на вашу дочь? — продолжал завуч, хотя отец ничего не спрашивал. — Отвечу. Кроме Оксаны, в классе просто некому больше придумать такое. Кто принёс в школу бездомную кошку и выпустил её на уроке геометрии? Оксана Тущинская. Кто придумал натянуть от доски до задней парты рыболовную леску, о которую учительница ботаники испортила дорогую причёску, и, кроме того, так перепуталась, что не смогла вести урок? А кто засунул в коробку для мела

булавку, стянутую резинкой, и когда учитель математики начал открывать коробку, та затрещала и запрыгала у него в руках? Тут и человека со стальными нервами можно до инфаркта довести, не говоря уже о пожилom, со слабым здоровьем учителя... Потом, извините, ваша дочь постоянно врёт... скажем мягче, говорит неправду. Стоит ей опоздать в школу или не выучить урока, как тотчас она с самым безгрешным и невинным видом сообщает, что в вашем дворе было землетрясение, наводнение, пожар, что в вашу квартиру ворвались бандиты-грабители, что к вам приехали гости из Канады, что её отец, то есть вы, якобы отправились в археологическую экспедицию в Бразилию и оставили её одну...

— Я не хочу защищать свою дочь, — покашляв, осмелился вступить в диалог отец, — но фантазии обычно присущи всем нормальным, здоровым детям...

— Особенно если под «фантазиями» понимать записки учителям о будущих похищениях их детей. Или звонки в школу, что она заминирована.

— Разве? — восторженно воскликнул отец.

— Вот видите, вы почти не удивились. К счастью, такого ещё не было. Но поверьте — если бы такой звонок, не дай Бог, случился — в первую очередь вспомнили бы о вашей дочери.

— Может, мне её убить? — угрюмо промолвил вдруг отец, с таким усердием вытирая стёклышки очков, что стул под ним заскрипел.

— В смысле? — поднял брови завуч.

— Ничего, это я так... Хотел сказать, что согласен с вами.

Завуч помолчал.

— Вы не торопитесь? — спросил он.

Отец посмотрел на часы. До автобуса ещё оставалось некоторое время.

— Нет, я вас слушаю, Андрей Адамович.

— Чудесно. Знаете, я давно хотел поговорить с вами вот в такой, как сейчас, непринуждённой обстановке, да всё как-то не получалось... Понимаю, возможно, тема вряд ли будет вам приятна, — завуч попробовал пальцем острие карандаша, — но вы должны понять и меня: я не чужой человек, я педагог, поэтому определённая доля ответственности

за поведение и воспитание вашей дочери ложится и на меня. Впрочем, вы имеете полное право не отвечать, если я вдруг коснусь каких-либо деликатных моментов вашей личной жизни...

— Пожалуйста. Я вас внимательно слушаю.

— Как давно вы развелись с женой — матерью Оксаны?

— Пять лет тому назад.

— Понятно... Получается, практически с первого класса, все свои школьные годы девочка лишена женского внимания...

Стул под отцом снова жалобно закрипел.

— Как правило, дети из неполных семей страдают либо от недостатка внимания, либо от избытка его, когда их чересчур жалеют и балуют, — рассуждал далее Андрей Адамович, не замечая, как меняется выражение лица у его собеседника, из виновато-вежливого становится все более мрачным. — Иными словами, такие дети обычно бывают изнеженными, если не сказать больше...

— И к какому из этих типов вы относите мою дочь?

— Вот это мы сейчас и выясним. Если не ошибаюсь, вы по профессии археолог?

— Не ошибаетесь. Археолог, кандидат исторических наук.

— Не могли бы вы кратко сообщить мне расписание своего рабочего дня?

— Ну, обычное расписание... Утром просыпаюсь, делаю зарядку, принимаю душ, готовлю завтрак, бужу Оксану, собираю её в школу, еду в Академию... Вам интересно это? — спросил вдруг отец.

— Безусловно! Дальше, пожалуйста!

— В Академии я работаю в лаборатории, с экспонатами, иной раз в архиве или на кафедре... В часов шесть вечера возвращаюсь, Оксана уже дома или гуляет, или в гостях у подруги.

— Так... или гуляет, или у подруги... А как вы проводите выходные?

— Обычно, как все... Осенью ездим за город собирать грибы, зимой — катаемся на лыжах, ходим в парк Челюскинцев, весной — в Ботанический сад, ездим к моей матери, Оксаниной бабушке, в Березинский район...

— Куда и сегодня собрались?

— Да.

— Скажите, где сейчас ваша бывшая жена?

— Здесь, в Минске. У неё теперь своя семья и свои дети.

— Оксана встречается с ней?

— Я не запрещаю дочери этого, — хмуро ответил отец.

— Это понятно; я имел в виду, часто ли Оксана у них бывает?

— Редко. Ей не нравится там.

Отцу самому тоже всё меньше и меньше нравилась эта «педагогика», походившая на допрос. Но он вынужден был терпеть и отвечать. Виновата Оксана? Виновата. Имеет право завуч школы разбираться в семейных проблемах своей ученицы с тем, чтобы потом лучше воспитывать её? Имеет, и даже обязан это делать.

— А как вы проводите лето? — допытывался Андрей Адамович.

— Лето?.. — отец потёр лоб. — Летом, значит, такая ситуация: мне обязательно надо хоть раз в год выезжать вместе со студентами в экспедицию и просто на раскопки.. Так что каждое лето дочь живёт у бабушки.

— Понятно. Итак, вот что у нас вырисовывается. — Завуч перевернул карандаш тупым концом вверх. — Летом, когда самые благоприятные условия для налаживания контактов между родителями и детьми, девочка проводит каникулы одна, сама по себе. С другой стороны, — карандаш перевернулся тупым концом вниз, — бабушка в какой-то степени окружает ребёнка женской лаской, мягким участием, тем, чего девочка лишена в результате отсутствия матери...

Терпение у отца лопнуло окончательно.

— Андрей Адамович, — решительно сказал он, вставая. — Я уважаю вашу педагогическую практику и обещаю принять её к сведению. А пока пусть всё остаётся по-прежнему. Пусть моя дочь будет такой, какая есть, и я буду воспитывать её так, как считаю нужным. Кстати, учительница иностранного языка не говорила вам, почему Оксана написала ей такую записку?

— Нет! — Завуч уставился на отца, словно впервые увидел его, и от удивления даже бросил на стол и отодвинул от себя карандаш, который не выпускал из рук на протяжении всей своей «воспитательной» беседы.

— Очень плохо. Некоторых учителей не мешало бы подвергнуть «воспитанию» не меньше, чем учеников... Так я пойду, с вашего разрешения? — Отец, кивнув завучу на прощание, вышел из кабинета.

В это время прозвенел звонок. Со второго этажа спускался историк Борис Григорьевич с журналом и указкой под мышкой. Отец остановился, чтобы подождать его. Вдруг распахнулась дверь, и завуч тоже вышел в коридор.

— А! — воскликнул Борис Григорьевич, завидя друга. — Стась, что случилось? Куда вы уезжаете? Может, что-нибудь с матерью? — встревоженно спросил он.

— Ничего не случилось, — удивился отец. — Просто решили выбраться на выходные, навестить мать.

— Как... на выходные? Только что Оксана заходила в класс во время моего урока и сказала, что вы навсегда уезжаете из Минска, она бросает школу...

Завуч, слышавший всё это, в упор посмотрел на растерянного, покрасневшего отца. «Вот вам плоды вашего воспитания!» — всем своим видом говорил этот образцовый педагог.

ГЛАВА 4

ТАЛЕР

По дороге на вокзал отец не проронил ни слова.

Виновато молчала и Оксана. Ей обычно прощалось очень многое, но на этот раз она почувствовала, что незаметно переступила какую-то невидимую запретную черту, которая резко отделяет детские игры от взрослой жизни с её правилами и законами. Она нарушила эти правила, шагнув из своего понятного, веселого, полного выдумок и фантазий мира в мир взрослых, где всё так аккуратно разложено по полочкам, так обыденно и, если быть честной, даже небезопасно...

Когда же, потолкавшись немного на шумном, многолюдном в эти предвыходные дни перроне, они с отцом уселись, наконец, в мягкие, удобные передние кресла «Икаруса», Оксана почти забыла о своей вине и буквально прилипла лицом к оконному стеклу. Ведь впереди была дорога, сулившая столько самых неожиданных чудес.

Отец оглянулся, не слышат ли соседи, и тихо произнёс:

— Ну, как прикажешь с тобой разговаривать? Как тебе хоть немного верить? Я защищал тебя у завуча, заступался, но теперь жалею об этом. И теперь я верю ему. Верю, что ты действительно самая плохая, самая избалованная, самая несносная в классе девчонка. И надо серьёзно подумать, нужна ли ты такой бабушке? Оставлять ли тебя на лето в деревне?

— А куда же я денусь? — слегка испуганная знакомым ей и ничего хорошего не предвещавшим тоном, Оксана повернулась к отцу.

— Мне не придётся ехать в экспедицию. Будем вместе торчать в душном городе всё лето.

Девочка помолчала, потом тихо спросила:

— Папа, скажи, ты хотел бы, чтобы я была не такая, как есть?

— Конечно! Мне хотелось бы, чтобы моя дочь была скромная, вежливая, всегда говорила правду, не преподносила мне на каждом шагу сюрпризы...

— А вот я никогда не хотела себе другого отца, — и голос её вдруг задрожал, а на глазах выступили слёзы.

Отец закашлялся.

— Оксана, — рука его спустя минуту легла девочке на плечо, но та увернулась. — Э-э, да ты плачешь... Ну, вытри немедленно слёзы, люди смотрят...

— Пускай смотрят!

— На вот, возьми платок... Ну, хочешь — мир? Я виноват... Я понимаю тебя, понимаю все твои выдумки — беда в том, что не все окружающие понимают... И ты должна с этим считаться... Ну, мир?

Оксана, не отвечая, прикинула в уме: что лучше — пожалеть себя ещё немножко и поплакать, побыть обиженной или всё-таки вертеться, смотреть в окно, на пассажиров и задавать отцу разные вопросы? Второе было гораздо интереснее.

Она вытерла платком глаза и щёки, улыбнулась и протянула отцу мизинец. Так они всегда мирились.

— Но обещаю, что никогда не будешь больше врать, не будешь писать учительницам записок, отключать дома телефон...

— Никогда! — с чистой совестью ответила Оксана и сразу же повернулась к окну, потому что автобус как раз заурчал сильнее и тронулся с места.

Таким образом, прошла и эта неприятность. Словно и не было её. Всё позади, всё забыто. Теперь можно жить только тем, что вокруг тебя, тем, что видишь, слышишь.

Убегали и где-то далеко позади оставались минские дома и улицы, трамваи, троллейбусы, люди на остановках... И вот наконец автобус вырвался за городское кольцо — словно в другой мир. Ударил в глаза всего один цвет — зелёный (любимый Оксанин). Придорожные деревья, поля, леса, поляны, перелески — настоящее море яркой майской зелени!

Как здорово было бы сейчас мчаться, скажем, сидя в ку-

пе поезда. Это вроде как в маленькой квартирке. Там можно выйти в тамбур, можно спать, можно сбежать в туалет — и всё равно ехать. Можно забраться на верхнюю полку, высунуть голову в открытое окно, чтобы задышаться от сильного, с приятным запахом конопли ветра. Там столик, на котором можно разложить варёные яйца, жареную курицу, помидоры — грызть ароматную куриную ножку и одновременно ехать.

А в автобусе духота. Даже люк вверх открыть нельзя — в автобусе грудные дети. (Никто так не любит путешествовать жаркими летними днями в пригородных автобусах, как грудные, тепло укутанные дети.) Единственное утешение — можно сидеть, а можно, нажав кнопку в подлокотнике, опустить спинку кресла и лежать.

Нет, всё же и в автобусе не так уж плохо. Ты сидишь или лежишь высоко и всё видишь. И ещё кажется, что автобус едет быстрее, чем поезд. И ещё тут тихо: Все дремлют, и отец тоже, забыв снять очки, смешно клюёт носом.

А что если представить, что они с отцом и в самом деле уезжают навсегда? И не увидят больше любимого города, их двора, квартиры, гастронома на углу улицы, не увидят школы, её одноклассников...

Оксана даже вздрогнула от такой мысли. Хорошо, что всё это не в самом деле. Хорошо, что уже послезавтра они вернутся и она сразу же позвонит Кате или просто отправится к ней в гости...

Вспомнив о Кате, Оксана вспомнила и о её подарке. Быстро опустила руку в один карман, в другой — монеты не было. Пусто! Из этих проклятых неглубоких карманов вечно всё вываливается!.. Но она ведь нигде не сидела... В школьном вестибюле, ожидая отца, чуть присела на подоконник, а потом стояла. На вокзал шли пешком. Только здесь, в автобусе...

Девочка нагнулась и осмотрела пол под ногами. Затем прижалась щекой к теплой стенке и попробовала разглядеть что-либо в узенькой щели между сиденьем и стенкой автобуса. Нету... От отчаянья она готова была заплакать. Что она скажет подруге? Потеряла её подарок, не успев отъехать от города... Ну почему было не держать монету зажатой в кулаке или не положить в сумку?!

А между тем руки девочки машинально шарили вокруг

себя и под собой... Да вот же она! Монета спокойно себе лежала, Оксана сидела на ней.

— Что ты вертишься, — сонным голосом отозвался отец.

— Папа, — затормошила его Оксана, счастливая, что монета нашлась, и желая поделиться радостью, — папа, ну не спи, пожалуйста!.. Посмотри, что у меня есть. Это серебро?

Отец осторожным движением человека, привыкшего иметь дело со старинными вещами, взял монету двумя пальцами. Сонное выражение вдруг исчезло с его лица. Он снял очки и, держа их на некотором расстоянии от глаз, словно лупу, внимательно, с двух сторон осмотрел монету.

— Это Катя тебе дала?

Казалось бы, что может быть проще, чем ответ: да, Катя. Но так ведь неинтересно...

— Я нашла её на пустыре, за школой. Ещё весной, когда сажали деревья, копали ямки, ну и...

— Серьёзно? Оксана, ты обещала никогда не врать.

Девчонка повертелась в кресле.

— Ну, хорошо, Катя дала, — послушно призналась она.

— Вот это уже лучше. Может, в конце концов ты сама убедишься, что говорить правду и легче, и проще, и выгоднее. Что касается монеты... Я, конечно, не нумизмат, но кое-что могу тебе рассказать.

— Это серебро? — повторила Оксана, которой прежде всего хотелось узнать, как ей казалось, самое важное.

— Нет, вряд ли. Скорее всего это фальшивка. Дело в том, что настоящих таких монет на территории Беларуси известно всего восемь. Зато подделок — множество. Точно могу сказать лишь то, что это талер.

— Талер?

— Самый крупный серебряный номинал Европы с шестнадцатого по девятнадцатый век. Перед тобой один из самых первых, шестнадцатого столетия, так называемый «испанский талер», или патагон.

— Патагон? — Оксана невольно поморщилась. — Такое некрасивое слово...

— Некрасивых слов не бывает. Испанцам, может быть, некоторые наши слова тоже не по душе... Впрочем, — опомнился отец, — неприличные, нецензурные слова — конечно, некрасивые.

Оксана, пользуясь тем, что отец на неё не смотрит, снисходительно улыбнулась. Он всё ещё считает её маленькой девочкой...

— Так вот, — ничего не замечая, увлечшись, продолжал отец, — это талер испанской чеканки — видишь «NISP...» на ребре монеты? А вот этот узор, на лицевой стороне, обозначает знак Геракла, видишь? — две перекрещенные булавы, поэтому в Беларуси такие талеры называли «крестовыми»...

Оксана была разочарована. Монета оказалась всего лишь подделкой. А всё остальное, связанное с нумизматикой, интересовало девочку куда меньше.

— Смотри, Червень! — перебив отца, указала она за окно.

И точно, автобус как раз подруливал к перрону рядом с красивым одноэтажным зданием, на котором было написано: «Автовокзал».

— Стоянка двадцать минут! — объявил в динамик водитель.

ГЛАВА 5

НАЧИНАЮТСЯ ЗАГАДКИ

В Червене Оксана вдруг закапризничала. Отец достал из пакета бутерброды с колбасой, протянул один дочери.

— Я не могу всухомятку! Хочу пить. И хочу чего-нибудь горячего, хотя бы пирожка с капустой или чебурек, или пиццу.

Отцу пришлось быстро дожёвывать бутерброд и отправляться в вокзальный буфет.

Не успел он исчезнуть из глаз, как Оксана спрыгнула с подножки автобуса. Огляделась по сторонам — ого, целых четыре междугородных, кроме их «Икаруса», потом «Лаз» и два «пазика»... Обошла все автобусы, прочитала все вывески на них. Чем бы ещё заняться? Вслед за другими пассажирами подалась через привокзальную площадь к небольшому крытому базарчику.

Побродила между рядами, вдыхая запахи овощей и фруктов; опять, как и дома, в Минске, удивляясь: откуда всё это? Ну, бананы, вишня, черешня, апельсины, лимоны — это понятно, привозят с юга. Но откуда у бабок, явно белорусских, местных, свежие огурцы и даже помидоры в мае месяце?! Из теплиц? Или просто скупают всё у тех же «южан» на большом городском рынке и здесь перепродают?

— Почём огурцы? — спросила она деловито.

Сгорбленная, в чёрном платке старушка, с волосатыми бородавками на сморщенном длинном лице, похожая на злую волшебницу из сказки «Карлик Нос», бросила на неё злобный взгляд и ничего не ответила, только

почему-то поближе к себе придвинула корзину с огурцами.

— Огурчика хочешь, дитятко? — отозвалась в соседнем ряду другая старушка, тоже сгорбленная и тоже в чёрном платке, но совсем не страшная. И голос добрый. — А грошики у тебя есть? Нету?

— Нету... Я сирота, — вырвалось у Оксаны само собой. — И два дня ничего не ела, — со вздохом прибавила она.

— Моё ж ты дитятко... На, ешь на здоровье, — бабка выбрала из ведра самый красивый, ядрёный огурец, вытерла его о фартук и протянула девочке.

Молодой человек в белой рубашке, с короткой причёской, как у завуча Андрея Адамовича, покупал рядом вишни. При словах Оксаны о её сиротстве он с каким-то недобрым интересом посмотрел на неё.

С хрустом поглощая сладкий огурец, девочка выбралась с базара. Подошла к газетному киоску, который находился в конце перрона, начала рассматривать обложки журналов. Вдруг спиной она почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернулась — в трёх шагах от неё стоит незнакомый «завуч» с бумажным пакетиком в руке, отправляет в рот одну за другой вишни, сплевывает косточки под ноги и молча смотрит на неё. Ей не понравился этот взгляд. Она отвернулась к киоску.

— Девочка, хочешь вишен? — подойдя ближе, сказал человек неприятным, хриплым голосом. Неприятным этот голос был уже хотя бы потому, что принадлежал чужому взрослому мужчине, несимпатичному Оксане. Не только голос, но и причёска, и одежда — всё в нем казалось ей неприятным.

— Не хочу, — ответила она.

Рядом, как назло, никого не было.

— Так ты сирота? — не отвязывался человек. — Где же ты живёшь?

Оксана промолчала, давая понять, что не испытывает ни малейшего желания вступать с ним в дружеские разговоры.

— А хочешь на машине покататься? В Минск?

— Не хочу.

— А может, хочешь? Подумай. Прокатишься вон на

той машине, красивой иномарке, — человек указал на тёмно-синюю «Ауди», припаркованную возле базарчика.

Оксана хмыкнула. За кого он её принимает? Да она ещё с первого класса знает, что от таких, как этот, нужно держаться подальше: не отвечать на вопросы, никогда не спрашивать о чём-то самой, не заходить вместе с такими в лифт, даже в подъезд... Да она, может, больше его знает разных историй, когда девочек заманивали или просто похищали, увозили куда-то и те исчезали навсегда. В школе даже специальные занятия есть, на которых им, девочкам, рассказывают об этом и учат осторожности с незнакомыми.

Оксана доела огурец, выбросила хвостик в мусорницу. Затем, искоса поглядывая на незнакомца, вытащила из кармана талер и, показывая, что она нисколько никого не боится и поэтому может делать то, что делала бы и тогда, когда была бы одна, принялась царапать ребром монеты по деревянному, окрашенному в фиолетовый цвет прилавку киоска. На прилавке кто-то успел уже оставить след — славянскими буквами было нацарапано «ай лав ю».

— Девочка, ты почему хулиганишь?! — прикрикнул на неё киоскер. — А ну-ка отойди!

Оксана неохотно послушалась, отступила, зажала монету в кулаке.

Между тем в тёмно-синей «Ауди» опустилось боковое стекло, высунулась лысая голова в темных очках, и крикнула, обращаясь к незнакомцу:

— Сева! Сколько можно тебя ждать?

Но Сева, увидя монету, словно окаменел. Он даже не обернулся на голос. Он забыл даже выплюнуть вишнёвую косточку, и когда наконец заговорил, подавился и яростно начал отплевываться.

— Откуда... это у тебя?! — с каким-то испугом спросил он, близко подступая к девочке.

— Оттуда, — дерзко ответила Оксана.

Сева облизнул губы.

— Продай мне эту штуку... Или хоть бы покажи. Я тебе, хочешь... пять долларов дам! — И он начал шарить по карманам, не спуская с девочки глаз. — Хочешь пять долларов?

— Не хочу.

— А десять? — И в самом деле, в руке у него появилась десятидолларовая купюра.

— Не хочу.

— А двадцать? Двадцать настоящих американских «баксов»!

— Не хочу.

Сева промолчал. Затем прищурился, процедил сквозь зубы:

— Ты, я вижу, наоборот, хочешь очень много...

Лысый, не дождавшись приятеля, вылез из машины и подошёл к киоску. Был он низенький, толстый, в тёмных круглых очках и лысый, как барабан.

— Ну, что здесь такое?

Сева молча отвёл его в сторону. Оксана удалось расслышать:

— Клянусь... у неё с собой... талер!

— Быть не может! — громко сказал лысый. — Откуда? И как ты мог рассмотреть? Ты держал его в руках?

— Нет... но на зрение не обижаюсь...

Оксана, в свою очередь, не обижалась ни на зрение, ни на слух, но Сева начал говорить тихо, почти шёпотом. Затем начал шептать и лысый.

Но и того, что девочке удалось услышать, было достаточно.

Вот это да! Вот так история!.. Выходит, это не такая простая монета... Как они всполошились! Давать двадцать долларов... А если бы она начала торговаться, запросила больше, дали бы, видно, и больше... Зачем им эта монета? Коллекционеры? Но отец ведь сказал, что это подделка... А вдруг он ошибся? И талер настоящий, один из тех восьми, которые сохранились в Беларуси?

Взволнованная происшедшим, Оксана пожалела, что не дослушала отца. Ничего, ещё целый час ехать, и теперь уж она будет более внимательной, расспросит его обо всём!

Девочка поспешила к автобусу. На полдороге обернулась — незнакомцы молча, с решительными лицами шли следом. Она даже испугалась немного. Но автобус был совсем близко.

У автобуса топтался отец с бутылкой «Пепси-колы»

и с какими-то свёртками в руках. Он растерянно вертел головой, высматривая дочь.

В тот самый момент, когда Сева собрался опустить девочке на плечо тяжёлую ладонь, отец заметил её.

— Где ты шляешься?! Автобус отправляется!

Сева с лысым застыли. Девочка, оказывается, совсем не бездомная... И не местная.

Оксана примостилась на своём месте у окна. Запивая горячий пирожок с капустой холодной, вкусной «Пепси-колой», чувствуя здесь себя в полной безопасности, девочка незаметно от отца показала своим неожиданным «знакомцам» язык. Они стояли напротив окна, что-то возбужденно друг другу доказывали и на её детское проявление презрения к ним никак не отреагировали.

Когда автобус тронулся, Оксана увидела, как Сева с лысым бегом бросились к своей тёмно-синей «Аудишке».

ГЛАВА 6

Немного истории

Опять поплыли за окном автобуса зелёные картины весенней природы. Солнце то пряталось в редкие светло-серые тучи, то весело выглядывало из-за них, словно играя в прятки. Монотонно урчал мотор. И опять отец, который, само собою, понятия не имел, что за история приключилась с Оксаной на вокзале, собрался вздремнуть.

Но Оксана твёрдо решила узнать у него всё, что только можно, о загадочной монете.

«Рассказать ему о тех, что на вокзале? — подумала она. — Нет, лучше потом... Не то начнётся: что да как, да почему... Тогда придётся рассказать и о «сироте», и про огурец, и о том взгляде Севы, которым он смотрел на неё после слова «сирота»...

— Папа, не дремли, пожалуйста! — Оксана дёрнула его за рукав. — Я готова слушать дальше. Ну, про талер.

— Хорошо, — встрепенулся отец. — Дай-ка мне его...

Оксана разжала кулачок. Отец положил монету на ладонь, будто взвешивая.

— Что ж, мне приятно, что ты вдруг начала интересоваться нумизматикой. Историю ты любишь, а ведь нумизматика — раздел истории в некотором роде, — сказал он. — Может, меньше времени останется на разные глупости...

Оксана опустила глаза. На этот раз она и не подумала оправдываться или обижаться.

— Ты ведь знаешь, моя специальность — прежде всего архитектура, археология, я небольшой знаток монет... Но эта история почти хрестоматийная, её знает каждый, кто

интересуется стариной. Кстати, — вспомнил он, — обратиться к Катиному отцу, Игорю Валентиновичу! Расспроси его, когда вернёмся в Минск.

— Он давно не занимается монетами, — сказала Оксана. — Подарил Кате всю коллекцию.

— Тогда спроси у вашего историка, Бориса Григорьевича. Вот кто расскажет тебе и интереснее, и более подробно, чем я. Помню, ещё в молодости, студентами, он и его друг так увлеклись этой легендой, что сутками не вылазили из архивов!

— Ты сказал — легендой?

— Ну, да. История с монетами старинная и отчасти таинственная... Пока она дошла до наших дней, правды в ней осталось разве что половина. А другая половина — это всевозможные догадки, домыслы, маловероятные совпадения... Так вот, Борис Григорьевич с другом всё выискивали в архивах, библиотеках и краеведческих музеях разные документы, копировали из книг по нумизматике различные монеты, делали запросы в архивы и музеи других крупных городов, в том числе даже Парижа!

— А что они искали?

— Ни много ни мало — клад, оставшийся со времён нашествия Наполеона. Но самое интересное: искали в тех самых местах, куда мы сейчас едем, в Поплавах!

— В наших Поплавах?! Где живет бабушка?!

— Представь себе. История с талерами «завязывается» именно здесь. Хотя, чему удивляться? — французская армия, отступая из Москвы, оказалась зажатой русскими как раз в этом треугольнике, в центре которого и наши Поплавы, — между Толочином, Холопеничами и Борисовом. И переправлялись французы через Березину, конечно же, не все в одном месте, а там, где можно, где удобнее было... Но стоп: давай лучше я начну с начала, по порядку, иначе сам запутаюсь. Только не перебивай, пожалуйста.

Оксана, однако, и тут не смогла не перебить:

— Разве и сейчас есть клады?

— Были, есть и будут, — спокойно и уверенно ответил отец, словно речь шла о чём-то самом обычном. — Мы не

нашли и одной тысячной от тех сокровищ, которые лежат в земле, в воде, в болотах одной только нашей Беларуси. В любой газете можно прочесть: каждый год у нас отыскивается с десятков крупных кладов и множество отдельных монет.

— Правда?! — удивилась девочка. — А я думала, клады эти давным-давно повыкапывали и только в книгах да в кино выдумывают о них, чтобы интереснее было!

— Земле, дочь, ничего чужого не нужно. Она выталкивает из себя всё, что ей вредит: камни, металл, сокровища... Другое дело, что сокровища эти не каждому даются в руки. Мне, например, ни разу не повезло, хотя я и археолог, и столько земли перерыл!.. Даже зная место, где приблизительно спрятан клад, можно годами искать его — и всё напрасно; а можно чисто случайно, вскапывая свой огород, натолкнуться на кубышку с золотом. Чаще всего так и бывает. По статистике, кладывают или люди случайные, или дети.

Отец посмотрел на Оксану и улыбнулся.

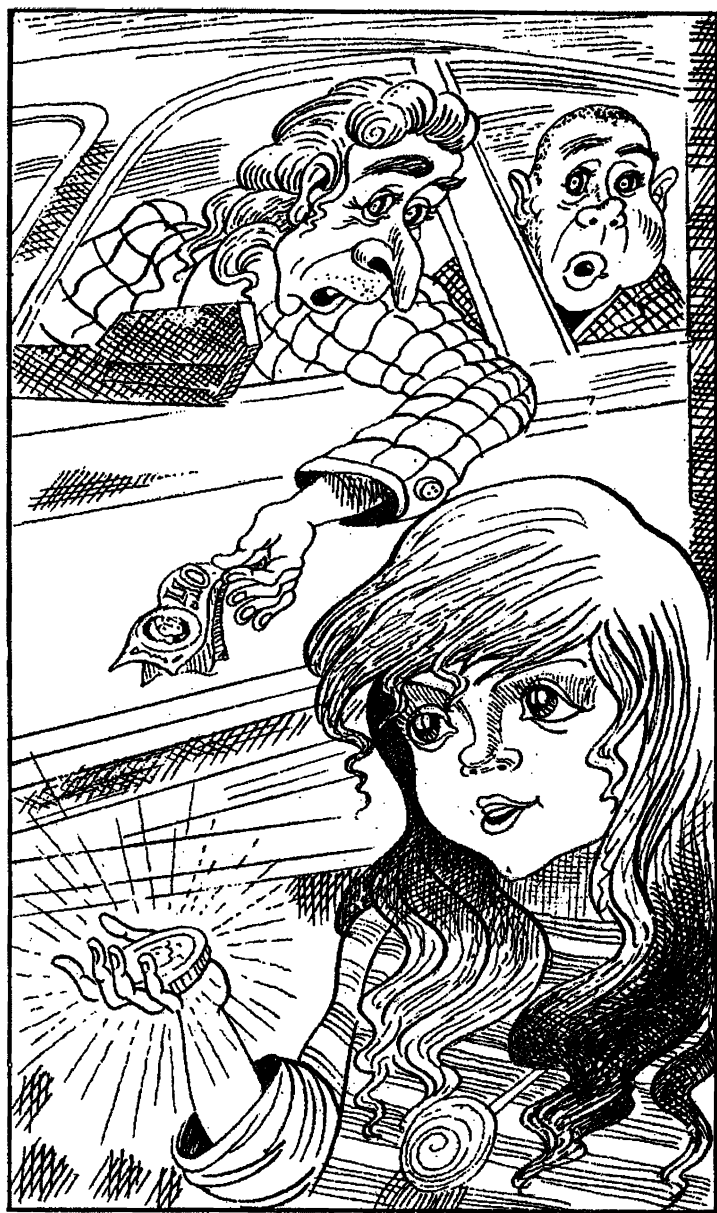
— Не веришь? — спросил он. — Возьми того же Бориса Григорьевича. Он и его друг разработали какой-то план, составили какие-то карты, Борис Григорьевич много раз приезжал сюда, в Поплавы, что-то измерял, ковырялся в земле... И ничего!

— А почему Борис Григорьевич приезжал один, без друга? Может, просто клад не давался ему в руки, а вот друг — раз и нашёл бы!

— Нет, друг не мог. Он инвалид с детства, и без костылей ходить не может... Кстати, он сейчас работает в том самом архиве, в котором ещё студентом просиживал целыми днями.

Оксана обрадовалась: вот хорошо, что Борис Григорьевич и его друг так и не нашли сокровища! Она взглянула в окно. Их автобус шёл по мосту через речку. Вырвавшись из объятий прятавшего её лозняка и красиво изгибаясь, речка весело бежала по зелёному ровному полю, за которым синел лес.

Совсем другими глазами девочка смотрела на всё это сейчас, после рассказа отца. Теперь эта речка и поле, и лес, и вообще вся земля, по которой пролегал их путь, представлялась ей чем-то вроде сейфа. Сейфа, ко-

торый время от времени открывает свои дверцы случайным людям и детям... Детям — значит, и ей, Оксане!

И девочка была уже в мире своих фантазий. Ночь... Выщербленная луна прячется в облаках... Резкий крик филина... Приглушённые голоса, треск сухой ветки под ногой... Стук лопаты о что-то очень твёрдое... Кубышка, оплетенная ржавой проволокой, залитая сверху воском... Блеск золотых монет в слабом лунном свете...

Целое лето было впереди, а в ладошке был зажат талер, который обещал разгадку древней тайны.

У девочки радостно и почему-то тревожно билось сердце.

Впереди была целая жизнь, полная загадок, открытий и приключений!..

ГЛАВА 7

ЕЩЕ НЕМНОГО ИСТОРИИ

— Так вот, слушай, — начал отец. Голос его стал чем-то похож на голос Бориса Григорьевича, когда тот начинал рассказывать ученикам разные эпизоды из истории, не входившие в школьную программу. Таким голосом — тихим, доверительным — обычно делятся с близкими друзьями чем-то сокровенным, дорогим и очень секретным.

— Когда с тринадцатого по восемнадцатое столетие наша Беларусь была сильным независимым государством, Великим Княжеством, когда у нас были свои законы, своя армия и основным языком был белорусский, — у нас, как это ни удивительно, не было своих денег, если не считать маленьких серебряных монеток — динарий — весом менее грамма. Только позже мы начали выпускать свои талеры, которые чеканились в Гродно. Вначале же пользовались монетами иностранными, «импортными» (их поставляла в Великое Княжество почти вся Западная Европа) — шиллингами, дукатами, драхмами, так называемыми «чешскими грошами»... И вот настал шестнадцатый век — самый тяжёлый для Княжества. Началась Ливонская война с Москвией, тянулась она с перерывами почти двадцать пять лет; одновременно приходилось отбиваться от шведов и крымских татар. Вначале белорусы воевали удачно, но врагов было гораздо больше. К тому же война опустошала казну. Тогда Жигимонт II Август, который в то время возглавлял Княжество, вспомнил, что когда-то его мать, неаполитанская принцесса Бона Сфорца, одолжила испанскому королю Филиппу немалую сумму дукатов, но возвращения долга так и не дождалась, потому что умерла. Естественно, Жигимонт потребовал от испанского короля эти деньги. Король

вернул их, причём часть долга была отдана вот такими, как у тебя, талерами испанской чеканки.

— Так вот откуда они у нас! — воскликнула девочка. — А я думала, у нас всегда были только царские, русские деньги. Когда мы с Катей рассматривали коллекцию, мы считали их иностранными монетами. Это ж где Испания, а где Беларусь!

— Беларусь, дочь, совсем не такая бедная и не такая простая, как многие, и не только дети, привыкли считать, — заметил отец почему-то с грустью в голосе. — Но слушай дальше. Через год все талеры испанской чеканки были выкуплены у населения. Их начали использовать как сырьё для производства своих, великокняжеских денег. Вот первая часть истории, реальная, которую может тебе подтвердить каждый нумизмат.

— Ну а дальше? А вторая часть?

— Дальше как раз и начинаются разные легенды. Самая распространённая из них, о которой я, кстати, впервые услышал от Бориса Григорьевича и которая связана с нашими Поплавами, такая. Конечно же, все до единого талеры скупить не могли, кое-кто припрятал монеты. Зачем их оставляли у себя, если за них уже ничего нельзя было купить, — непонятно, но факт остаётся фактом: когда один шляхтич из-под Вильно, из дворянского рода Трушек, в котором все были заядлые коллекционеры, заинтересовался вдруг именно этими редкими талерами испанской чеканки и объявил, что заплатит за каждый настоящий талер немалые деньги, со всех концов Княжества к нему поступило около сотни таких монет. Настоящих, как известно, оказалось восемь. Тут уместно добавить, что род Трушек не был богатым, скорее наоборот. Представители этого рода прославились своим патриотизмом, а также собиранием разного старинного антиквариата, который, по их мнению, напоминал о былом величии Княжества; и всё же наибольшую славу снискали они тем, что были заядлыми картёжниками, дуэлянтами и пьяницами — словом, людьми «широкой души»...

В конце восемнадцатого века во владение их родовым поместьем вступает Казимир Трушка, молодой шляхтич. В наследство ему перешел запущенный полуразрушенный дом, в комнатах которого покрывалась пылью разная ста-

росветская рухлядь, несколько десятин песчаной неурожайной земли да около двух десятков семей нищих крепостных. А помимо того — все качества «широкой души» его предков. Точно так же, как в своё время его отец и дед, и прадед, молодой шляхтич уж больно любил вино, карты, весёлые компании и хватался за саблю или пистолет по любому поводу и без повода... В 1812 году вконец разорённый, спустив в карты поместье, наделав тысячных долгов, Казимир, спасаясь от кредиторов, вступает в один из полков наполеоновской армии и участвует в походе французов на Москву. С этого времени следы его теряются навсегда...

— А талеры? — нетерпеливо перебила Оксана, слушавшая эту предысторию не совсем внимательно. — Что стало с талерами?

— Доберёмся и до них. Так вот, в середине девятнадцатого столетия на месте разрушенного поместья Трушек находят клад, в котором среди других монет было пять талеров испанской чеканки. Составляется опись, и всё это отправляется в Санкт-Петербург — тогда Беларусь была уже в составе России...

— А остальные три талера? — Оксана упрямо добивалась своего.

Но отец, посмотрев в окно автобуса, спохватился:

— Нет, доченька, всё, давай собираться! В другой раз расскажу!

За окном показались ухоженные зелёные квадраты дачных участков, красивые домики, а затем и первые большие дома. Автобус въезжал в пригородно-дачный посёлок Поплавы.

ГЛАВА 8

БАБУШКА

Отец попросил водителя остановиться у крайнего дома.

Когда Оксана с отцом вышли из автобуса, к ним навстречу уже спешила бабушка. Нисколько не постаревшая, лёгкая, босая, в белом платочке, в своём любимом чистеньком фартучке, который Оксана видела на ней каждое лето и который почему-то никак не снашивался.

Бабушка обняла внучку. На Оксану повеяло забытым уже, приятным деревенским запахом свежей травы...

— Я так ждала вас! — молодым, мягким голосом быстро заговорила бабушка. Её доброе, выразительное лицо было в россыпи радостных морщинок. — И Хозяин вас ждал, умывался лапкой всё утро!

Она отпустила, наконец, Оксану, расцеловалась с отцом, и все направились к калитке. В конце улицы показалась машина. Бабушка, взглянув на внучку, вдруг воскликнула:

— Что с тобой, Оксана?!

Девочка не отвечала. Она не спускала глаз с тёмно-синей знакомой «Ауди», которая быстро приближалась к ним. У дома машина убавила скорость, поехала тише. За тёмными стёклами кабины Оксана увидела своих «червеньских» знакомых.

— Да не заболела ли ты?! — бабушка испуганно шупала её лоб.

— В самом деле, — встревожился и отец, — даже лица на тебе нет...

Минуя дом, машина опять прибавила скорость, помчалась в сторону города и исчезла за поворотом.

— Нет, ничего, — пробормотала девочка, отводя бабушкину руку. — Просто укачало немного в автобусе...

— А вы ели? Наверное, голодными отправились в дорогу?

— Да завтракали мы, — ответил отец, — и в автобусе перекусили. Душно было — вот и укачало. Голова болит, Оксана?

— Ничего страшного — всё прошло!

Оксана была уверена, что машина ехала за автобусом специально, чтобы выследить, где она, Оксана, сойдёт. Сейчас девочка почувствовала облегчение — машина не остановилась. Ну и нечего больше думать об этом!.. Уехали, и пусть себе едут... Чего ей бояться, что плохого она им сделала? Не продала талер? Пускай и не надеются. Монега нужна ей самой.

В маленьком, аккуратном, заросшем муравой дворике отец поставил сумки на скамейку под кустом душистой белой сирени и попросил бабушку:

— Принеси нам, мать, полотенце. Умоемся с дороги, в дом чистыми нужно входить.

— И правда — я сейчас! — бабушка бросилась в избу.

Во дворе, около калитки, был низкий колодец с коловоротом. Отец вытащил ведро воды, наполнил рукомойник, который висел на столбике у колодца. Оксана умылась. Студёная вода как рукой сняла дорожную усталость. Она леденила лицо и тоже пахла свежескошенной травой...

Вышла бабушка с белоснежным полотенцем.

— Папа! — закричала Оксана, забыв вытереться, — папа, кот траву ест!

Старый рыжий кот под забором принюхивался и осторожно, боковыми зубами откусывал и с наслаждением жевал травинки.

— Больной, лечится так, — объяснила бабушка. — Он тут у меня за хозяина.

— А откуда он взялся? — спросила Оксана. — Прошрое лето его ведь не было.

— Макар принёс, дай Бог ему здоровья. Он мне во всём помогает. А кот, хоть и старый, а вишь, прижился.

— А зовут его как?

— Так и зову — Хозяин.

Бабушка жила одна, она овдовела лет пять тому назад.

Оксана едва помнила дедушку. Помнила, что он был добрым и внешне похожим на отца, только ниже ростом и старше, конечно. Тогда ещё дедушка с бабушкой жили совсем в другой деревне, далеко, на Гомельщине. Потом, Оксана знала это из рассказов отца, от близкого Чернобыля пошла страшная радиация. Людей из той деревни вывели, заплатив им деньги — «компенсацию». Им предложили на выбор несколько мест для нового жительства, в том числе и Минск. Но о городе старики не хотели и слушать. Им нужен был хоть маленький, но клочок своей земли. Отец добавил все свои скудные сбережения к стариковской такой же скудной «компенсации», и они купили вот эту самую избу, в Поплавах. Оксана помнила, как мать тогда кричала на отца... А потом дедушка заболел, лежал немного в больнице и умер.

А бабушка привыкла тут. В Минске, куда она приезжала зимой на несколько дней погостить, она места себе не находила, скучала, вспоминая и ту прежнюю деревню, и эту новую, Поплавы. Волновалась: как там без неё «куры и кабанчик», за которыми присматривал сосед Макар... Зато сколько радости перепало ей летом, когда приезжала Оксана! Для единственной внучки она не жалела ничего.

— Можно мне Хозяина погладить? — спросила Оксана.

— Погладь, он чистый, хоть и старый.

Девочка присела около кота, погладила его и в самом деле чистую мягкую шерсть. Кот, не обращая на нее никакого внимания, прижмурился, ел траву.

— И он вас ждал... А насколько вы — надолго? — спросила бабушка у отца и подала ему полотенце.

— Завтра вечером уезжаем.

— Ну и хорошо, хоть переночуете... Идёмте в избу, за стол!

ГЛАВА 9

ДВОР

На обед была уха. Самая настоящая, из свежей рыбы. Над тарелками поднимался такой ароматный пар, что у Оксаны рот наполнился слюной. В затянутой прозрачно-золотистым жиром ухе плавали жёлтые листики петрушки и веточки укропа.

— В печи варилась, из свежей рыбы, — говорила довольная бабушка, видя, что гостям нравится её угощение. — Дед Макар утром принёс.

— Дед Макар, я смотрю, свой человек в твоём доме, — заметил отец.

— А куда же мне одной? Тяжело одному, хоть ты разорвись...

Отец ничего не ответил. Оксана хлебала душистую уху, забывая откусывать хлеб. Когда попадались кусочки рыбы, девочка обсасывала косточки и давала Хозяину, который сидел под столом и мурлыкал от удовольствия. Он чувствовал, что бабушка рада гостям, и тоже по-своему, радовался.

— Ты как будто похудела, — сказала бабушка Оксане. — Нету матери, некому присмотреть за тобой...

— Я? Похудела? Наоборот, поправилась!

Отец и после этих слов смолчал. Ел спокойно, словно всё это его не касалось, и смотрел в тарелку.

Оксана заметила: бабушка всё время старается перевести разговор на то, как, мол, тяжело человеку одному, без жены, а ей, Оксане, без матери. Ну, нет! Ещё чего! Не нужно им с отцом никого!.. Она, Оксана, сама уже большая и почти всё может делать «по хозяйству»...

— А когда ты, внученька, уже надолго приедешь?

— Через неделю, когда каникулы начнутся, — ответил за Оксану отец. — Тогда и привезу.

— И надолго?

— Все зависит от того, когда сам из экспедиции вернусь. Ну, месяц побудет здесь, может, полтора.

— Вот если бы хозяйка была в доме, — сказала бабушка, — и за квартирой присмотр был бы... А так поедешь в свою экспедицию... А квартиру на кого оставить?

— Не нужно нам никакой хозяйки! — не выдержав, вмешалась Оксана.

— Так, ты поела? — строго спросил отец. — Тогда иди во двор, погуляй.

Не хотят, чтобы она слушала их взрослые разговоры. Ну, и не надо. Очень ей это интересно. Девочка выбралась из-за стола, сказала «спасибо».

Было четыре часа дня. Солнце точно так же, как и с утра, то появлялось, то пряталось за тучи. И всё равно, только здесь, в деревне, чувствуется настоящее лето. А запахи!.. Пахнет землёй, травой, цветами... Цветов — большая клумба под окном пристройки-веранды. За домом, между стенкой и забором, грядка молодого шавеля. Оксана присела на корточки и начала отправлять в рот самые маленькие, салатového цвета листочки, слегка кисловатые и очень вкусные. Ела, пока не набила оскомину. Рядом похаживали куры, искоса поглядывая на девочку и, передразнивая её, тоже поклёвывали шавель.

Оксана влезла на забор и осмотрела давно знакомую улицу. Сколько разных домиков! Их стало ещё больше, чем в прошлом году. Каждый дворик огорожен со всех четырёх сторон. А сколько разных улочек, переулков, тупиков! Асфальт «рассекает» Поплавы посередине. Одна половина посёлка, где находится и дом бабушки, называется «низинной», потому что с этой стороны асфальта переулки, дома, огороды спускаются всё вниз и вниз, к самой Березине. Отсюда реки даже не видно. А где-то там, за рекой — луг, «поплав» по-местному, а за ним — болото...

А половина посёлка, что по другую сторону асфальта, «карабкается» всё вверх и вверх. И там, где проходит граница последних дачных участков, сразу начинается лес.

Вот такие их Поплавы. Не поймешь, деревня это или пригород, или дачный посёлок...

Если ещё в прошлом году Оксана с полным равнодушием созерцала эти окрестности, то теперь история с талером, который лежал у неё в кармане, не выходила у неё из головы. Это

сколько же таких посёлков в Беларуси! И у каждого — своё прошлое, свои, возможно, неразгаданные тайны... Сказал же отец, что в одной лишь нашей республике каждый год находят около десяти крупных кладов. Не в одном же месте эти клады припрятаны, а по всей Беларуси, и кто-то же их находит!..

Девочка спрыгнула с забора, ещё раз внимательно осмотрела талер. Почему он такой неровный? Вот эта глубокая зазубрина на ребре монеты, что она означает? Это просто трещина, или вмятина?.. Нет — она словно выпилена напильником или выхвачена острым ножом... Надо не забыть спросить у отца. Скорее бы вечер! Тогда отец наконец-то доскажет эту старую загадочную историю. Сколько они ещё будут там секретничать с бабушкой?

Оксана зашла в маленькую, светлую и уютную веранду. Минувшим летом, когда в доме было душно, бабушка стелила ей вот на этом диване в углу. Матрас был набит душистым сеном, подушка — мягким пером... Как же здесь сладко ей тогда спалось!.. И тумбочка у дивана та самая.

Оксана раскрыла дверцы тумбочки. Подсолнечное масло, сахар, пачка чаю, миска с куриными яйцами... Девочке пришло в голову, что подсолнечным маслом можно очистить талер. Может, тогда на нём что-нибудь проявится? Какие-нибудь таинственные знаки, которые подскажут, где захоронен клад? Вот было бы здорово!

Откупорив зубами начатую бутылку, Оксана капнула на палец немного масла и потёрла монету. Ничего, никаких знаков не проступило. Лишь на пальце остался грязный синий след, а сама монета вроде как посветлела. Может, мало подсолнечного масла? Оксана, уже не жалея, наклонила бутылку, плюхнула из неё масло прямо на талер... Нет, ничего не изменилось. А вот как теперь носить его, пахшего постным маслом, в кармане?

Оксана поспешно обтёрла талер своим новеньким белым носовым платком. На платке сразу же появилось синее маслянистое пятно, почти в точности повторившее контуры талера. Ну вот, опять влетит от отца...

«Скажу, что забыла платок в автобусе, а потом как-нибудь отмою», — решила Оксана.

Она воровато посмотрела на дверь, подошла к дивану и засунула скомканный грязный платок под матрас.

ГЛАВА 10

ЧЕСЬ

После этого «греха» девочке расхотелось идти в дом. Отец с бабушкой умеют читать по глазам... Положив в карман талер, который и в самом деле немного отчистился от древнего налёта и от современного подсолнечного масла, Оксана выбежала во двор.

— Ксюха! — вдруг услышала она чей-то радостный голос. — Оксана, когда вы приехали?

За забором на улице стоял и смотрел в щель между досок мальчик примерно её лет, Чесь. Был он белобрысый, загорелый, вроде как даже возмужал за год, пока они не виделись. Босоногий, в джинсовых шортах, в расстёгнутой длинной рубашке с завязанными (по «взрослой» деревенской моде) на животе концами.

Оксана не верила своим глазам. Неужели это тот самый Чесь, забияка, нахал, хулиган, которого она так боялась в прошлое лето? Который не давал ей проходу, дёргал за волосы, дразнил «Ксюха без уха», а когда они купались в Березине у самого берега, нырял, под водой хватал её за ногу и тащил в самую глубину... И однажды так напугал её, выстрелив за спиной из самопала, что бабушка даже ходила ругаться с его родителями... И вот, пожалуйста: вежливый, такая радость в голосе!

Впрочем, девчонка и сама была рада увидеть знакомое лицо. За год и не такое забывается. К тому же она, что ни говори, гостя здесь, а Чесь — местный, значит, хозяин. В гостях хочешь не хочешь, а будешь стараться не показывать своих антипатий.

— Да не бойся, иди сюда! — позвал Чесь.

— Я и не боюсь.

Оксана вышла на улицу, на всякий случай не стала закрывать за собой калитку и остановилась около неё.

— Да не бойся! — повторил Чесь. — Ты приехала на всё лето? Как в прошлом году?

— На какое лето, ещё целая неделя до каникул... — Оксана взглянула на него повнимательней и, всплеснув руками, невольно подстраиваясь под бабушку, воскликнула: — Божечки, что это с тобой?!

Одна щека у Чеся распухла и оттопырилась, словно во рту он держал огромный круглый леденец.

— А, это... — Чесь смущённо опустил глаза. — Уже проходит! Раньше ещё не такая была, — похвастался он.

— Опять в драку влез?

— Нет, осы покусали. Свили гнездо на чердаке, я их следил, полез — и вот...

— И зачем они тебе нужны были?

— Что значит — зачем? А мёду набрать?

Оксана удивлённо уставилась на него — может, шутит? — потом залилась смехом:

— У ос? Мёд? Эх, ты, деревенский, а («такой дурак», едва не вырвалось у нее)... а не знаешь, что у ос никогда никакого мёда не бывает!

— Я не знал, — смущённо признался Чесь. — Думал, раз они похожи на пчёл и гнёзда выют, то должны быть и соты...

Оксана заметила, что он краснеет. И ещё — когда говорит и смотрит на неё, то старается повернуться так, чтобы не была видна ей распухшая щека. Неужели стыдится?..

— Оксана... — Чесь оглянулся, затем опустил голову и поковырял большим пальцем ноги песок. — Оксана, — быстро сказал он, — ты извини... Ну, за всё. Я больше не буду тебя топить...

Вот так фокусы! Что это с ним?

— Ну, хорошо, смотри мне! — шутя, погрозила ему пальцем Оксана.

— Так ты не обижаешься? А хочешь, Оксана, давай этим летом дружить!

— Как?

— Ну, быть вместе... Я покажу тебе заводь, где ловятся подлещи. И шалаш... нет, я хотел сказать, покажу место, где орехов можно будет набрать сколько захочешь...

— Подожди, что за шалаш?

— Нет, ничего. Никакого шалаша нету. Я хотел сказать, что его можно будет построить, — с досадой на себя, что проговорился, начал оправдываться Чесь.

«Я у тебя всё повыспрошу, ты мне всё покажешь, и этот самый шалаш», — подумала Оксана. Ей льстило предложение дружбы, приятно было — и всё же...

Всё же она была маленькой женщиной. Она с удивлением почувствовала, что такой Чесь — покорный, вежливый, униженный даже — интересует её гораздо меньше, чем прежний — задиристый. Если бы он не попросил прощения, ей, вероятно, не пришло бы в голову немного помучить его.

— А я не смогу быть тут летом, — вздохнув с сожалением, сказала она.

— Как не сможешь? Почему?

— Отца отправляют в экспедицию. В эту... в Бразилию. И он берёт меня с собой.

Чесь даже забыл про щёку. Он смотрел на девчонку во все глаза, смешной и несчастный.

— А надолго? — спросил он со слабой надеждой в голосе. — Может, хоть в конце лета приедешь?

— Нет, вряд ли. Мы там долго будем, в Бразилии.

— А ты сама хочешь ехать? — спросил Чесь.

— Конечно, хочу! Там так интересно... Во-первых, целых десять часов лететь самолётом. Во-вторых, там океан, разные крокодилы, джунгли, пальмы, кокосовые орехи...

— А у нас разве не интересно? — обиделся за свои места Чесь.

— Сравнил! Крокодилы — и ваши подлещики, какосы — и ваши орехи...

Чесь был просто уничтожен. А он хотел заинтересовать её шалашом... Шалаш — и Бразилия!.. Смешно...

Он нахмурился. Вместе с тем в глазах его начало появляться то, прежнее, задиристо-гордое и независимое...

ГЛАВА 11

МИХАСЬ

— Ну и езжай, — хмуро произнёс Чесь, исподлобья по-
сматривая на неё.

— Ну и поеду...

— Езжай, езжай, скатертью дорога...

Отмщение за прежние обиды было полным. Оксана, насладившись им, уже начинала жалеть паренька. Но только она собралась признаться, что Бразилия — полная чепуха и она сама не знает, зачем выдумала всё это, как Чесь вдруг метнулся к калитке и отрезал Оксане путь к отступлению — дорогу во двор.

— А хочешь, я тебе сейчас твою Бразилию покажу...

Не успела Оксана отпрянуть, как Чесь ухватил ее двумя пальцами за нос и потянул вверх. На мгновение девчонка задохнулась от неожиданности. К тому же так больно и неприятно было!.. Стараясь вырваться, она нечаянно наступила твёрдой рифлёной подошвой кроссовки Чесю на босую ногу. Тот охнул и отпустил её нос. Вне себя от ярости, Оксана ещё раз повторила «приём», уже нарочно.

— Ты что?! — закричал Чесь и, согнувшись, схватился за ногу.

Уж больно заманчивой была его поза, чтобы не воспользоваться случаем, не попробовать одержать окончательную победу... Оксана толкнула его в плечо. Чесь потерял равновесие, упал, но тотчас упруго вскочил на ноги:

— Ну, подожди!..

Быстрой и, по всей видимости, суровой расплаты Оксана ждать не стала. Не успел Чесь отряхнуть песок с колен, как она уже сидела на высоком заборе — добро, в кроссовках легко и удобно было карабкаться по гладким доскам,

подошвы не скользили. Словно кошка, девчонка сверху зорко следила за Чесем, при любом его подозрительном движении готовая спрыгнуть на спасительную территорию двора.

— Ах! — воскликнула вдруг она и схватилась за карман, стараясь удержать монету, которая вываливалась оттуда.⁴

Но поздно! Монета шлёпнулась в траву под забором. В следующее мгновение она уже была у Чеся. Только он почему-то, прежде чем спрятать монету, схватился за свой карман, запустил туда руку...

— Дыра, — удивлённо сообщил он.

— Чесик, отдай! — взмолилась Оксана.

— Ещё чего!

— Отдай, это чужая монета!

— Известно, чужая — не твоя, а моя.

— Чесик, послушай, — ну хочешь, я признаюсь, что наврала тебе?

— Хм... Хочу.

— Тогда отдашь?

— Отдам.

— Поклянись!

— Ну, клянусь.

— Я наврала тебе про Бразилию... Никуда я не еду, здесь буду, в Поплавах. И мы будем с тобой дружить, как ты и хотел...

— Даже так? Ну что ж — когда приедешь на каникулы, тогда и посмотрим.

И Чесь, спокойно посвистывая, повернулся к девчонке спиной, с явным намерением уйти.

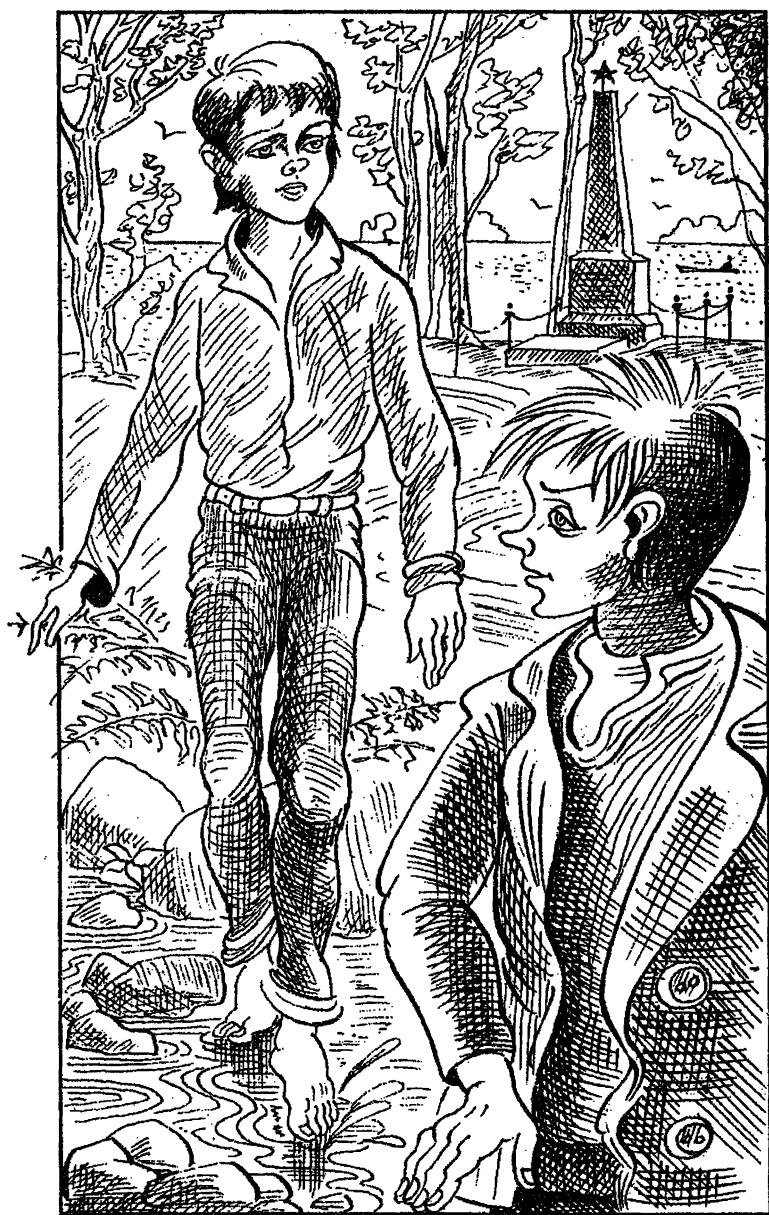
Нужно принимать крайние меры, мелькнуло в голове у Оксаны, — звать на помощь отца (хоть сама она всегда считала последним делом жаловаться родителям).

— Отдай! Ты же обещал! — с отчаянием крикнула она.

— Я тебя не просил признаваться, — Чесь, однако, остановился. — Ну, хорошо: я соврал, когда клялся. А ты соврала о Бразилии. Вот мы и квиты. Всё по-честному. Ты врешь — а мне почему нельзя?

Такой жестокости девочка от него не ожидала. Она всхлипнула. Вытирая слёзы, краем глаза заметила, что Чесь как будто растерялся.

— Да что ты румзаешь?... Оксана! С чего ты взяла, что я должен отдать тебе свою монету?

— Нет, она моя! — сквозь слёзы выкрикнула девочка. — Тебе она просто так нужна, для забавы, а мне... Ты же не знаешь!..

— Да ничего подобного — это моя монета! Честное слово. Я нашёл её вчера на огороде... Когда ты толкнула меня и я упал, монета вывалилась в дырку в моём кармане, ты её схватила — и на забор... Да, как видишь, не получилось, монета сама вернулась к хозяину, — удовлетворённо закончил Чесь.

— Как тебе не стыдно!

— Это тебе должно быть стыдно. Нарассказывала мне сказок о Бразилии, отдала ногу, хотела присвоить мою монету — и мне же ещё должно быть стыдно...

Оксана, не отвечая, всматривалась в конец улицы. Там ехал на велосипеде как будто кто-то очень знакомый... Да, так и есть — это Михась, и он быстро приближается сюда, к ним! Ну, теперь можно обойтись и без помощи отца... Михась её в обиду никому и никогда не даст. И отец его любит, и бабушка, которая всегда просит паренька присматривать за ней, Оксаной, и защищать её. Родители Михася — родом из той самой деревни на Гомельщине, откуда и бабушка, а после радиации перебрались тоже в Поплавы. Поэтому и держатся друг друга, словно родные.

— Михась! — закричала радостно Оксана и замахала рукой, чтобы он поскорее подъезжал.

Михась положил велосипед на обочину асфальта, направился к ним. Это был темноглазый, долговязый (он был лишь на год старше Оксаны и Чеся), серьёзный подросток. Обут в кеды; спортивные брюки закатаны до колен, чёрная майка с надписью на груди — «Беларусь».

ГЛАВА 12

МИХАСЬ

— Чесь, привет!.. Оксана, когда ты приехала?

— Он отнял у меня монету! — вместо ответа плаксиво пожаловалась Оксана. — И не хочет отдавать!

— Враньё! — сказал Чесь, не двигаясь с места.

— Монету?

Михась повернулся к нему, подошёл почти вплотную. Он был выше Чесь на целую голову. Но Чесь не испугался. Он лишь слегка побледнел от возмущения и остался стоять как стоял.

— Миша, если хочешь подраться — давай, — сказал он. — Но я не отнимал у неё ничего. У меня в кармане лежала монета, вывалилась в дырку, Оксана схватила её, а потом сама выпустила из рук.. А теперь канючит: отдай!

Михась, со сжатыми кулаками, остановился в нерешительности. Он знал Чесь — просто так тот говорить не будет. Оксана между тем слезла с забора и, смелая, стала у Михась за спиной.

— Не верь ему, Миша! Я привезла талер с собой из Минска!

— Чепуха, я нашёл его вчера на своём огороде!

— А ну, покажи, Чесь, — приказал Михась.

Чесь неохотно протянул ладонь с лежавшей на ней монетой. И тут лицо у него изменилось. Он быстро понюхал монету.

— Что за чёрт... Подсолнечным маслом вроде как пахнет... И моя темнее... И как будто ребро у неё другое — выщербина с другой стороны...

— Оксана! — раздался голос отца.

Воспользовавшись растерянностью Чесь, девчонка схватила талер с его ладони и спрятала в карман.

— Миша, спасибо тебе большое! Мне нужно бежать...

Ты так мне помог! Ты даже не представляешь, что это за монета... Хочешь, приходи сегодня вечером, отец расскажет... — и, приподнявшись на цыпочки, зашептала что-то Михасю в ухо, затем юркнула в калитку.

— Где же тогда моя?.. — растерянно повторял Чесь, шаря по карманам. — Не приснилась же мне она!..

— Подожди, давай отойдём. Вон бабушка Оксанина смотрит, крутимся здесь, возле дома.

Михась поднял велосипед, мальчишки свернули в переулок, который спускался в «низину». Там, недалеко от Березины, был дом Чесья.

— А теперь, — сказал Михась, ведя одной рукой велосипед, — расскажи толком, всё по порядку.

— Да вчера... — Чесь все шарил по карманам, осматривал всё вокруг, словно искал глазами монету, — вчера отец окучивал картошку. Знаешь, на том поле, у самой реки, где памятник? Я водил под уздцы лошадь, ты ведь помнишь, жара была, оводы, мошкара, лошадь ходить не хотела, лягалась...

— Да на кой мне твоя лошадь? Про монету рассказывай.

— Ну и блеснуло что-то на свежей земле, там, где уже прошёл окучник... Я поднял на ходу и положил в карман, даже не рассмотрел как следует, — времени не было.

— А вечером?

— Что?

— Вечером рассмотрел монету?

— Да я просто забыл о ней, Михась! Так измотался с той лошады, что чуть ноги волок. Потом ещё осы эти проклятые, — Чесь дотронулся до щеки. — Такая боль дикая — обо всём на свете забудешь...

— Короче, ты её потерял.

— Выходит, так, — виновато потупился Чесь.

— Вспомни, где ты вчера сидел или лежал?

— Да нигде! Только на чердак и слазил, к этим осам, и сразу — спать. Хотя... — Чесь вспомнил, как сегодня Оксана постыдно свалила его. — Нет, нигде.

— Дырки зашивать нужно, лопух, — упрекнул Михась. — Как у тебя хватило ума положить монету в дырявый карман? И почему монета не вывалилась оттуда сразу же? Ты же босиком был?

— Босиком... — Чесь остановился, посмотрел на друга круглыми глазами.

— Ну, вот. Если бы монета выпала, она бы тебя ударила по ноге. Неужели ты не почувствовал?

— Стоп! Всё правильно! — от радости Чесь с размаху хлопнул Михася по плечу. — Вспомнил: никакой дырки в кармане не было, потому что и шортов не было! Я в трико был! А вечером, когда я спал уже, мать забрала трико стирать, а мне оставила шорты. Сейчас вспомнил: рубашка вот эта самая была, а штаны... — всё не мог утомониться Чесь.

— И ты полдня не знал, что ходишь в других штанах?

— Посмотрел бы я на тебя, если бы ты так вымотался! Да и осы...

— Хорошо, хватит про осы. Где твоё трико теперь?

— Наверное, мать постирала уже. Висит и сохнет.

— Да не трико! — Михася даже злость взяла, — зачем мне твоё трико?! Монета где? Может, мать потеряла её, когда выкручивала одежду?

— В самом деле, я об этом и не подумал, — испугался Чесь. Дважды на протяжении часа лишиться монеты было бы для него слишком.

— Садись! — скомандовал Михась.

Он разогнал велосипед, Чесь, пробежав немного рядом, схватился за руль и вскочил на раму. Улочка спускалась вниз. Через несколько минут ребята уже влетали во двор Чеся.

Посреди двора стояла балея, над которой клубился пар. Пахло стиральным порошком. Мать, нагнувшись, стирала бельё, кусок хозяйственного мыла в её руке так и шаркал по рифлёной доске. Почти все веревки, натянутые в конце двора между грушами, были увешаны выполосканной одеждой. Лишь небольшая кучка белья лежала около балеи. Ребята бросились к ней и вот радость! — трико! И монета на месте, в заднем кармане.

Чесь с гордостью протянул её другу:

— Ну, а ты не верил!

Мать удивлённо смотрела на них. Потом начала, по обыкновению, устало бурчать:

— Сколько раз говорила: проверяй карманы перед стиркой... А если бы оно размокло, то, что вы искали?

— Нет, это не размокнет! — счастливый, Чесь показал и матери монету.

— Ты бы лучше помог, лодырь, чем летать по целым дням неизвестно где... Хотя бы выстиранное прополоскал,

сходил на речку или выкрутить помог, — на мать монета не произвела никакого впечатления.

Михась оторопел: ничего себе, «летает целый день». Это было несправедливо. Чесь, в отличие от многих поселковых ребят, никогда не бегал от домашней работы, всегда помогал матери.

— Давай, прополощу! — ухватился он и сейчас.

— Ладно уж, иди гуляй. Пока дождёшься от тебя, сама быстрее сделаю. Да снова в осиное гнездо не влезь!

— Чего это она на тебя так? — спросил Михась, когда они отошли. — Я дома и половины не делаю того, что ты.

— Нет, это так, для связки слов, — ответил Чесь. — Она добрая.

Они пересекли двор, завернули за сарайчик, который прилепился к дому со стороны луга, разлеглись на мягкой мураве.

Отсюда открывался вид на приречные луга и на самую красавицу Березину — широкую, окаймлённую с этого низкого берега ольхами и вербами. Как раз в этом месте её течение было медленным, плавным, здесь она образовывала зеркальную излучину. Почти к самой Березине спускались огороды; а чуть в стороне, на невысоком кургане, виднелся памятник: вертикальная гранитная плита. Окружают её с четырёх сторон бетонные столбики, соединённые провисшими посередине цепями. На плите, ребята знали, золотой краской выведены слова:

Русским воинам Отечественной войны
Советским воинам Великой Отечественной войны
Слава героям!

А немного поодаль, за излучиной, где низкий берег постепенно начинает подниматься и становится высоким, обрывистым, — там, на самой круче, надёжно спрятан в листве дуба и ольхи, на переплетении толстых ветвей, их шалаш...

Чесь рассматривал монету.

— Вон там и нашёл, — указал он в сторону памятника. — Нет, ну ты посмотри, Михась, — точно такая же, как у Оксаны! Только на моей монете зазубрина другая, глуб-

же... Почему, интересно, Оксана так дорожит этим... как она сказала?

— Талером.

— Так уж упрашивала: Чесик, Чесик, отдай...

— Когда ты краснеть научился? — насмешливо прищурился Михась.

— Да просто щека чешется, — ещё больше покраснел Чесь. — Посмотрел бы я, если бы тебя осы... А! — вспомнил он. — Скажи лучше, о чём ты шептался с ней?

— Я с ней не шептался.

— Ну, она с тобой — какая разница? Что она сказала тебе на ухо?

Михась загадочно улыбался и молчал, словно набивая цену тем словам, которые может сказать сейчас, а может и не сказать.

— Не забывай, что монета моя, — напомнил Чесь.

— Хорошо. Оксана шепнула, что в наших Поплавах спрятан клад. И разгадка, как его найти, — в монете.

Чесь недоверчиво хмыкнул. Он ждал совсем другого... А тут — какой-то клад. Всё это детское, из книжек да из фильмов. Если бы услышал такое не от Михася, а от кого-нибудь другого, поднял бы на смех. Но Михась — лучший друг, к тому же старший.

— Ты серьёзно? — спросил Чесь, приподнимаясь на локтях.

— Оксана узнала об этом от отца. А её отец, не забывай, известный историк, археолог, и просто так басни травить не станет.

— А поподробнее? Что за клад? Причём здесь монета?

— Я знаю не больше тебя. Ты же слышал: Оксана обещала, что сегодня вечером её отец расскажет эту историю. Я схожу, послушаю — и тогда будем думать.

— А почему ты один?

— Потому, что меня одного звали. Может, ещё всей компанией завалимся — я, ты и Змитрок?

— Да, и Змитрок! Мы должны быть все вместе. Или мы идём все втроём, или... или я запущу эту монету в Березину, — решительно заявил Чесь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОПЛАВЫ

ГЛАВА 1

ШАЛАШ

Шалаш находился на высоте метров пяти, среди ветвей в кронах дуба и толстенной ольхи, которые дружно росли на обрывистом берегу реки. Вода тихо плескалась внизу, временами образуя в своём течении водовороты, и тогда волны ударялись о берег, лизали жёлтый песок и обнажали и без того голые, сломанные корни деревьев.

Место для шалаша примерно месяц назад присмотрел совершенно случайно Чесь.

Тогда, в конце апреля, всё вокруг зеленело, припекало солнце; рыба, в основном плотва, нерестовала, подымалась из своих тёмных глубин к поверхности, заходила в прибрежную траву на мели, где обилие еды и тепло, где можно подремать в ленивой истоме, шевеля плавниками.

На удочки рыба бралась слабо. Чесь с Михасём до полудня таскали по мелководью старый дырявый бредень, затем тут же, у берега, купались, пытались в мутной воде ловить плотву руками... Усталые, озябшие, поленились нести домой мокрый, тяжёлый бредень — всё равно, если такая погода продержится ещё, завтра опять захочется порыбачить. В прибрежных кустах оставлять бредень, каким бы старым и дырявым тот ни был, не решились. Чесь глянул вверх, полез по кривой и толстой, без ветвей снизу ольхе. Добрался до густой кроны, нырнул туда...

— Эй, Михась! — раздался сверху его голос. — Да тут хату можно построить среди ветвей!..

Очутившись наверху, Михась тоже пришёл в полный восторг:

— Вот чудо — ветви сами так растут, что образовали что-то вроде шалаша! И видно отсюда всё! А тебя, Чесь, даже снизу, за два шага не рассмотреть!

Оставив в «шалаше» бредень, на следующий день они пришли на это место не с пустыми руками. Притащили несколько дощатых ящиков — нашли на пустыре за магазином — моток мягкой алюминиевой проволоки, молоток, гвозди и кусок рубероида.

В тот день им было не до рыбалки. Кипела работа. На нижние параллельные ветви настлали доски, оплели их проволокой — получился «пол», втащили наверх рубероид — отличный «потолок». Вот только на «стены» не хватило досок. Ничего, дней впереди много, много и бесхозных ящиков за магазином.

На выходные приезжал из города Березино друг Михася и Чесь — Змитрок. У его родителей в посёлке была дача, только не в «низине», у реки, а у самого леса. Змитрока ребята всегда охотно принимали в свою компанию — и потому, что городской он, а не задаётся, и потому, что «безотказный» он, всегда соглашается и слушается как старшего, Михася, так и младшего, Чесь.

Теперь каждые выходные уже втроём, связанные, конечно же, найстрожайшей тайной, обустроивали шалаш. И тот постепенно приобретал всё более жилой, даже уютный (так казалось ребятам) вид.

Появились «стены», на «пол» навалили мягкого сухого мха. Внутри шалаш был довольно большой, вместительный — всем троим хватало места, ещё и оставалось. Можно было лежать, можно вставать во весь рост. Правда, высокому Михасю приходилось чуть пригибаться. В углу на «стенках» соорудили две полки, на которых разложили разную хозяйственную мелочь (что за жилище без утвари?): удочки, коробочки с крючками, олово на грузила, котелок, начищенный песком и всё равно со следами копоты на боках, чайник, баночки с солью, перцем, лавровым листом, спички, перочинный ножик, была даже толстая парафиновая свеча. На другой полке — оружие: охотничий нож, само-

палы — прикреплённые к деревянному цевью медные трубки, заклёпанные на концах. Под полками в том же углу — вылинявший добела походный рюкзак, который подарил ребятам отец Михася, бредень, спиннинг, резиновые сапоги с высокими голенищами.

Имелась в шалаше и «дверь» — густолистная ветка дуба. Она закрывала вход целиком. Ветка пружинила: отогнёшь её, пролезешь в шалаш, а она пырх назад, и дверь затворилась. И вот ты в шалаше. Так здорово тут! Внизу бежит, плещется о берег вода. По одну сторону видна дорога, Чесевы дом и огород, другие — которые поближе — дома и огороды, памятник на невысоком кургане. Ты всё и всех видишь, а тебя никто. Никто и не догадывается, что ты здесь, на деревьях, живёшь, словно птица или зверь лесной. А какая красота, когда дождь идёт (только без молний, если молнии — под дубом опасно)! Сидишь себе тихонько в шалаше, капли шлёпают — разбиваются о рубероид и листья... А тут сухо, тепло, ты забыт всем миром, отрезан от людей, от жизни...

Вскоре шалаш превратился в «штаб». И старший Михась, и младшие Чесь, и Змитрок — все были одновременно и рядовыми бойцами и начальниками штаба. Дело в том, что вот-вот наступят летние каникулы. Нужно обмозговать и утвердить план действий. План простой: не шляться же целое лето, задрав головы и посвистывая, не только купаться, загорать и ловить рыбку. Во-первых, наскучит, а во-вторых, одиннадцать-двенадцать лет самый возраст, чтобы понять, что в жизни далеко не последнее место занимают деньги. И богатым быть вовсе не плохо. Особенно, если это не родительские, а твои собственные деньги. И ты можешь израсходовать их на всё, что душе твоей угодно, не спрашивая ни у кого разрешения.

Троица друзей собралась в шалаше — «штабе». Михась даже прихватил с собой тетрадь и огрызок карандаша, чтобы записывать самые интересные и, главное, наиболее реальные и исполнимые предложения. Каждый должен был выступить на тему: «Как за лето заработать денег и разбогатеть?»

Первым выступил Змитрок. Михась записал:

1/ Змитрок. Мыть машины, желательнее иномарки, на автозаправке под Березино. Змитрок уже пробовал. Положительное — если повезёт, можно за раз получить до десяти долларов. Недостаток — мыть нужно быстро и аккуратно, к тому же приходится унижаться, всем угождать. Конкуренты — местные и городские, из Березино, — чужаков и близко не подпускают. У Змитрока отобрали ведро, навешали оплеух и пообещали, что, если увидят ещё раз, нахлобучат ведро с мыльной водой на голову.

— И ты так ничего и не заработал? — спросил Михась.

— Не успел... Одному так вымыл его «Вольво», аж блесла — не дал ничего. Второй сунул какую-то мелочь, кусок мыла стоит больше. Всего две машины и успел вымыть.

— Откуда у нас те иномарки или богатые люди! — отозвался Чесь. — Город маленький, это если бы в Минске, вот там можно было бы развернуться!

Михась пометил внизу: машины — на крайний случай.

Чесь предложил свой, самый надёжный вариант.

— Будем собирать грибы, ягоды, орехи, ловить рыбу, возить в город на рынок и продавать. Деньги держать в одном месте, а в конце лета поделить поровну.

— Ягоды созреют в лучшем случае через месяц, — ответил Михась, — грибы в такую сушь будут ли вообще, орехи появятся лишь в начале осени, да и с рыбой не всякий раз будет удача. Кстати, этой рыбы всегда полным-полно на городском рынке.

— Тогда не знаю.

Михась записал:

2/ Вариант Чёся. Положительное — надёжность. Недостаток — тяжело, неинтересно, мало денег.

— Я предлагаю вот что, — сказал Михась. — Вы заметили: к деду Макару весь последний месяц ездят какие-то люди из Минска — геологи, как он говорит. Двое мужчин. Они ставят у него во дворе машину, ночуют иногда... Неужели им не нужны помощники?

— А что они делают? — спросил Змитрок.

— Ходят у реки, вокруг памятника, по лугам бродят, что-то измеряют, а потом записывают в блокноты... В по-

следнее время начали заглядывать даже на чужие огороды, и к нам приходили. Объясняют хозяевам, что им нужно брать землю и воду на пробу с разных участков нашей местности...

— Всё понятно — нефть ищут, — вмешался Чесь.

— Может, нефть, может, другие ископаемые... У них ещё такая штука, похожая на миноискатель, — палка с металлической дугой на конце. Я предлагаю подойти к ним и попроситься на работу: что-нибудь подносить им, подавать рулетку, держать штыри-фиксаторы... Если хоть одного из нас возьмут, и то хорошо. Не возьмут — тоже не беда, мы ничего не теряем, а попробовать можно.

— Быть на подхвате, мальчиком на побегушках? — поморщился Чесь.

— Тогда иди машины мой.

— Машины мыть — другое дело: ты сам себе хозяин, хочешь — мой, хочешь — нет, а тут будешь бегать, как собачонка, никакой свободы... Но пусть: я согласен. Только расчёт — в долларах и в конце каждого дня, — сказал Чесь.

— Это само собой. А люди они не бедные, по всему видно. Кроме того, часто уезжают в Минск, а работа стоит. И они могли бы на это время давать нам задания — например, участок измерить, набрать той же земли на пробу.

— Решено — записывай.

— Итак, третий пункт, — записывал и вслух читал Михась. — Положительное — наличные деньги в конце дня. Недостаток — неизвестно, нужны ли им вообще помощники?

— И если Курт нас не опередил, — добавил Змитрок, который всегда говорил мало, но по делу. — О Курте забыли?

При слове «Курт» все трое поморщились. Это был деда Макара внук, который жил и учился в школе в Березино, а на выходные, как и Змитрок, приезжал в посёлок к деду. Троице друзьям он доставлял немало неприятностей, особенно когда втянул их в одну историю, о которой им и теперь стыдно было вспоминать.

Михась почесал кончиком карандаша затылок.

— Да-а, этот всюду влезет... И всё же он городской, а мы

с Чесем местные, живём здесь и во всяком случае побольше его знаем.

— Ничего, — сказал Змитрок, — через неделю каникулы, он тоже будет жить у деда. Геологи у них остановились, его они и возьмут. Зачем им мы, чужие?

— Следовательно, его нужно опередить. И пункт четвёртый, — обобщил Михась, — постараться где-нибудь деньги найти. Внимательнее присматриваться около магазина, у автозаправки, на остановке, особенно в городе на вокзале и вообще на улицах... Это тебя в основном, Змитрок, касается.

— Да, разогнались! — усмехнулся Чесь. — Лежит там посреди улицы кошелёк, ждёт нас не дождётся.

— Если кто-то теряет деньги, значит, кто-то должен их и находить, — спокойно ответил Михась. — Запишем как вариант.

Чесь и Змитрок не имели ничего против такой логики.

ГЛАВА 2

ГЕОЛОГИ И ДЕД МАКАР

— Сейчас нужно записать в дневник: пункт пятый — поиски сокровища, — сказал Чесь, поигрывая монетой. — Хоть и мало верится, если честно.

Они с Михасём лежали на траве за сараем, разомлев от солнышка, лениво посматривая на лут, речку, на невысокий курган, увенчанный памятником.

— Вечером узнаем, что за клад, — Михась зевнул. — В любом случае клад — это серьёзно. Что нашёл — всё твоё, сразу капитал. Это тебе не машины мыть и не чернику продавать.

— До вечера далеко... А сейчас что делать? Может, в шалаш сходим? — предложил Чесь.

Михась, не отвечая, повернул голову, прислушался. Во дворе раздался голос матери, потом послышались шаги, и из-за сарая вышел Змитрок. Как всегда, серьёзный, чистенький, подстриженный, в отутюженных брючках, начищенных ботинках.

— Вот где вы. А я уже и в шалаше вас искал. Привет, — подал руку одному, другому, словно не виделись не целую неделю, а всего несколько часов.

Он разлёгся рядом.

— Когда ты приехал? — спросил Михась.

— Только что, дневным автобусом.

— Ну, и какие новости? — Чесь с Михасём переглянулись. — Что слышно о кошельке с деньгами? Нашёл?

— Нет, — серьёзно ответил Змитрок.

— Может, плохо искал?

— Искал добросовестно... А у вас что слышно?

— Так, ничего особенного, — Чесь подбросил монету и поймал её, успев, пока она была в воздухе, хлопнуть в ладоши. — Вечером узнаешь.

— Что, геологи берут на работу? — равнодушно спросил Змитрок.

— Почему так думаешь?

— Просто видел их сегодня. Шёл с остановки и видел: стоит машина у деда Макара во дворе.

Чесь с Михасём, не сговариваясь, словно по команде, вскочили на ноги.

— И он молчит! Разлёгся спокойно тут!..

— Откуда я знал, что вам именно это хочется услышать? Вы же здесь живёте, всё видите, я думал, вы уже давно сходили к ним... Кстати, Вова-Курт приехал тем же автобусом, что и я.

Чесь присвистнул:

— Ну, тогда можно и не ходить. Бесполезно!

— Нет, сходим, что нам терять?

Михась вспомнил о велосипеде, направился было во двор. Но Чесь удержал его:

— Огородами ближе.

Пошли след в след чужими узкими бороздами, переступая межи, обходя заборчики и заграждения. Вскоре выбрались на улочку, параллельную той, на которой жил Чесь.

Двор деда Макара был со всех сторон окружён «забором» — прибитой к столбам металлической сеткой. Через такой «забор» всё было видно.

Во дворе стояла тёмно-синяя машина — иномарка. Около неё топтались дед Макар и один из геологов, высокий мужчина в белой рубашке. Он что-то объяснял деду, пинал ногой колёса, похлопывал ладонью по кабине. Дед согласно кивал на каждое слово, изображая на лице то удивление, то согласие, то почтение.

Другой геолог, в шапочке-каскалке и в тёмных очках, голый до пояса, сидел у стены на перевёрнутой старой полуистлевшей лодке. Лодка наполовину ушла в землю и служила деду Макару скамейкой. Геолог раскинул руки — загорал.

Ребята остановились у низенькой калитки, начали перешёптываться, толкаться, не решаясь войти во двор. Их

увидали. Дед Макар сразу убрал с лица вежливую почти-тельность; оно стало строгим, даже сердитым. Легко, по-молодому топая ногами в своих кирзовых сапогах, которые носил и в снег, и в летнюю жару, и в весеннюю и осеннюю хлябь, дед подошёл к калитке. Осмотрев каждого по очереди, промолвил:

— А, пионерия, сами, значит, пожаловали?

Был он жилистый, сухой, быстрый в движениях. Когда разговаривал, пощипывал седую редкую бородёнку и усы, рыжие от табачного дыма.

— А я к вам сам собирался наведаться, вот как.

Ребята переглянулись. Что такое? Сам хотел видеть их — зачем? Разве что геологи попросили его найти помощников, вот дед и вспомнил о них, решил сделать доброе дело... Но почему он так сердит? Обычно он любил пошутить с ними, потолковать о том о сём, как со взрослыми, они гордились этим: ещё бы, лучший рыба-бак посёлка обращает на них внимание, никогда не прогонит от себя, однажды даже, будучи в настроении, подсказал им, где на обыкновенных луговых кузнечиков «в проводку» (без поплавок и грузила) берутся язи, и они в самом деле словили в том месте пять штук и попробовали настоящей ухи из язья... Что же сегодня случилось? Может, Курт приехал и наябедничал? — с него станет...

— Ну, пионерия, почему молчим? — допытывался дед Макар.

Он и раньше звал их «пионерами», но совсем другим тоном — шутя. А таким серьёзным ребята деда ещё не видели.

Не понимая, что они должны говорить и в чём их вина, Михась всё же решил придерживаться того тона, который установился между ними ранее.

— Мы не пионеры, дед Макар, — сказал он весело, открыто глядя деду в глаза. — Пионеров сейчас нету.

— Оно и видно.

— Мы не пионеры, мы бой-скауты! — поддержал друга Чесь. Правда, он и сам толком не знал, что это за бой-скауты, просто случайно услышал от старших ребят: вроде бы есть такая детская международная организация типа прежней пионерской.

— Оно и видно; — снова сказал дед Макар, пощипывая бородку и усы. — Нету пионерии — вот и разболтались без присмотра. Пионеры были, так не поступали, как вы! Нехорошо это.

— Да что такое сделали мы?!

— Вы сами знаете. Поэтому и пришли.

— Не знаем мы ничего!

— Вы вчера мой «телевизор» вытащили, у обрыва. Хотели рыбы? — ну и забрали бы рыбу, я никому не жалею, а «телевизор» нужно было назад поставить. Новенький «телевизор» — то, из японской лески, минимум сто пятьдесят «зелёных» на базаре стоит, — с упреком сказал он.

Вот оно что! Да как он мог подумать?! Да в посёлке такого и не было, чтобы на чужое кто позарился, тем более на рыболовную снасть, — даже удочки никто не возьмёт, не то что «японского телевизора»!..

— Не брали мы, — упрямо произнёс Чесь.

— А где же он тогда? Кому он нужен из взрослых, у каждого свой есть. Кроме вас он никому не нужен.

— Да мы ни вчера, ни позавчера даже не были у обрыва!

— Врёте, как не стыдно! Вы там каждый день околачиваетесь, я же вижу. Принесите сами, — предупредил он, — иначе хуже будет. Родителям пока не стану говорить, не принесёте — скажу!

— Может, вы привязали слабо? — вежливо вмешался Змитер, не подумав, как обижает этим замечанием лучшего рыбака.

Дед Макар только чмыхнул носом и не посчитал даже нужным отвечать на такое.

— Что случилось, Макарович? — крикнул геолог, который загорал на перевернутой лодке-«скамейке». — Проблемы? — Он встал, помахал руками — сделал зарядку, затем не спеша подошёл к калитке. Уставился на ребят своими тёмными солнцезащитными очками.

— Да вот, «телевизор» стащили, жевжики, — пожаловался дед Макар. — Да ещё и не признаются.

— В чём признаваться, если мы и в глаза не видели вашего... — у Михаса едва не вырвалось «паршивого», — вашего «телевизора»!

— Что?! — геолог сразу набычился, начал нащупывать защёлку калитки. — Телевизор? Вот эта вот шпана? А в милицию?

Ребята уже готовы были дать стрекача. Но дед схватил геолога за руку.

— Ну зачем сразу в милицию?.. Свои люди, разберёмся... Да вы не подумайте: не тот телевизор, который кино показывает! «Телевизор» — это такая сеточка, рыбу ловить... Сеточка — метра полтора, два...

— А, сеточка, — геолог сразу остыл.

— Внизу грузило — прут какой-нибудь металлический, — торопливо объяснял дед, — а сверху поплавков — палка из орешника... И эта сеточка стоит в воде, вертикально, рыба запутывается в ней, вот поэтому и зовём «телевизором»...

ГЛАВА 3

КУРТ

Устроились, называется, на работу... Ребята, повесив носы, молча повернулись, побрели по улице.

В это время хлопнула дверь, из дома выскочил Вова-Курт, подбежал к калитке.

— Хлопцы, подождите!

Они остановились.

Курт, слегка косолапя, подбежал к ним. На ходу он дожёвывал что-что. Маленький, чернявенький, но такой же, как и дед, быстрый, шустрый. Глубокие хитрые глазки бегают и всё время моргают. Одно слово — «Курт», «куртатый»... Прозвище это, сам о том не подозревая, придумал внуку родной дед Макар. Как-то у речки просил ребят: «Приняли бы вы моего Вовика в свою компанию! А то куртатый он какой-то — всё один да один, никто с ним не дружит». Так и пошло — Курт. В компанию его не приняли, конечно. Может, дед за то и мстит им, придумывает разные «телевизоры».

— Привет! С тобой, Змитер, виделись уже...

Михась и Чесь неохотно поздоровались с ним.

— Твоему деду что, делать нечего? — спросил Чесь. — Кому нужен его «телевизор»?

Курт заморгал глазами, обернулся и глянул на калитку. Геолог стоял на том же месте, дымил сигаретой. А дед Макар вернулся к машине.

— Хлопцы, при чём здесь я? — Курт клятвенно прижал ладонь к сердцу. — Я сам только что приехал, вот Змитрок может подтвердить!

Но вид у него был такой, словно Курт знал не только о злосчастном «телевизоре», а и ещё кое о чём...

— Уж не твоих ли рук это дело? — подозрительно всматриваясь в него, спросил Чесь.

— О чём ты?!

— Наплевисти деду, будто мы могли позариться на его «телевизор».

— Была охота! — обиделся Курт. — Говорю же, приехал только что.

— Ну, смотри!

— Гуляй, Вова.

Они снова повернулись, чтобы уйти.

— Эх, вы, — сказал им вслед Курт. — А я собирался... Да ладно! Я, может, работать буду. У геологов. Не верите?

Никто не обернулся.

— Вам же разбогатеть нужно, — сказал вдруг Курт. — Вот были бы вы не такие злые, я мог бы попросить геологов, и вас тоже взяли бы.

Чесь с Михасём в одночасье споткнулись. Уставились на Змитрока. Вот так молчун-тихоня! Умудрился выболтать Курту их планы, пока ехал с ним в автобусе!

— Это что ещё за новости?! — прошипел Чесь в лицо Змитроку. — А ну, вернёмся!

Курту только этого и надо было. Заинтересовал, вернул. Пускай не задаются.

— Десять долларов в день обещали, — похвалился Курт и сплюнул себе под ноги.

Ребята словно онемели. Такая цифра заставила их забыть даже о предательстве Змитрока. Десять долларов в день — сумма, что ни говори.

— Врёшь, — сказал Чесь.

— Я?! Спросите у лысого... ой, я хотел сказать — у дяди Жоры. Дядя Жора! — обернувшись, крикнул он. — Не выбрасывайте!..

Он бросился к калитке и осторожно принял из руки геолога окурок. Затянулся:

— Дядя Жора, они не верят, что вы мне по десять долларов в день платить будете.

— Буду, — подтвердил геолог.

— Они сами пришли к вам наниматься, — глядя на геолога преданными глазами, хихикнул Курт, — да опоздали!

Геолог вдруг оживился:

— Это правда, ребята? Вы хотите помогать нам?

— Хотели. Какая теперь разница? — ответил Михась.

— Ну почему. Может, и вам занятие найдётся. Загляните через недельку, когда у вас каникулы начнутся. Мы здесь всё лето будем.

Работать вместе с Куртом? С этим ехидной-подхалимом, от одного вида которого тошнит? Как ни манили каждого слова «десять долларов в день», как ни заманчиво это было, ребята твёрдо знали, что к геологам больше не пойдут.

— Кстати, чей это огород внизу, у самого памятника? — поинтересовался геолог.

— А что? — в свою очередь спросил Чесь. — Ну, мой.

— Ничего. Земли оттуда нужно будет взять на пробу.

Геолог зевнул:

— Значит, договорились? Через неделю жду вас, — и пошёл во двор, загорать.

Курт увязался следом. Наконец ребята остались одни. Михась и Чесь дали себе волю, набросились на покрасневшего, растерянного Змитрока.

— Откуда этот Куртатый знает, что мы хотим разбогатеть?!

— Откуда знает, что мы собирались проситься к геологам на работу?!

— Спросите у него сами.

— Допустим, насчёт геологов он мог сам догадаться... но о нашем «разбогатеть» откуда?!

— Ребята, вы можете мне не верить, — спокойно произнёс Змитрок, — можете не дружить со мной. Но в автобусе я не сказал ему ни слова. «Привет-привет», вот и всё.

— А, значит, сказал! «Привет» — это уже слово!

— Не придирайтесь. А впрочем, думайте что хотите! — махнул рукой Змитер.

— Хорошо. С этим мы ещё разберёмся... — Михась посмотрел на солнце, медленно опускавшееся за далёкий заречный лес. — Сейчас разбегаемся ужинать, а вечером — сбор у Оксаниного дома.

ГЛАВА 4

ОФИЦЕР НАПОЛЕОНОВСКОГО ВОЙСКА

Улицу окутали ранние сумерки. С «низины», от реки, тянуло ночным лёгким ветерком. Над головами ребят, Оксаны и её отца тучками висела мошкара — настырный гнус не боялся ни ветра, ни темноты. Спасали веточки сирени, которыми обмахивались, да еще «куродым» — кучка подождённых тряпок и сухого коровьего навоза. «Курудым» потому так и называется, что не столько горит, сколько курится, дымит и одурманивает гнус.

Отец с Оксаной сидели на маленькой скамеечке у забора. Чесь, Михась и Змитрок — полукрутом напротив, прямо на траве. В центре дымился, вспыхивал редкими огоньками «куродым». Отец время от времени шевелил его прутиком.

Только что Станиславу Ивановичу пришлось вкратце повторить для ребят то, что уже знала Оксана: о Великом Княжестве, о испанской чеканки талерах, о беспутном шляхтиче Трушке и его родовой коллекции монет...

— Вы, должно быть, не в курсе, что наш памятник на кургане около Березины, — отец указал прутиком в направлении реки, — просто символ. Это лишь знак памяти солдатам всех войн, которые происходили на территории нашей местности: наполеоновской 1812 года, первой мировой, гражданской, второй мировой... А непосредственно захоронения были, конечно, в самых разных местах. Например, первое захоронение, ещё со времён отступления наполеоновской армии, было примерно в том месте, где сейчас огород Чесьа, а может, даже и выше — может, вот здесь, где мы сидим.

Чесь вздрогнул. Самые невероятные догадки вертелись в его голове. Он слушал, забывая отмахиваться от мошкары, ловил каждое слово. В кармане сжимал найденный на своём огороде талер.

— Тогда как хоронили? — не спеша рассказывал отец. — Часто всех вместе, — красных и белых, советских воинов и гитлеровцев, — ставили один общий крест на могиле. Все ведь люди, каждому страшно умирать, каждого где-нибудь в Рязани, в Мозыре или в Париже кто-то ждёт, молится за него... И вот такая получается история. Вскоре после войны с Наполеоном царь издаёт два указа, которые обязывали гражданские власти собирать брошенную неприятелем амуницию, оружие и другие трофеи. Все это было не бесплатно. Например, пушка стоила целых пятьдесят рублей, ружьё — пять, холодное оружие — сабли, тесаки — ещё дешевле... Собрать амуницию было, конечно, посложнее, чем оружие, — люди порастаскали. И долго ещё после войны белорусские крестьяне щеголяли в сапогах и головных уборах всех европейских армий, входивших в состав великой наполеоновской армии. В деревнях, на путях отступления противника, это значит и в наших Поплавах, долго не покупали железо: из сабель и палашей местные кузнецы мастерили ножи и серпы, из кирас — сковороды, кружки... Пуговицы, на которых были выгравированы номера полков, и через сто лет после французского нашествия украшали «свитки» и тулупы белорусов.

— В поисках трофеев, — продолжал Станислав Иванович, — раскапывали старые, в спешке насыпанные могилы, перезахоранивали останки — уже в других местах, торжественно, с молебнами... Присутствовали в обязательном порядке и местные власти. Так была раскопана могила в Поплавах. В ней нашли останки трёх русских солдат и французского офицера. Свидетели из местных подтвердили: да, осенью 1812 года около самой деревни, на опушке леса, натолкнулись на «пранцуза», раненого, обмороженного, в бессознательном состоянии, с головой закутанного в женский платок, в каких-то лохмотьях вместо изодранного в клочья мундира. «Пранцуза» отнесли в ближайшую избу, пробовали выходить, но напрасно. Раненый даже не шевелился, очень много потерял крови на морозе. Ночью

в Поплавы вошёл обоз русских. На лафете везли трёх мёртвых солдат. В ту же ночь тихо, так и не промолвив ни слова, скончался француз. На рассвете обоз тронулся дальше, оставив своих мертвецов. И местные крестьяне похоронили их вместе с французом.

— После войны, при раскопке этой могилы, находят медную позеленевшую пластинку, на которой едва можно разобрать: «Angr-B...n ingeir...», два талера испанской чеканки, а также кусочек обычной бересты, в которую талеры были завернуты. Береста хоть и потемнела от времени, потрескалась, но сохранилась. На ней можно было рассмотреть какие-то линии, сделанные рукой человека. Но главное, из-за чего потом и разгорелся сыр-бор, — это отчётливые, глубоко вырезанные ножом латинские буквы: «C-L-A-D...» — «КЛАД». И сверху над словом — маленький крестик.

ГЛАВА 5

ВСЁ СОВПАДАЕТ!

— Почему же крестьяне не забрали эти вещи себе? — воскликнул Чесь, облизывая от волнения губы. — Ещё тогда, когда подобрали этого француза раненого?

— У такого горемыки? — Оксана пожала плечами, не то от вечернего холода, не то от жалости к французу.

— Конечно, человек одет в ужасные лохмотья — какие там ценности у него могли быть? — подтвердил отец. — Наверное, даже в голову никому не пришло обыскивать беднягу. А может, просто совесть не позволила обыскивать, человек всё же при смерти.

— А когда перезахоранивали? — вмешался Михась. — Когда раскопали могилу, неужели никто не соблазнился забрать монеты?

— Крестьяне, может, и не прочь были бы, ведь не что-нибудь, а серебро. Но, к радости или на беду позднейших искателей кладов, при раскопках присутствовал чиновник из местного отделения полиции, некий Понятовский, верный слуга царя и отечества... Он, конечно, и мысли не мог допустить, чтобы даже толика «добра российского» не досталась государственной казне. Две монеты, медная пластинка, береста, даже пара уцелевших пуговиц от мундира были аккуратно упакованы и вместе с подробным описанием — при каких обстоятельствах и когда всё это было найдено — отправлены в Санкт-Петербург...

Отец сунул в «куродым» кусок коры, подул, чтобы тот разгорелся и задымил. Было уже совсем темно, лишь окна в домах светились, словно пунктиром обозначая улицу. Отец снял пиджак и набросил Оксане на плечи.

— Дальше, папа! — нетерпеливо попросила девочка.

— Ну, а дальше и раскрутилась карусель. Береста своими трещинками — изгибами походила на топографическую карту, потом — магическое слово «КЛАД», крестик.. Француз был инженером, значит, разбирался в топографии и мог обозначить на бересте какой-то географический маршрут. Рассматривали, изучали бересту и так, и этак — ничего не получается. Для топографической карты на бересте не указан ориентир — привязка к определённой местности — какое-нибудь дерево, река, камень... Для обыкновенной карты не указаны географические направления — где север, где юг... Словом, крути-верти эту бересту, как хочешь. Начали предполагать, не в монетах ли ключ к разгадке? В самом деле, рёбра монет были искромсаны ножом; несомненно, они каким-то образом были связаны с берестой. Начали разбираться уже с монетами, то одной, то другой стороной прикладывать их к бересте... тот же результат! Ничего не понятно, ничего не получается. Тогда взялись за пуговицы, на которых был выгравирован номер полка, и вдруг совпало: это тот самый полк, куда поступил на службу белорусский шляхтич Трушка, и монеты — те же самые, из его родовой коллекции!..

— Но ведь монет было восемь! — Оксана быстренько подсчитала. — Пять нашли в развалинах имения, две — у офицера, а где еще одна?

— Точно в цель, — похвалил отец, — В том-то и дело, что у французского офицера было не две, а все три монеты. Как они к нему попали — неизвестно, но факт остаётся фактом. И зашифровывал он свою «карту» — бересту тоже при помощи трёх талеров. Соответственно, таким же образом эта «карта» и должна расшифровываться. Это как игра в кубики: одного не достаёт — и слово никак не складывается.

— И... не нашли? — Чесь слотнул слону. — Третью монету?

— Нет. Хотя искали её не один год, перекопали здесь всю округу, опрашивали местных... Не однажды раскапывали и саму могилу — тайно, ночью. А француз, словно мстя за свои мучения на этом свете, с того света подразнивал живых: «Ищите, ищите! Вот вам загадка!» Ещё до революции обещали немалое вознаграждение тому, кто найдет и передаст государству этот третий талер. Тогда же и возникли монеты-подделки. Правда, их легко было «раскусить»: фальшивомонетчики не могли знать, что на рёбрах настоящих талеров — сделаны ножом насечки. Кстати, Оксанин талер,

скорее всего, и есть одна из тех дореволюционных подделок.
— Не может быть, — обиделась за подругу Оксана. — Игорь Валентинович не стал бы держать у себя ненастоящую монету.

— Возможно... Вот и вся история, — неожиданно закончил отец. — Стемнело совсем, и мошкара нас загрызла, и «куродым» наш погас...

— Это всё?! — воскликнули Чесь и Михась.

— Вот так всегда! — Оксана от досады даже отодвинулась от отца на край скамейки. — Третий раз берёшься рассказывать, и всё не слава Богу!

Отец удивился:

— Честное слово, это всё, что я знаю.

— Нет, не всё! — запротестовала Оксана.

— Тогда спрашивайте, я попробую ответить.

Чесь с Михасём начали перешёптываться.

— Скажите, а где сейчас эти две монеты и береста? — спросил Змитрок.

Отец засмеялся:

— А, вон оно что! Сами, значит, решили попробовать? Что ж, попробуйте... Только знайте — непросто вам придётся, заранее готовьте себя к возможным разочарованиям...

— Лучше научи, посоветуй, с чего нам надо начинать? — попросила Оксана.

— Прежде всего, когда приедешь в Минск, узнай у Катиного отца, откуда у него этот талер, не фальшивый ли он. Затем: у нас, в Поплавах, в школьном краеведческом уголке, насколько мне известно, должна быть копия бересты...

— У нас? Здесь? — не поверил Михась.

— У вас или в городском краеведческом музее. Там все сотрудники знают эту историю.

— А монеты?

— Должны быть и копии монет. Дело в том, что перед войной из Ленинграда в наш Минский архивный музей были переданы эти самые два талера и точная копия бересты — от самой бересты, конечно, к тому времени ничего не осталось. А уже из Минска копии рассылались во все краеведческие музеи, которые делали запросы.

— Неужели так просто всё? — поразился Чесь.

— Если было бы просто, эту тайну давно разгадали бы, — заметил отец, — а так с каждым годом, с каждым деся-

тилетием всё крутится, словно колесо: не хватает самого главного — третьей монеты. Где потерял её или спрятал раненый француз — кто знает...

«Я знаю! Она у меня в кармане!» — едва не крикнул Чесь. Его всё время так и подмывало похвалиться своей находкой. Но каждый раз он чувствовал на своём локте твёрдую ладонь Михася. «Молчи» — словно приказывало ему это пожатие.

— В крайнем случае, — продолжал отец, — если вас ждёт неудача в школьном или краеведческом музее, могу посоветовать следующее. Я уже рассказывал Оксане — заведующим в Минском архивном музее работает знакомый Оксаниного учителя истории, Бориса Григорьевича. Я могу позвонить ему или написать записку, Оксану пустят в музей, она посмотрит всё и снимет копии, если нужно.

— А не могли бы они дать мне на время эти монеты?

— Едва ли... Разве что взглянуть разрешат, да и то под наблюдением заведующего... Да! — спохватился отец. — Я забыл сказать, что сохранился только один подлинный талер. Второй исчез во время войны, осталась лишь копия его.

— Как.. исчез?!

— Так, очень просто. Мало ли что исчезало из наших музеев и во время оккупации, и после неё... Вот видите, — заключил отец, — какие трудности вас ожидают. Если даже допустить самое невероятное: что у Оксаны настоящий талер, а второй, как вы уже знаете, в архиве, всё равно не хватает третьего.

Чесь с Михасём едва сдерживались, чтобы тут же, сейчас же не запеть, не закричать, не пуститься в пляс от радости.

Теперь они знали всё.

ГЛАВА 6

«СКАЗОЧКИ»

Кто-то кашлянул в темноте, затем раздался голос:

— Сказочки рассказываете, Иванович?

Оксана от неожиданности вскрикнула. Ребята вскочили на ноги.

От забора отделилась фигура, подошла ближе. Все вздохнули с облегчением: это был дед Макар. Как он умудрился так осторожно подойти, что никто не услышал? И сколько времени стоял вот так, молча, слушая всё? И зачем ему это?

— Зачем вы детей напугали? — недовольно сказал отец.

— Детей? Это ещё те «дети»...

Дед Макар покосился на ребят. Наверное, ему хотелось рассказать об украденном «телевизоре». Но промолчал. Присел на корточки, отыскал в потухшем «куродыме» тлеющий кусочек коры, долго раздувал его. Прикурил от искорки. В огоньке сигареты странно блеснули его глубоко посаженные глаза.

Оксана прижалась к отцу.

— Слышал я всё, — проговорил дед, попыхивая дымом дешёвой сигареты. — Сказочки это... Зачем малышне головы забивать? Пускай бы лучше делом занимались, родителям помогали... И польза была бы, и не шпятились бы где попало.

— Сказочки? — переспросил отец. — Вот такой же мальчик, как эти, из-под Борисова, как-то заметил птицу, которая носила в своё гнездо что-то блестящее. В гнезде оказалась груда монет шестнадцатого столетия — прусских, польских и российских. Другой такой же мальчик — из-под Новогрудка — случайно копнул землю лопатой и натолкнулся на клад польско-литовских монет семнадцатого века. Вот вам и сказочки.

— Так ведь и у нас роют, словно кроты, а что толку?

Словом, не дают земле покая... Вот она и родить перестает, земля-то наша.

— Да что вы, дед Макар! — вмешалась Оксана. — Наоборот! Земле чужого не надо, она выталкивает из себя разные камни, железо... Правда, папа?

Но отцу, видимо, не очень хотелось вступать в полемику с непрошеным гостем. Он неохотно подтвердил:

— Правда... Всё, дочь, пора спать! — и поднялся со скамейки.

— Грех землю трогать, — гнул своё старик. — Роят, копают каждое лето, чего роят, что ищут? Всё мало людям, всё чего-то не хватает... А я так думаю: если было бы что-то в земле нашей, давно бы нашли. Правильно я понимаю?

Никто ему не ответил.

— Иванович! — вдруг обратился дед Макар к отцу. — Вот вы, я знаю, обижаетесь на меня. Поговорить не хотите. Детям и то больше внимания, а я, значит, ничего не смыслю, старый пень, из ума выжил... Так получается?

— Нет, не так, — ответил отец. — Если бы вы не стояли тихонько у забора, а открыто подошли к нам, и вы послушали бы... Да вы и так слушали!

— Обижаетесь, — повторил дед. — А за что? Забор вашей матери сделал? Сделал. С дровами помог? Помог. Рыбкой, грибами...

— За это я вас уважаю, — сухо ответил отец. — А немного обижаюсь за то, что вы делаете всё это, а потом хвалитесь всему посёлку, какой вы хороший.

— А как же иначе? — искренне удивился дед Макар. — Я же старый, вот и люблю поговорить. И вы, Иванович, будете старым, и они вот, дети... Тогда поймёте, что это за радость.

— Спокойной ночи, — сухо сказал отец. — Идём, Оксана.

Чесь у самой калитки схватил Оксану за руку и шепнул:

— Выйди завтра на улицу... Мы покажем тебе шалаш. У нас есть третья монета!

ГЛАВА 7

ПЛАНЫ

День обещал быть погожим.

На чистом синем небе не было ни облачка. Солнце поднялось уже довольно высоко, а на траве, на листе деревьев всё ещё сверкала, переливалась, вспыхивала в солнечных лучах утренняя роса. Луг превратился в сказочный ковёр. А в прибрежных кустах синели остатки ночного тумана.

Тихие, плавные, полусонные воды Березины плескались о берег. От реки тянуло утренней свежестью. То здесь, то там слышались тихие звуки: пок! буль! пок! — словно кто-то бросал в воду маленькие камушки. Это рыбёшки охотились за насекомыми. Беспечная мошкара серыми тучками вилась над самой водой, радовалась солнцу, утру и даже не подозревала, что служит кому-то всего лишь завтраком...

Чесь с Оксаной остановились над обрывом, под самыми ольхой и дубом.

— А теперь посмотри внимательно, — сказал Чесь.

Оксана посмотрела:

— Ну и что? Веди, показывай — где этот шалаш?

— А мы пришли. Над твоей головой.

— Там? На деревьях? Вот это здорово... Никогда не догадалась бы.

Вверху, в кронах деревьев, что-то зашастало.

— А как взобраться? — спросила Оксана.

— По этой кривой ольхе. Хочешь, подсажу? — покраснев, предложил Чесь.

Девочка сердито блеснула глазами:

— Ещё чего!

Словно кошка, обхватила гладкий, отполированный ногами ствол и вмиг очутилась наверху, исчезла в зелёной листве.

Радостное настроение Чеся улетучилось от этого сердитого «ещё чего!» А так славно начиналось утро! За ночь опухоль спала, щёки стали одинаковыми. Он мог уже не стыдиться Оксаны. Он даже приготовил ей подарок, который, завернутый в плотную бумагу, лежит в нагрудном кармане рубашки... И вот — «ещё чего!»

Чесь неловко, стараясь не прижиматься к ольхе грудью, полез следом за девочкой.

Оба друга были уже здесь. Змитрок лежал на мягкой подстилке из мха, подперев голову, флегматично созерцал сквозь сетку листвы восход солнца. Михась, стоя на коленях в углу около полок, перебирал, внимательно осматривая, утварь.

— Кажется, здесь побывал кто-то чужой, — сказал он Оксане и Чесю вместо приветствия. — А всё на месте...

— Да говорю же, я это был, — отозвался Змитрок. — Вчера, когда приехал из города, искал вас и в шалаши забирался.

— Ну, хорошо, — сказал Михась. — Располагайся, Оксана! Как тебе здесь нравится?

— Просто чудо! — Оксана, и правда, была в восхищении. — Даже не верится, что ты — на дереве, высоко над землёй... А сколько разных вещей у вас тут!.. Чайник даже есть. Неужели и чай здесь завариваете?

— Зачем здесь? Спускаемся вниз, к реке, там кострище и вода, и сушняк всегда навалом, — ответил Михась.

Он положил на коленку тетрадь, вытащил карандаш, напустил на себя важный, даже торжественный вид.

— Так, Чесь, Оксана, давайте сюда талеры... Ну, вот. Теперь ты поняла, Оксана? Вчера Чесь и не думал зариться на твою монету, у него была своя, почти такая же. Он нашёл её на своём огороде, точно на том месте, где могло быть первое захоронение французского офицера. Видишь, какие похожие?

— Правда! — прошептала Оксана. — Мальчики, так это же значит...

— Это значит, клад наш, — утрюмо перебил Чесь. — Достаём копию бересты, ты просишь в архиве на время третий талер — и всё.

— И всё! — не скрывая радости, Оксана обняла всех по очереди.

Чесь расцвёл.

— Почему же вы вчера вечером молчали? Нужно рассказать обо всём отцу, — решила Оксана. — Он посоветует...

Все трое встрепнулись:

— Так уж прямо, сейчас!

— Они, взрослые, сто лет искали, не нашли!

— Расскажем, а сюда нахлынут разные экспедиции, выкопают золото, а нам и спасибо никто не скажет!

— Хорошо, хорошо, — покорно согласилась девочка. — Я ведь ничего... Раз вы все против, я с вами.

— Так Я люблю во всём порядок, — сказал Михась, — и ясность. Давайте прежде всего запишем... пункт пятый, главный и основной: поиски клада.

— А что за пункты? — заинтересовалась Оксана. — И почему пятый? А какие ещё четыре?

— Так, мелочь — это не интересно...

Михасю теперь просто стыдно было за те четыре «метода» разбогатеть. Особенно за «пункт четвёртый», который придумал он сам. Какая глупость, Боже мой, — «постараться найти деньги на улице»!..

— Оксана, — строго, чтобы скрыть смущение, обратился он к девочке. — Мы приняли тебя в компанию. Сейчас ты знаешь, где шалаш, можешь приходить сюда в любое время, когда захочешь. Ты становишься, как и мы, полной хозяйкой всего этого. Дай слово, что будешь молчать, как рыба. Никто — ни отец, ни бабушка, ни самая близкая подруга — не должен знать ни о шалаше, ни о сокровищах.

— Даю слово, — сразу же легко согласилась Оксана.

— Тебя это тоже касается, молчун ты наш.

Змитрок в ответ лишь махнул рукой. Мол, чего понапрасну оправдываться, всё равно не поверите, что ничего он Курту не говорил...

— Так, определяем каждому задание. Сегодня — двадцать пятое мая. Нужно спокойно доучиться эту неделю. Клад, можно сказать, у нас уже в руках, никуда не денется. Рано или поздно раскопаем его — не так важно.

Чесь предложил:

— Михась, может, сразу подумаем, как будем делить?

— Поровну, конечно! — сказала Оксана. — И ещё Кате.

— Какой Кате?!

— Подруге. Она подарила мне талер, с этого всё и началось.

— Оксана, ты дала слово, — точь-в-точь отцовским голосом напомнил Михась. — Никаких подружек! Делить будем на четыре части. Треть — Чесю и Оксане, одну четвертую — нам со Змитроком. Талеры ваши, это будет справедливо. А потом каждый может распоряжаться своей долей, как захочет, в том числе и делиться с Катей.

Никто не возразил. Все с уважением посмотрели на Михася. Не часто приходится встречаться с людьми, которые вот так, за здорово живёшь, готовы обделить себя.

— Значит, — сказал Михась, — начнём по порядку. Оксана, тебе самое трудное и самое важное задание. Во-первых, расспросить, откуда талер, его ты возьмёшь с собой в Минск. Во-вторых, сходишь в архивный музей, разузнаешь всё подробно, по возможности постарайся заполучить копию бересты. Хотя с копией, думаю, проблем не будет, раз она есть даже в нашем школьном музее... Желательно было бы выпросить в архиве на недельку-другую их талер.

— Я попробую, — кивнула Оксана.

— Змитрок — то же самое. Сходишь в городской краеведческий музей, попросишь у них копию. Мы с Чесем будем ждать вас. Всё понятно? Кто ещё что хочет сказать?

— Я! — Оксана, как на уроке, подняла руку. — Когда мы с отцом ехали сюда, в Червене на автовокзале у меня хотели купить талер. Я... просто вытаскила его из кармана. А они заметили.

— Кто они?

— Двое мужчин. Одного зовут Сева, а другой — лысый. У них машина. И они ехали за нашим автобусом до самого посёлка.

— Думаю, ничего страшного, — сказал Михась. — Раз эта история с талерами такая известная, то не приходится удивляться, что многие интересуются ею... Тем не менее осторожность не повредит. Впредь ни ты, Оксана, ни ты, Чесь, никогда не вытаскивайте монет без нужды. И ещё: чтобы не вызывать у окружающих подозрения, условимся говорить: «Нам дали на лето задание — собирать материалы по истории посёлка». Всё понятно?

— Понятно.

— Тогда — купаться! — весело закончил Михась. —
У берега вода уже прогрелась.

Быстро спустились вниз. Оксана вдруг остановилась:

— Нет, я не могу. Я забыла купальник.

— Сбегай, мы подождём.

— Да в Минске забыла! Думала, ещё холодно купаться,
и не взяла...

Чесь бросил на неё удивлённый взгляд.

— Хочешь — отойди ниже, за поворот, — сказал он,
краснея. — Мы не будем подсматривать, честное слово.

— Нет, в следующий раз искупаюсь.

Михась и Змитрок, на ходу сбрасывая одежду, помчались к реке. Чесь задержался. Достал что-то из кармана, протянул Оксане:

— Это мёд. Тебе.

— Правда? — она развернула бумагу и увидела тёмный,
круглый, словно яйцо, шарик. Это были соты, полные янтарного, душистого мёда.

— Неужели от тех самых ос?! — изумилась она.

— Да. А ты не верила... Нет, шучу! — засмеялся Чесь. —
Это отец вчера нашёл на луту, когда траву косил. Шмели-
ный мёд, самый вкусный.

— Ну и семейка у вас, пчеловоды все какие-то...

Девочка вдруг вспомнила, что она некрасивая, и замолчала.

— Спасибо, — сухо сказала она. — Побегу, собираться
нужно. До встречи через неделю.

— Оксана! — окликнул её Чесь.

Девчонка остановилась:

— Что?

— Нет, ничего... Пока!

ГЛАВА 8

Лето

Последняя неделя тянулась как никогда медленно.

И вот наконец — лето! Целых три месяца: июнь, июль, август! Даже сами слова эти звучат, как музыка. За одно лето ты вырастешь на целый год. Ты не без лёгкой грусти относишь в школьную библиотеку учебники, к которым так привык за девять месяцев. Прячешь в ящик письменного стола дневник и стопку тетрадей с диктантами и сочинениями. В первый же день каникул надеваешь кеды или кроссовки, натягиваешь какие-нибудь шорты, переделанные из старых джинсов, майку — всё это будет с тобой целое лето, станет привычным, любимым... И в этой удобной, лёгкой одежде, которую не боишься запачкать или порвать, ты радостно переходишь границу и вступаешь на территорию другой страны с кратким названием Лето. Страны яркого солнца, тёплых дождей и ливней, грибных туманов, страны футбола, утренних и вечерних рыбалок, орехов и ягод, походных костров, страны интересных книг и первой любви, страны загадок и открытий...

Михась и Чесь вылезли из воды, оставляя за собой на мокром берегу глубокие узкие следы, сразу же наполнявшиеся водой. Упали на горячий песок. Кожа у обоих стала гусиной, по телу пробежала дрожь.

— Сегодня... третье... июня, — проговорил Чесь непослушными от холода губами, — а ни Оксаны... ни Змитра.

— Зато... Курт... появился день в день, — точно так же отозвался Михась. — Сегодня видел его... коз пас на выгоне... Дед Макар держал козу с козлёнком; всегда они паслись

сами, и сами приходили домой, а тут Курт, видимо, ради «спортивного интереса», вдруг загорелся желанием приглядывать за ними.

Михась и Чесь давно справились со своим заданием. А если честно, они с ним совсем не справились. Школьный «историко-краеведческий уголок» оказался шкафом с большим навесным замком. Шкаф находился в глухом конце коридора, и на него никто не обращал никогда внимания. Молодая, только что из университета, учительница истории долго не могла взять в толк, чего от неё хотят.

— Мы хотим ознакомиться поподробнее с историей родного края, — терпеливо объяснял Михась, — собираем разные краеведческие материалы...

Начали искать ключ от замка. Он оказался у школьной уборщицы тёти Нины. Отомкнули — в шкафу, на груде пыльной, пожелтевшей макулатуры лежала папка с надписью — «Наши известные земляки». В папке — несколько пожелтевших газетных вырезок об участниках Великой Отечественной войны, уроженцах их местности.

— И это всё, весь «музей»? — разочаровано спросил Чесь.

Учительница почему-то обиделась:

— А что вам ещё нужно?

— Что-нибудь более давнее, связанное с историей.

— Это и есть история вашего посёлка, — ответила учительница. — Что вам ещё?

Вмешалась тётя Нина. Она, с ключом в руке, стояла рядом и ждала, когда папку вернут на место и снова можно будет повесить на «школьный музей» громадный замок.

— А вы сходите к Ирине Леонидовне, — посоветовала она. — Старая учительница, уже лет десять на пенсии. К ней все обращаются, кому история нужна.

Пошли к Ирине Леонидовне, которая жила одна, в доме у самого леса. Учительницы не было дома. Соседка объяснила, что она уехала в гости к сыну, вернётся примерно через недельку.

Всё. Осталось только одно — ждать Оксану, Змитрока, а теперь уже и учительницу Ирину Леонидовну.

На четвёртый день каникул приехал, наконец, Змитрок.

— Ничего не вышло, — спокойно заявил он. — Краеведческий музей не работает, закрыт на ремонт.

— И на сколько?

— Они сами не знают. Сказали — надолго. Там здание старое, на честном слове держится, все стены растрескались.

— И ты молча повернулся и ушёл?

— Нет. Начал просить: мол, мне на лето дали задание по истории Поплавов, написать о памятнике...

Он смолк, вспоминая.

— Да не тяни ты! А они?

— Посоветовали съездить в Поплавскую школу, в вашу, значит... Там, сказали, хороший школьный музей.

— Хороший, — усмехнулся Чесь. — Видели мы этот музей... А может, нам не всё показали, а, Михась?

— Зачем им что-то от нас скрывать? — ответил Михась. — Скорее всего, та единственная папка и есть вся «история».

ГЛАВА 9

ШПИОН

За поселковым магазином простирался пустырь. Здесь ребята находили ящики для обустройства шалаша. А ещё дальше было что-то вроде пастбища, площадка, заросшая по периметру крапивой и чернобыльем, в центре вытоптанная копытами коров. Их через эту площадку два раза в день гоняли на большое, настоящее пастбище и назад.

Сюда Курт и приводил своих коз. Те, не обращая на пастуха никакого внимания, ходили, где хотели, а Курт с важным видом, с кнутом в руке следовал за ними и по-хозяйски покрикивал. Видно, ему, городскому мальчишке, виделась в этом занятии даже некая романтика. Да и чем ему было заниматься? Плавать не умеет, в компанию не принимают... Хваленые геологи, которые обещали ему работу, уехали в Минск.

Чесь, Михась и Змитрок сидели возле магазина, на траве. Они потягивали из бутылок теплую «Фанту» и говорили о Курте и его козах. Удивительным было то, что он не боится — не боится заполучить ещё одну кличку — более хлесткую и злую, чем «Курт». С другой стороны, что ему терять? Всё равно никто с ним не дружит.

Чесь даже пожалел его.

— Вова! — крикнул он, чтобы завязать разговор. — Сколько долларов ты уже заработал? На «Фанту» хватит?

Курт размахнулся и выстрелил кнутом (хоть чему-то научился!). Спокойно ответил:

— Приедут геологи — заработаю. И не только на «Фан-

ту». Подумаешь, «Фанты» я вашей не видел, счастье такое!..

— Когда они приедут? Когда коза на пустыре свистнет? — не унимался Чесь.

— Не трогай, ну его, — сказал Михась.

Курт прищурился:

— Приедут тогда, когда вы сокровища свои найдёте! «Искатели»... Бересту они ищут, талеры какие-то... Лучше «телевизор» верните! — и, оглядываясь, быстро подался ближе к огородам — от греха подальше.

Михась и Чесь даже подавились «Фантой».

— Чёрт возьми! Змитрок, как это понимать?! — Михась, откашливаясь, схватил друга за ворот чистенькой рубашки.

— Отпусти! — твёрдо сказал Змитрок — Вот так.. А теперь послушайте, что я вам скажу: если не перестанете катить на меня бочки, останетесь вдвоём.

— Испугал!

Чесь помахал повертел как-то странно головой. Сказал с укором:

— Всё понятно... Он здесь ни при чем. Ты сам во всём виноват.

Михась задохнулся:

— Я?!

— Ты. Ты же так любишь порядок, любишь, чтобы всё было по пунктам расписано... Ну, догадался?

Минута прошла в молчании. Затем Михась потупился, тряхнул чубом.

— Тетрадь, — подавленно выдавил он. — Дневник проклятый... Немедленно в шалаш!

В шалаше всё лежало вроде бы на своих местах, так, как ребята оставляли в последний раз. Но Михась «ориентировался» здесь лучше всех — он сразу метнулся в угол.

— Тетрадь открывали... Спиннинг исчез, нож охотничий... Остальное, кажется, на месте.

— Хорошо хоть хватило ума монету не оставить, — сказал Змитрок.

Чесь напомнил:

— Вот откуда он знал, что мы хотели разбогатеть... И что к геологам придём проситься в помощники...

— Но подождите — выходит, он уже давно знает про шалаш?

Теперь настало время покраснеть Змитроку:

— Это уже моя вина, ребята, — покаянно опустил он голову, словно собираясь подставить её под невидимый меч. — Я искал вас и в шалаш лазил... А Курт меня выследил.

Михась взмахнул тетрадью:

— Да что после драки кулаками махать... Теперь это не важно. Важно, что ты не предатель и не болтун, как мы о тебе подумали.

Всё равно у всех было мерзко на душе. Оттого, что здесь побывала нога чужого человека, сам шалаш казался уже чужим, осквернённым... Даже если бы Курт и не взял ничего — и тогда это было бы противно. А тут — «кража со взломом», средь бела дня... Как это не по-мужски, как это отвратительно.

Чесь первым прервал гнетущее молчание:

— Самое обидное — мы ничего не сможем никому доказать. Допустим, пойдём мы к деду Макару разбираться. Курт скажет: я вашего шалаша в глаза не видел, а вот вы «телевизор» стащили!

ГЛАВА 10

МЕСТЬ

Михась упруго поднялся на ноги, осмотрел стены шалаша, провёл рукой по рубероидной крыше.

— Жаль тебя, друг... Теперь мы не сможем прятать здесь ничего ценного... Вот что, ребята, сделаем так. Только помогите мне. Я хочу пробраться к деду Макару в сарай и проинспектировать там небольшую ревизию. Все его рыболовные прищипки в сарае, я это точно знаю, в доме он даже крючка не держит. Если повезёт — найду нож и спиннинг. А главное, постараюсь отыскать этот паршивый японский «телевизор». Тогда не побоюсь — пойду в дом и брошу деду под ноги.

— А чем тебе помочь? — спросил Чесь.

— Будете всё время следить за Куртом и за дедом. Нужно улучшить момент, когда их не будет дома, хотя бы часок...

— Добро!

Случай предоставился дня через два, под вечер.

Михась помогал отцу оборудовать летнюю кухню. Его отец, весёлый, сильный, энергичный человек, казалось, не очень-то расстроился, когда вместе с семьёй вынужден был после чернобыльской аварии покинуть родную Гомельщину. Он быстро привык к новым местам, полюбил и здешнюю природу, и реку Березину, и людей. Обживался — осваивался недолго, делая всё по-крестьянски основательно. Особенно нравилось ему заниматься строительством во дворе. Он настолько привык со всем управляться один, что даже немного ревновал работу к помощникам. Поэтому у Михасы всегда было предостаточно сводного времени.

Иногда мать упрекала:

— Ты ведь большой уже, сынок, — помог бы хоть немного отцу!

Отец заступался за Михася:

— Да что мне помогать — пускай лучше уроки готовит, да в футбол погоняет. На его век работы хватит, — и тотчас направлялся под навес, где у него был целый склад разных инструментов.

Сегодня, к вечеру, отец закончил нижний венец сруба летней кухни и, «смачно» хэкая, принялся отёсывать бревно для второго венца. Весь ушёл в работу, напевал себе под нос.

Михась стоял рядом. Его помощь заключалась в том, что он собирал и складывал в поленицу длинные смолистые щепки, вылетающие из-под отцовского топора.

Чесь и Змитрок забежали во двор. Они хорошо знали отца своего друга и не робели перед ним. Михась подошёл к ребятам.

— Дед с Куртом собираются вечером на рыбу! — задыхаясь сообщил Чесь. — Дед конопатит лодку около моста...

— А Курт копает червей на пустыре, — добавил Змитрок.

— Когда стемнеет, давай возьмём фонарик и пойдём к ним «в гости» втроём, — предложил Чесь.

— Нет, одному сподручнее. Пойду один и прямо сейчас — время не терпит. Отец! — позвал Михась. — Может, ты сам справишься? Мы на рыбу сходим!

— Конечно, идите, — ответил отец, не отрывая глаз от топора, — мне и одному тут делать нечего.

Он похлопал ладонью по гладкому, ровно отёсанному бревну, полюбовался им, затем начал перебивать скобу, чтобы перевернуть бревно на другую сторону.

Три друга зашагали по улице. У поворота в переулок, который вёл к дедовой хате, Михась остановился.

— Стойте здесь, дальше я один. Если что — свистнете. Я постараюсь быстро обернуться.

Он не спеша, поглядывая по сторонам, отфутболивая с дороги камешки, направился в конец переуллка. Ребята ви-

дели, что он задержался на минуту у калитки, затем быстро приподнял защёлку и исчез во дворе.

— Смотри! — вдруг воскликнул Чесь.

Из-за поворота выскочила тёмно-синяя машина. Чесь пронзительно свистнул. Машина приблизилась, притормозила около ребят и повернула к дому деда.

— Что же нам делать?! Как его предупредить?..

Свист сливался с шумом мотора, и вряд ли его расслышал Михась.

— Может, они ненадолго, Чесь?

— Какое ненадолго — вон ворота открыли, машину во двор загоняют... Ну, попадётся Михась, что будет! — волновался Чесь.

Но это было ещё не всё. К дому со стороны реки, спешили, увидев машину, дед Макар и его внук.

ГЛАВА 11

ЗАПАДНЯ

Михась не успел толком осмотреться в сарае, как услышал шум мотора. Бросился к дверям. Поздно! Машина уже въезжала во двор.

Он прижался к косяку, осторожно выглянул. Как раз в это время из машины выходил геолог — тот самый, который обещал взять их на работу. В тех же тёмных круглых очках, но теперь без шапки-касметки... и абсолютно лысый! От гладкой, словно отполированной головы, казалось, даже отражается неяркое вечернее солнце...

«Один — Сева, другой — лысый, — моментально всплыли в памяти слова Оксаны. — Ехали за нами до самого посёлка!» Как же они раньше не догадались?! «Геологи»... Всё что-то ищут... Спрашивали, чей огород около памятника... А Чесь талер нашёл на том месте...

Сева — высокий, в джинсах и белой рубашке — потрогал висевший на дверях дома замок.

— Где его черти носят? Сказано же было, вечером приедем!

— Успеем, — ответил лысый. Посмотрел на солнце, опустил на своё любимое место — перевернутую лодку-скамейку.

В сарае, когда пообвыкли глаза, было не так уж и темно. Малиновое солнце просачивалось сквозь дверные щели, сквозь дырявую, крытую дранкой крышу. Не теряя времени, Михась решил обследовать сарай — нет ли где второго выхода?

Посередине, от двери и до стены, — узкая полоска глиняного тока. Слева сложено сено. Теперь, в начале лета, его осталось совсем немного, не более чем на метр от пола... Справа — стена из неотёсанных брёвен, мох торчит из ще-

лей... В стене — дверка, которая ведёт в загон для козы с козлёнком. К стене приставлена лестница.

Михась быстро поднялся по ней, осмотрел чердак — вернее, подобие чердака: неплотный ряд тонких жердей. Пусто, ни ржаных снопов, ни сена... Впрочем, в самом дальнем тёмном углу можно, пожалуй, спрятаться... Если жерди выдержат его тяжесть.

Он слез, начал обследовать левую сторону сарая, где лежало сено. Тоже стена из таких же неотёсанных брёвсн, но невысокая. Если бы сена было побольше, под самую крышу, можно было бы взобраться наверх и попробовать тихонько раздвинуть пару тонких досок фатиата, потом спрыгнуть на низкую крышу свинарника, а там — свобода... Но как взобраться? — высоко.

В углу на сене что-то белело. Михась пощупал — подушки, одеяла, простыни... Этого ещё не хватало. Он поёжился при мысли, что геологам и сегодня взбредёт в голову ночевать не в доме, а здесь.

На току лежали сваленные в кучу бредни, вентера, «криги»... Вдоль стены — штук двадцать длиннющих сухих удилищ, рядом — вёсла... На вбитых в стенку гвоздях висят сети, и под ногами какие-то сети...

Во дворе слышались голоса. Михась метнулся к приоткрытой двери, припал глазом к щели.

— А, гости дорогие!

Дед Макар и геологи, и Курт... У Михасы пробежала по спине холодок. Вот так выбрал время для «ревизии» в сарае! Вот тебе и нет никого дома. Чесь и Змитрок тоже хороши, не смогли как-нибудь предупредить... А ему думай, каким образом отсюда выбраться!

— В аккурат подгадали приехать, — говорил дед Макар. — Всё готово!

— Что готово? — спросил Сева.

— Лодочка, сеточка, живцов, червей приготовили... Всё, как и договаривались.

— Я и забыл об этом.

— Ну как же: вы прошлый раз просили, чтобы я рыбалку вам организовал...

Вмешался лысый:

— Да нет, мы пошутили. Не до рыбки сейчас. Работы много, завтра вставать рано.

— Ночевать у меня останетесь?

— У тебя.

Вот — понался! Что же делать? Неужели они так и будут торчать во дворе до самой темноты?.. И в дом не зайдут, хотя бы поужинать?

Михась лихорадочно обдумывал, как быть. Даже если они и зайдут в дом — из окон просматривается весь двор... Его, Михася, они увидят сразу же, как только он покажется из сарая. Значит, нужно дожидаться сумерек. Недолго осталось, солнце вот-вот закатится. В сарае уже темно.

У калитки заблеяла коза — просилась во двор.

— Вова, загони!

Михась засуетился. Подскочил сначала к лестнице, которая вела на чердак, потом передумал, залез на сено, где была постель геологов.

Курт громыхнул засовом, прикрикнул на коз. Загнав их, почему-то сразу не вышел, а стоял, прислушивался... Затем ушёл.

В мгновение ока Михась оказался у своего «наблюдательного пункта».

— Дед, а почему дверь в сарай была открыта? — громко спросил Курт.

Дед вместе с Севой как раз входили в дом. Дед приостановился:

— Может, ты сам и не запер.

— Запирал, я помню.

— Тогда что, воры забрались? — засмеялся дед. — Нечего там воровать... Ну, иди, посмотри, всё ли на месте.

Вот же зануда!.. Опять прятаться и немедленно! Только не в угол — этот проныра всё заметит! На чердак — поздно, да и опасно... С низкой стены почти к самому току свешивалось ключьями сено. Недолго думая, Михась подполз под сено, лёг. Притаился, как мышь.

Но Курт почему-то не пришёл проверять. Возможно, почувствовал что-то или просто побаивался.

«Набраться наглости — и выйти сейчас к ним! — думал Михась. — Скажут: вор, мало того, что «телевизор» стащил, так ещё и по чужим сараям шастает! И что потом ребятам рассказывать? Испугался, не выдержал... Нет, терпеть, лежать тут хоть до утра... И не просто лежать, а слушать. Когда ещё такой случай представится?»

Но к двери подходить больше не отважился. Подтащил кучу старых сеток, подмостил под себя. Хотя и неудобно, но всё теплее, не на голом холодном току.

Со двора потянуло сигаретным дымом.

— Ну, что у твоих друзей новенького? — послышался голос лысого. (Оказывается, и здесь неплохо слышно, и к двери подходить не нужно!) — Не нашли ещё клад?

— Нет! Если бы нашли, в тетрадь записали бы.

«Вот гад, шпион! Мало того, что сам прочитал, так еще доносит абсолютно чужим людям! Хорошо хоть хватило ума не записать, что у нас есть две монеты... А так — пускай ищут!» — злорадно подумал Михась.

— Они не клад, а какую-то бересту ищут... Написали, найти её можно в школьном историческом уголке или в городе в краеведческом музее.

Лысый поперхнулся дымом:

— Даже... кгэ-кхэ... так?

— Так было написано. А вы обещали мне десять долларов, — напомнил Курт.

— Десять? Так мало? — не без иронии спросил лысый. — А может, сразу сто?

— Тогда я не буду ничего вам рассказывать! — обиделся Курт.

— Шучу. Читай их дневник и впредь. И если новенькое что — сразу к нам, понятно?

— Понятно. А дайте десять долларов.

— На... вот, один доллар. И тому радуйся — мал ещё.

— А докурить?

— Вот это пожалуйста. На, докуривай... Да смотри, чтобы дед не увидел!

ГЛАВА 12

НОЧЬ В САРАЕ

Стемнело, появились комары.

Михась лежал в своём «логове», время от времени подбирался к двери и смотрел в щель.

Зашли в дом геологи — Курт болтается по двору. Исчез Курт — топает к сараю дед Макар, доить козу... Назад в укрытие, под сено!..

Забили струи молока в пустое дно подойника. Коза, видно, догадывалась, что в сарае — чужой, не хотела стоять спокойно.

— Не вертись ты! — негромко говорил ей дед. — Чужаков слышала, не нравятся тебе гости... Они и мне самому не нравятся, да что поделаешь — деньги платят? Платят. Вот куплю тебе хлеба, муки, комбикорма... Сыну твоему тоже. На пенсию ведь не проживёшь... А гости, они уедут скоро, не бойся... Найдут, что им нужно, и уедут...

Вышел дед — и опять шаги, на этот раз геологи. Начали укладываться спать. Включили фонарик. В сарае посветлело. Михась напрягся. В любой момент он был готов броситься в приоткрытые двери — туда, в темноту...

Раздался хлопок ладони по щеке.

— Комарьё проклятое! Нигде от них спасу нет...

Михась узнал голос Севы.

— Иди в машину, — а это уже лысый.

— Да ну, тут хоть вытянуться можно. Перемучимся как-нибудь.

— Я не наелся, — сказал лысый. — Бедно этот старик живёт!

— Консервы открой.

И по сараю поплыл аромат килек в томате. Консервы,

несомненно, были свежие. У голодного Михася потекли слюнки. Ел лысый долго, неаппетитно, причмокивал, шумно высасывал остатки еды из зубов. Насытившись, бросил на ток пустую консервную банку.

— Живём, как собаки, — пробурчал Сева, — ни поспать, ни поесть по-человечески.. Знай мотаемся между Минском и этими Поплавами, провалиться б им вместе с Пауком!..

Михась насторожился. Паук? Это ещё что за фигура?

Лысый засмеялся:

— Ничего, потерпи! Откопаем золото, махнём сразу на Польшу, а там и по Европам... Тогда и выспимся, и наедемся, и нагуляемся.

— А Пауку?

— Пауку? А зачем ему золото — инвалиду? И какая от Паука польза, если на то пошло? Мы тянем всю чёрную работу, даже девчонку вон нашли в Червене, которая с талером... А Паук сидит себе в Минске, в тепле — добре.

Сева не согласился:

— Не скажи он, небось, побольше нас разбирается во всём этом деле. Умный, шельма.

— А нам-то что с его ума? — начал горячиться лысый. — Думаешь, я не был бы умным, если бы столько, как он, книг прочитал? И сдаётся мне, мухлюет он что-то, Паук этот! Почему он не показывает нам копию бересты? Может, все эти талеры здесь вовсе ни при чем, а вся разгадка в бересте.

— Ему лучше знать.

— Сева, послушай: не нравится мне всё это! Зачем нам Паук? Копию бересты мы можем раздобыть и без него. Этот Куртатый, внук деда, говорил, что копии есть даже здесь, в Поплавах, в школе. Может, всё это мура, насчет трёх талеров? Может, их вообще не существует? Уже второй месяц ищем и всё без толку. Давай попробуем сами, без указок Паука?

— Попробовать можно, — согласился Сева.

— И ещё: давай пока не говорить Пауку о малышке с талером. Раздобудем бересту, махнём в Минск, отыщем малышку...

«Это же они про Оксану!» — содрогнулся Михась.

— А как ты её найдёшь?

— Элементарно. Старик поможет. Он хорошо знаком с её бабушкой, сходит к ней и узнает адрес.

— Малышка, она шустрая, — сказал Сева. — А если не

согласится, как тогда, в Червене, отдать или продать этот талер?

— Сначала попробуем добром — вежливо попросим, предложим деньги. Не получится — тем хуже для неё...

— Э-э, подожди! — встревожился Сева. — Такого уговора не было!

— Да не волнуйся, я сам раздобуду этот талер, — сказал лысый.

Михась боялся даже шевельнуться. Сетка натёрла бок, комары искушали лицо, руки, плечи... Когда они, наконец, наговорятся, захотят спать?!

— А с пацанами что делать? — спросил Сева и засмеялся. — Может, в самом деле взять их в помощники? Конкуренты, тоже золото ищут!

— Вот пускай сами и ищут. Нам же лучше — нашу работу делают.

— Кстати, малым обычно везёт... А вдруг, допустим, раньше нас найдут третью монету?

— На здоровье. Найдут, запишут в свой дневник. Мы через внука узнаем, покажем им долларов пять-десять, они нам эту монету в зубах принесут. А не принесут... а-а! — зевнул лысый, — придётся слегка попугать... Река близко, несчастные случаи бывают каждое лето. Лодка может перевернуться, в омут может затянуть...

Сева снова испугался:

— Ты меня в это не впутывай! Если что — не знаю ни тебя, ни Паука, сразу смываюсь!

— Сказано же — всё беру на себя... А-а-а! — опять зевнул лысый.

Оба смолкли. Вскоре лысый захрапел. Сева вертелся, шёпотом проклинал комаров. Наконец к храпу присоединилось тонкое посвистывание носом. За стенкой возилась, шелестела соломой, вздыхала, словно человек, коза.

Михась ползком добрался до двери, обернулся. Геологи спали. Он тихонько выскользнул во двор, светлый от полной луны, и со всех ног бросился по улице.

ГЛАВА 13

КОНКУРЕНТЫ

В доме светились окна. Никто не спал: отец, мать и даже младший брат Михася сидели на веранде, ждали. Брат клевал носом. Мать бросилась к сыну:

— Ты знаешь, который теперь час?!

Откуда он мог знать? Михась пожал плечами, стараясь держаться независимо и изображать невинного.

— Где ты ходишь? Мы тут Бог знает что передумали!

— На рыбалку ходил...

— Я была у Змитра, была у Чеся! Они спят уже без задних ног, сказали, не видели тебя!

«Вот дурачье, не могли придумать что-нибудь...»

— Я отыскал хорошее место, — сказал Михась. — Специально не хотел делиться с ними, один решил...

— Где же рыба?

— Не клевало.

— Тебе трудно было предупредить?

Отец поднялся с табурета, зевнул:

— Ладно, не сердись ты уж так на него, мать. Пришёл — и ладно.

— Тебе всё ладно! Сам и разбаловал его...

Мать, однако, сразу же поостыла. Погрозила пальцем:

— В последний раз!

Михась разделся, рухнул в мягкую постель... Даже есть не хотелось. Заснул как убитый.

На следующее утро друзья встретились у реки. В шалаш залазить не стали — такая погодка, что грех было не понежиться на солнце. Раздевшись, лежали на песке.

Сегодня был явно Михасёв день.

— Тогда Сева и спрашивает, — рассказывал он, неволь-

но преувеличивая опасность, которой вчера подвергался: — «А с пацанами что делать?» А лысый достает нож.. большой такой нож, с блестящим лезвием, длинным, острым...

— Как же ты мог рассмотреть нож? — перебил Чесь.

— Значит, рассмотрел! Не верите — могу не рассказывать.

— Да верим, верим! Дальше!

Михась помолчал, вспоминая. Версию с ножом развивать не стал:

— Ладно, неважно... Главное, теперь знаем: это такие же геологи, как мы — бой-скауты. Ищут они клад. Дед Макар с Куртом — из одной с ними шайки, а главный у них — какой-то Паук. Знают они мало, этот Паук не показал им даже бересты. Согласия между ними нет. Геологи только и мечтают найти золото и, ни с кем не делясь, «сделать ноги» за границу.

Змитрок усмехнулся:

— Прежде чем искать золото, им нужно найти три талера. А они все — у нас.

— Ну, во-первых, пока не все, а лишь два. Во-вторых, они, геологи, на всё пойдут, и на преступление, чтобы раздобыть талер Оксаны. Помните, она рассказывала о «знакомых» из Червена? Её нужно предупредить, и я сам возьмусь за это.

Чесь поднялся на ноги и сказал:

— Нет, за это возьмусь я!

Михась насмешливо уставился на него:

— И как ты собираешься это сделать? Ты что, знаешь её адрес или номер телефона?

— А ты знаешь?

— Мне проще-простого узнать. Схожу к её бабушке и спрошу. Мы ведь родня, хоть и дальняя. А ты сможешь пойти и спросить? Да она, чего доброго, тебя ещё и на порог не пустит, припомнит, как ты «внученьку утопить хотел прошлым летом!»

Чесь, обиженный до глубины души, не ответил.

— А что с Куртом? — напомнил Змитрок. — Теперь придётся, наверное, уничтожить тетрадь...

— Наоборот! — Михась поделился с друзьями планом, который пришёл ему в голову ещё вчера, когда он прятался

в сарае под сеном: — Не только не уничтожим, а будем вести записи каждый день и оставлять дневник на самом видном месте! Поняли? Мы ведь можем писать разную чепуху и так их запутать, что они сами не рады будут ни этой тетради, ни информатору-осведомителю Курту!

— В самом деле...

— Здорово придумано! — вынужден был похвалить план и Чесь, забыв о своей обиде. — Например, запишем: «Сокровище зарыто на кладбище под дубом». Курт прочитает...

— Нет, — вмешался Змитрок, — лучше записать: «Клад на дне Березины, в глубоком омуте...»

Михась прервал их фантазии:

— Хорошо. Значит, завтра с утра я еду в город, буду звонить Оксане. Заодно спрошу, почему она так долго задерживается дома. А вы вертитесь на глазах у геологов и Курта, купайтесь, удите рыбу — словом, как обычно... Но смотрите, никуда не лезьте сами, без меня, старайтесь не разговаривать с ними, чтобы даже случайно не проговориться...

Михась нарочно рассказал друзьям не всё из вчерашнего. В Березино, после звонка Оксане, он решил сам сходить в краеведческий музей и любыми правдами и неправдами выпросить разрешение хоть краем глаза глянуть на эту копию бересты. Из головы не выходили слова лысого, которые тот повторил дважды: «Может, талеры здесь вовсе ни при чём?» И второй раз: «Да может, никаких трёх талеров вообще не существует?»

Михасю теперь тоже начало казаться, что главное в этой истории не столько монеты, сколько таинственная береста, на которой крестик и латинское слово «CLAD»... Хоть бы разок взглянуть на эту копию, хоть бы поддержать её в руках! Музей на ремонте — ну и что? Ведь не одни рабочие там. Должны же быть и сотрудники, нужно ведь кому-то элементарно присматривать за экспонатами.

ГЛАВА 14

«САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» ЗМИТРОКА И ЧЕСЯ

Вечером Михась заглянул к Оксаниной бабушке. Поздоровался, замялся, не зная, что придумать. Ничего лучшего не нашлось, как притворно удивиться:

— Разве Оксана ещё не приехала?

— Нету, Михаська, — ни самой, ни письма, ни весточки! И почему она не едет, уже ж лето давно!

— А вы напишите ей, спросите.

— Пока то письмо дойдёт... Вот если бы позвонил кто, — бабушка взглянула на Михася с надеждой. — Только это ж в город нужно ехать да заказывать разговор, а из меня такая «каззчица»...

Вот так! Теперь не придётся что-то сочинять родителям, а просто сказать чистую правду: бабушка Ганна попросила, чтобы он съездил в город и позвонил внучке.

Вскоре у Михася в кармане лежала бумажка с шестью цифрами.

— Ох, спасибо тебе, внучек, — сделай ты мне уже это дело...

Едва он собрался уходить, как на веранде послышались тяжёлые шаги. В дом всунулся дед Макар. Не ожидал увидеть Михася, бросил на него неприязненный взгляд.

У Михася язык чесался сказать старику что-нибудь обидно-ядовитое. Но сдержался. Сердясь на себя, на свою мягкость, попрощался и вышел.

— А я к тебе, Ганна, с такой просьбой... — успел услышать он, закрывая за собой дверь.

Адрес пришёл узнавать... Вот удивится бабушка!..

На следующий день утренним автобусом Михась отправился в Березино.

Без командира ребятам было скучно. Да к тому же погода испортилась: пасмурно, ни позагорать, ни искупаться. Прошлись туда-сюда по улице. Чесь хмуро состриг:

Вдоль деревни мы проходим
Почитай, не в первый раз;
Неужели же, ребята,
В морду нам никто не даст?

Постояли около пустой школы. На дверях — замок. От колодца идёт с ведром воды школьная уборщица тётя Нина.

Чесь толкнул Змитрока локтем в бок, прошептал:

— А давай ещё раз попросим ключ от шкафа. И как следует там пороемся.

— Михась предупредил, ничего без него не делать.

— Да что мне за указ — Михась? Если на то пошло, я, а не он, нашёл монету. Он и так слишком много на себя берёт, всюду успеть хочет... Тётя Нин! — позвал Чесь. — Вы не откроете нам школу?

— Школу? — уборщица остановилась. — Зачем она вам? Тоже придумали. Идите, идите отсюда, гуляйте! То вас на верёвке в школу не затащишь, а то среди лета придумали...

Ещё пошлялись по улицам. Спустились к реке.

— Когда знаешь, что этот Курт сюда навевывается, — сказал Чесь, показывая на спрятанный ветками шалаш, — и самому неохота в него залазить.

И правда, в шалаше им показалось темновато, сыро, неуютно.

Чесь был сердит сегодня. Его всё время так и подмывало доказать и себе, и Змитроку, что они равные Михасю, у них такие же права на поиски сокровища, как и у него. Подумаешь, забрался в сарай, подслушал геологов! Просто повезло.

Чесь развернул дневник, взял карандаш, задумался.

— Что ты собираешься делать? Михась сказал...

— Да отстань со своим Михасём! Я сам себе Михась! — и написал: «Раздобыть копию бересты, которая находится в шкафу в конце школьного коридора».

Если бы Чесь знал, какой вред принесёт эта запись всей компании, он, конечно, сто раз подумал бы, прежде чем сделать это. Но сейчас он лишь удовлетворённо усмехнулся:

— Пусть поищет!

Всё, больше заняться нечем. Времени много — а толку?

— Идём пообедаем, а там видно будет, — сказал Чесь.

Едва Змитрок вошёл в свой двор, как сзади послышался пронзительный свист. Обернулся — летит, задыхаясь, Чесь.

— Училка приехала! Не будем терять времени, ещё пообедать успеем, а то вдруг она снова исчезнет!

ГЛАВА 15

УЧИТЕЛЬНИЦА

Худенькая, ростом не выше мальчишек, учительница была совсем не похожа на деревенскую пенсионерку.

В синем спортивном костюме, в кедах, на голове — прическа-завивка; разве что морщинистая шея, узловатые от работы и старости пальцы да ещё белёсые, словно «утомлённые жизнью» глаза, которые вопросительно-строго уставились на ребят, выдавали, сколько на самом деле этой женщине лет.

В передней — «меньшей» — комнате, где топтались у порога Чесь и Змитрок, было чисто, светло и почему-то пахло больницей. Завешанная шторкой русская печь, побеленные стены, чистенький крашенный деревянный пол. Из мебели — тумбочка, стол у широкого окна и три табурета. Над столом, где обычно вешают икону, — два чёрно-белых портрета Ленина и Машерова.

Не приглашая ребят, учительница присела на табурет, подперла голову кулачками.

— Я вас внимательно слушаю, — произнесла строгим и вместе с тем приятным, как умеют это лишь учителя, голосом.

Чесю внезапно показалось, что его вызвали к доске, а он совсем не знает урока. Встряхнул головой, отгоняя эту иллюзию, набрался решимости:

— Нам сказали... вы можете помочь нам по истории...

Учительница удивилась, даже в ладошки хлопнула:

— Я?! По истории?! Вот это и впрямь история! Десять лет никому не нужна была — и вот на тебе! А в школе вам не могут помочь по истории?

— Там только шкаф, — почему-то виноватым голосом ответил Чесь. — А в шкафу — тонкая папка.

— Значит, добились. «Перестроились». Теперь, значит, вам Ирина Леонидовна нужна. Ещё бы — при Ирине Леонидовне был не шкаф с папочкой, а такой краеведческий уголок, что даже из Минска люди приезжали, хвалили... Конечно, вам теперь нужно к Ирине Леонидовне!

— А как найти эту Ирину Леонидовну? — ляпнул вдруг Змитрок.

Чесь аж закашлялся. Учительница сузила глаза:

— Не поняла.

Змитрок наивно повторил:

— Ну, эта Ирина Леонидовна, о которой вы всё время говорите, где она живёт?

— Ирина Леонидовна — это я, — ледяным тоном ответила учительница.

Там всё испортить! У Чесьа чесались кулаки. Сейчас ему хотелось лишь одного: поскорее выйти на улицу и согнать на Змитроке злость.

А тот, как ни в чём не бывало, вежливо поправился:

— Извините, Ирина Леонидовна. Я не местный, не из вашей школы и не могу знать учителей в лицо.

Они собрались уходить.

— Подождите, — смягчилась учительница. — Вы даже не сказали, что вы хотели.

— Копию бересты, найденную при раскопке, — сказал Чесь. И, спохватившись, прибавил: — Не навсегда, только посмотреть!

— Так я и знала! — воскликнула учительница. — Историей у нас начинают интересоваться лишь тогда, когда из этого можно извлечь какую-нибудь практическую выгоду, когда деньгами запахнет. И что за времена такие, что за нравы? Почти сорок лет я учила детей, думала, что всё или многое в жизни знаю... А сейчас может быть вы, молодые люди, объясните мне: что происходит на свете?

«Молодые люди» не знали. Они молча стояли у порога. Ирина Леонидовна поднялась, распахнула дверь, которая вела на другую половину дома.

— Прощу вас.

Ребята зашли и ахнули. Они словно очутились в музее.

Вдоль всей глухой стены тянулись полочки, уставленные и заваленные всевозможным добром. На одной полке — посуда из потемневшей глины, горшочки, миски, кувшины, жбаны, целые и с отколотыми краями и даже просто черепки... На второй — камушки, больших и меньших размеров, гладко-круглые и выщербленные, серые, белые, жёлтые, голубые, с блёстками-ниточками разломов... На третьей — высохшие пучки разных цветов, трав, листьев... Лишь сейчас ребята поняли, откуда в доме больничный запах.

На весь простенок, от окна до окна, красовалась карта Беларуси. Все шесть областей были раскрашены каждая в свой цвет.

Учительница подошла к полке с книгами, вытащила зажатую между ними толстую тетрадь. Полистала её, затем вдруг взяла за корешок и начала трести. Из тетради вылетел лист бумаги и, медленно кружась, спланировал на пол. Учительница ловко подхватила его ещё в воздухе.

— Вот ваша копия бересты. Возьмите себе. И не думайте плохо об Ирине Леонидовне.

Неужели всё так просто, буднично?! Чесь осторожно, словно лист мог рассыпаться, взял его и сразу же впился в него глазами.

— Да что вы, как можно, — бормотал он, вне себя от радости. — Так мы пошли... пошли, Змитрок!

От отступал к двери, увлекая за собой друга. Но Змитрок неожиданно проявил самостоятельность.

— Обожди, отпусти меня. Большое спасибо вам, Ирина Леонидовна, — вежливо сказал он. — Вы нас так выручили.

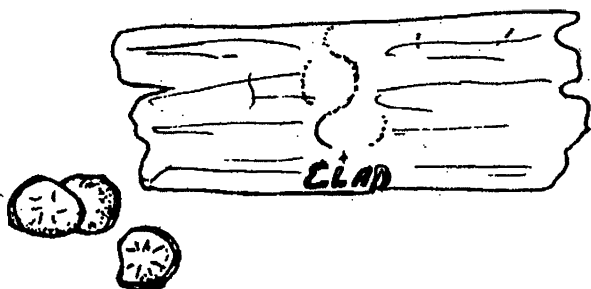
— Не за что, мне не жалко. А вы хорошо знаете эту историю с талерами и с берестой?

— Знаем, знаем... Идём, Змитрок!

— Тогда вы должны знать и то, — спокойно продолжала учительница, словно не замечая нетерпения Чеся, — что вам нужны все три монеты. Одновременно. Я имею в виду, если вы всерьёз собрались заниматься этим самым «КЛАД»ом.

— Мы знаем, Ирина Леонидовна! Пошли, Змитрок!

— Да подожди ты! Скажите, Ирина Леонидовна, а как к вам попала эта копия?

— Это вас не касается, — в голосе учительницы снова почувствовался еле уловимый холодок.

— Извините, — подался назад Змитрок.

— А впрочем... — Ирина Леонидовна на миг прикрыла ладонью глаза, словно вспоминая что-то очень давнее. — Впрочем, большого секрета здесь нет. Просто ко мне почему-то редко заходят, и раз вы пришли и интересуетесь этим... До войны у меня был близкий друг. Мы вместе учились в педагогическом техникуме. Потом переписывались. Я работала здесь, в посёлке, учительницей, а он — в Минском архивном музее. От него впервые я и услышала историю о талерах, от него получила и копию бересты и даже подробное описание, как выглядят два талера...

Чесь со Змитром в один голос воскликнули:

— Где?! Где это описание?!

— Всё погибло во время войны, — ответила Ирина Леонидовна. — Школа горела... да что там говорить — война! — не до краеведения. Лишь эта копия и осталась.

— Но у вас тут целый музей, — заметил Чесь, показывая на стены.

— Всё это собиралось уже после войны. Было время, молодая была, каждое лето с мужем отправлялась в путешествие. Пешком обошли всю Беларусь. — пожалуй, не найти такого района, где бы наша нога не ступала. Вот, к примеру...

Ирина Леонидовна взяла с полки обыкновенный серый камень:

— Вот прославленный микашевичский гранит. Кто бы мог подумать, что у нас целые залежи его? А теперь пол-Европы его закупает, всё минское метро из него выложено...

— Извините, — перебил Змитрок, — вы сказали — с мужем. Это тот самый... ваш друг?

— Нет, не тот, — кратко ответила Ирина Леонидавна.

— Ваш друг погиб?

— Хуже.

Ребята переглянулись.

— При немцах он не успел эвакуироваться, — объяснила учительница. — У него была уже своя семья, он должен был её кормить. Работал в Минске. После войны его арестовали как врага народа и, кажется, приговорили к высшей мере... И я испугалась, потому что была близко знакома с ним. Я уничтожила все его письма, все фотографии, на которых мы были вдвоем. А при Хрущёве его реабилитировали. Он не был ни в чём виноват. Вот тогда мне и стало больно и стыдно, как никогда в жизни; я поняла, что побольше бы таких «врагов», как он, то народу и весьма сомнительных друзей не нужно...

Старая учительница проводила ребят до калитки.

— А можно ещё вопрос? — спросил Чесь. — Почему вы не сдадите свои экспонаты в школу? Пусть бы все смотрели.

— Чтобы от них осталась одна запыленная папочка в шкафу? Нет уж. Здесь надёжнее. Я ничего ни от кого не прячу. Вот вы захотели, пришли — и получили, что вам нужно. И так каждый может.

ГЛАВА 16

В ГОРОДЕ

А Михась тем временем на городском почтамте разговаривал по телефону с Оксаной. Кабинка была изолированной. Михась не боялся, почти кричал в трубку. Только старался не растягивать, чтобы хватило денег, частил скороговоркой:

— Оксана, привет, это не геологи, а твои «червеньские знакомые», они знают твой адрес, будь осторожна и береги талер, бабушка ждёт тебя не дождётся — когда приедешь? Когда, говорю, приедешь?

Ответ ошеломил его. Беззаботный весёлый голос:

— Михась, передай бабушке, что приеду скоро, сразу, как Катя выздоровеет!

— При чём здесь снова Катя? Ты разве доктор?

— Михась, как ты можешь? Мы вместе с ней приедем.

Главное, не было времени ни на обиду, ни на обдумывание всего этого.

— Ты была в архиве?

— Нет пока... Только не сердись, пожалуйста. Всё будет хорошо. Папа завтра едет в экспедицию, он написал записку в архив, меня пустят туда. А вы чем занимаетесь в Поплавах?

— Оксана! — закричал в трубку Михась. — О чём ты говоришь? Какие занятия?! Я специально звоню, чтобы предупредить тебя: ради Бога, будь осторожна! Обещай, что не будешь держать при себе монету!

— Конечно, обещаю. Ты, главное, не волнуйся. Папа завтра уезжает, я поживу немножко у Кати, пока она не вылечится, а потом её отец привезёт нас на машине в Поплавы.

Лишь недоумение, обида и горечь остались в душе по-

сле этого разговора. Опять какая-то Катя!.. Да и Оксана хороша — веселится, как малое дитя, ничего не хочет понимать!..

Вместе с тем Михась не мог не признать, какова роль Оксаны во всей этой истории. Девчонка должна сделать больше, чем все они, вместе взятые: привезти два талера и копию.

Михась вышел из здания почтамта. Так и не распогодилось. Над городом проплывали низкие хмурые тучи, и дождь потихоньку начинал накрапывать. Нужно было скорее заканчивать все дела и возвращаться домой. Михась сориентировался, в какой стороне улица, на которой находится краеведческий музей. Змитрок объяснял, что недалеко от почтамта. Город небольшой, здесь почти все «важные» здания сосредоточены вокруг центральной площади.. Нет, лучше не терять время на поиски, а спросить у кого-нибудь.

Рядом, на скамейке автобусной остановки, сидели какие-то мужчины. Громко разговаривали, курили... У таких лучше ничего не спрашивать. На противоположной стороне площади виднелся голубой киоск: «Мороженое». Самое верное дело — спросить у киоскёрши.

Михась пересёк круглую, выложенную брусчаткой площадь и, когда приблизился к киоску, заметил возле него мальчика и девочку своих примерно лет. Девочка даже была немного похожа на Оксану, но темноволосая, в синем платьице, с белым бантом в волосах. Высокий мальчик — в спортивных брючках, майке, на ногах — стоптанные шлёпанцы, явно не его размера. Он неприязненно, через плечо, бросил быстрый взгляд на Михася.

Это были местные, городские дети (по-домашнему одетые — значит, живут недалеко), поэтому Михась и обратился к ним «по-городскому» — по-русски:

— Вы не подскажете, как пройти к краеведческому музею?

Мальчик облизал квадрат мороженого, ещё раз неприязненно посмотрел на Михася.

— Вярнися назад да папштамту, завярни за першы кут, — сказал он, — убачыш шпілль. Гэта і ёсьць твой музэй. Адно цяпер ён рамантуецца.

Михась во все глаза смотрел на мальчика. Городские,

на чисто белорусском языке... никак не укладывалось в голове.

— Табе паўтарыць? — отведя в сторону руку с таявшим мороженым, спросил мальчик.

Девочка засмеялась:

— Ды яму, відаць, тлумач патрэбен! Вернісь на ту сторону, за первым углом увидишь шпиль-пику такую. Это и есть музей.

Облизывая мороженое, они ушли, как ни в чём не бывало. Даже не оглядываясь. А Михась весь горел желанием броситься за ними, догнать, познакомиться, расспросить... Кто они, где учатся?

Потом подумал: зачем? Пусть так и остаются незнакомцами. И что в этом, если вдуматься, удивительного? Если люди живут в Беларуси, значит, и разговаривают по-белорусски. А разве он, Михась, или Чесь в школе на уроках не отвечают на чисто белорусском языке? Ещё как отвечают. И никто этому не удивляется. Вот только на улице, за стенами школы... «Рэбята, зачэ́м дра́цца?» «Чэ́сь, ха́ди сю́да, скажу адну вешч»... Ужасно! Оксана минская, а и то разговаривает по-белорусски лучше, чем они, деревенские.

«Приедет Оксана, нужно будет поставить условие: разговаривать так, как эти городские дети. Всегда и везде», — подумал Михась.

Он даже не подозревал, что в скором времени именно знание белорусского языка станет главным, решающим в разгадке истории с талерами...

ГЛАВА 17

ЗАДЕРЖАН ПО ПОДОЗРЕНИЮ

Краеведческий музей, одноэтажное здание из красного кирпича, был весь опутан строительными лесами. На дверях табличка: «Ремонт» и большой замок. Ни на лесах, ни вокруг не было ни души.

Удивлённый Михась направился в обход здания. Под ногами хрустели битый кирпич, осколки стекла, застывшие комья цемента и мела. И здесь никого. Заросли крапивы и татарника, рядом — следы человеческих нечистот. Михась брезгливо поморщился.

Вышел из-за угла, с противоположной стороны музея... И... остолбенел, а потом резко дёрнулся назад, за угол... Возле крыльца стояла тёмно-синяя иномарка геологов. Лысый и Сева прогуливались рядом. Подняв головы, рассматривали леса.

— С такими горе-музеями, — услышал Михась уже хорошо знакомый голос Севы, — далеко не уедешь, и стоит ли удивляться, что за двести лет клад найти так и не смогли!

— Да, похоже этот бардак надолго, — сказал лысый.

Сердце у Михасы, как и тогда, в сарае, готово было вырваться из груди. А что если вдруг они тоже пойдут в обход? Куда убегать? Сзади высокий забор, слева глухая стена, впереди — улица, сразу увидят, догонят... «Несчастные случаи каждый год бывают!» — вспомнил он слова лысого и похолодел.

Но у геологов, судя по всему, были другие планы.

— Поехали! — сказал Сева. — Теперь только школа остаётся...

— А не получится со школой — потрясём Паука!

Хлопнули дверцы машины, завёлся мотор. Фу-у, кажется, уехали.

«И что мне за везуха такая на встречи с ними? Хотя, всё правильно: одно дело делаем, одно и то же ищем, вот и пересекаются дороги...» Михась вытер со лба холодный пот.

Когда он рейсовым автобусом вернулся в посёлок, шёл мелкий противный дождь. Всё небо заволокло тучами, было серо, беспросветно. Он забежал к бабушке Ганне, передал, что Оксана скоро приедет. Самому не терпелось поскорее встретиться с друзьями, рассказать о последних, самых свежих новостях. Но дождь усилился, потом хлынул, как из ведра. На лужах плясали крупные пузыри и не лопались — верная примета, что непогода надолго.

Так Михась никуда и не выбрался. Просидел весь вечер дома, читал, смотрел телевизор.

А утром, часов в восемь, его разбудил чужой мужской голос на кухне, а потом звук тяжёлых шагов по половицам. Отец на работе — кто это может быть? Михась вскочил, быстро оделся. Едва успел зашнуровать кроссовки, как дверь отворилась, вошел участковый в форме, а следом — встревоженная, испуганная мать.

— А, не спишь? — сказал участковый, плотный седой мужчина. Присел на табуретку, уставился на Михася. — Где был сегодня ночью?

— Спал. А что?

«Дед Макар заложил про «телевизор»! — мелькнула мысль.

— Спал он, правда! — заступилась мать. — Я могу подтвердить!

— А дружки твои?

— Какие дружки?

— Не прикидывайся — я задаю вопросы! — повысил голос участковый. — Чесь и этот, городской, Змитер. Что они ночью делали?

Михась, который сначала не на шутку испугался, осмелел. Да какое он имеет право? Мать стоит, а он расселся тут. Ещё и голос повышает...

— Спросите об этом у них, — смело поднял он глаза. — Я их не видал с позавчерашнего дня. А вчера в городе был, любой может подтвердить.

Участковый поднялся:

— Пошли со мной.

— Что же это такое делается?! — запричитала мать. — Куда вы его? Не пущу!

— Вы можете оставаться дома, — твёрдо сказал участковый, — а его заберу. Мне нужно провести один эксперимент.

Мать набросила на плечи платок, выскочила следом за ними.

ГЛАВА 18

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

За ночь дождь перестал. Теперь пахло утренней свежестью. Заборы, трава, деревья — всё было мокрым. Песок прилипал к подошвам. Но Михасю было не до этого. Куда его ведут, словно преступника? И мать, бедная, сзади... Хорошо, хоть улица пустая...

Зато у школы уже стояло человек десять. Михась ещё издали узнал Чесю, Змитрока, Чесеву мать, уборщицу тётю Нину...

— В школу лазил ночью? — тихо спросил участковый.

Так вон оно что! Михасю наконец-то всё стало ясно. «Но ни слова пока, молчи!» — приказал он себе.

— Думайте что хотите.

Перед участковым все расступились и замолчали. Михасёва мать поздоровалась, ей ответили. Только Чесь и Змитрок молчали, не отрывая от земли глаз.

Участковый осмотрелся:

— Успели натоптать!.. Просил же и близко к стене не подходить. А сейчас и следов не найдёшь...

— А никаких следов и не было, — задиристо сказал отец Змитрока, которого Михась сначала не заметил. Такой же, как и сын, чистенький, аккуратный. В костюме с галстуком, в очках, с бородкой, стоит себе в сторонке, будто его ничто не касается. — Какие следы могут быть после такого дождя?

Участковый искоса посмотрел на него и тотчас отвернулся.

— Я вас здесь всех собрал, — сказал он, — чтобы сообщить следующее. Сегодня утром уборщица, вот эта самая тётя Нина, которая среди нас находится, заявила мне, что

ночью кто-то проник в школу. Вон через то окошко, над дверью, — участковый указал на небольшое окошечко на высоте двух метров с половиной от крыльца. — Стекло, сразу видно, вынимали. Пока неизвестно, что пропало из самих помещений. Вот это сейчас и выясним.

— В посёлке полно детей, — опять вмешался отец Змитрока. — Почему вы подозреваете наших?

— Вы, гражданин, как я посмотрю, уж больно горячие. Всею своё время. Нина, — обратился участковый к уборщице, — расскажи, что было вчера?

— А что было? Иду, несу ведро воды. А они стоят около школы, вот эти, Чесь и... не знаю, как зовут, и просят: «Откройте нам школу».

— А вы?

— Наругалась на них. То, говорю, силой вас не загнать, а то вдруг летом школа вам понадобилась.

Михася трясло от злости. Говорил же, просил — не лезьте сами никуда!..

— Ах ты, гад! — Чесева мать дёрнула сына за ухо. — А я уж было поверила! Ты же весь вечер дома был — когда же ты успел?

— Не лазил я никуда, — угрюмо сказал Чесь, потирая ухо. — Про школу спрашивал у тётки Нины, а не лазил.

— А вот я своему сыну верю, — сказал отец Змитрока, — и готов поклясться, что он ни вечером, ни ночью не отлучался ни на минуту. И вообще, мой сын — и какая-то форточка, какая-то кража... Такое в принципе невозможно!

— И я готова за своего поклясться, — промолвила мать Михася.

— Родители не могут быть свидетелями, — строго заметил участковый. — Сейчас я вам кое-что покажу, и вы сами убедитесь... Замок на двери цел? — Участковый поднялся на крыльцо и потрогал замок. — Как видите, цел. Окна целы? Целы. Вопрос: если бы взрослому человеку пришлось в голову проникнуть в здание школы? Несомненно, он перво-наперво попытался бы сделать это через двери и окна.

— Логика! — гмыкнул отец Змитрока. — Дети тоже могли бы попытаться через окна и двери.

— Вы напрасно, гражданин, веселитесь. Ещё неизвестно, что оттуда, из школы, пропало. Так вот, малому взломать такой замок просто не под силу, это первое. Второе — окна

высокие, широкие, стёкла большие. Не каждый взрослый такое стекло вытащит и удержит в руках, не искалечившись. А ещё же и назад это стекло нужно вставить... Дальше — смотрите: я мужчина высокий, а и то едва-едва дотягиваюсь до края, — участковый приподнялся на цыпочки и коснулся кончиками пальцев рамы окошка, через которое, как он старался доказать, залезли в школу. — Я уж не говорю, что взрослый в такое узкое окно просто физически не сможет протиснуться.

— А как, по-вашему, дотянулись до него дети? — иронически спросил отец Змитрока. — Лестницу приволокли? Или подпрыгивали так высоко?

— Нет, не лестницу. Делается это так, — сказал участковый. — А ну, вы, трое, идите сюда.

Михась, Чесь и Змитрок подошли.

— Ты, Михась, самый высокий, — нагнись. Упирайся руками в косяк Чесь, вытри хорошо ноги, насухо... вот так. Залазь на перила, становись ему на спину. Ты, — обратился он к Змитру, — уже вытер ноги? Вот видишь, сам догадался, и учить не нужно... То же самое — давай на перила, потом — на спину Чесю... Вот так... Ну?

Верхний, Змитрок, очутился как раз на уровне окошка.

— Слазьте, — скомандовал участковый.

Он помог Змитроку, Чесь прыгнул сам, Михась разогнулся. Участковый, вытирая носовым платком руки, удовлетворённо, победителем посматривал на всех.

— Эта египетская пирамида ещё ни о чём не говорит! — заявил отец Змитрока. — Мы даже не знаем, в чём вина наших детей? Даже в школу не заходили, а разные эксперименты тут устраиваем...

— Тише, не нужно горячиться. Нина, отпирай. Только осторожно, я зайду первым — там должны остаться следы.

Тётя Нина сняла замок, пропустила в коридор участкового.

— Темно, где здесь включатель... А, вот.

Загорелась лампочка под потолком. Из глубины коридора потянуло нежилым, затхлым духом. Около двери, под самым окошком, стояла стремянка, заляпанная мелом, на полу лежали газеты.

— Это я потолок белила, — начала оправдываться тётя Нина, — не успела прибраться...

Участковый осмотрелся.

— Да-а, по такой грязи слон мог пройти, и тот бы следов не оставил... Короче, ясно! — участковый многозначительно посмотрел на ребят. — Тот, кто лез, повис на руках и спрыгнул на пол, а когда выбирался обратно, подтащил под окошко стремянку. Нина, проверь, целы ли замки кабинетов.

Уборщица пошла по коридору, дергая за ручки дверей. Все двери были заперты. Участковый шёл за ней. В конце коридора, где стоял шкаф, тётя Нина ахнула.

— Вот, сюда!

Стекло в одной из половинок шкафа-«музея» было выбито, скорее всего ударом ноги.

— Так! — участковый подбежал к шкафу, под ногами затрещали осколки. — Сейчас будем составлять протокол! Нина, что здесь было, в этом шкафу? И что исчезло?

Тётя Нина заглянула в выбитую дыру:

— Да ничего, вроде... Вся макулатура на месте.

— Какая макулатура?

— Простая. Сами можете посмотреть. Здесь разный хлам хранится. Газеты отсюда беру, пол застилать...

Настала очередь смутиться участковому. Он снял фуражку, вытер платком лоб.

— Ничего не понимаю.

— Ограбление века! — насмешливо бросил отец Змитрока.

Чесь и Михась, стоявшие позади всех, переглянулись. Чуть шевеля губами, Чесь прошептал: «Папки нету!» Михась прижал к губам палец.

— Всё, теперь вы отпускаете наших детей? — спросила мать Михася.

— Пока нет... Михась! — позвал участковый. — Объясни хоть ты, почему всё же сюда лазили? Что искали?

— Мне всё это надоело! — вдруг громко заявил Михась. — Ещё раз вам повторяем, при своих родителях и при тёте Нине: мы никуда не лазили!

— Вишь ты, надоело ему... Не лазили — докажите. Я наглядно показал там, на крыльце, как это делалось?

Ободрённые Змитрок и Чесь выступили было вперёд. Но Михась остановил их:

— Я сам. Видите ~~вон~~ то окно в конце коридора, за шкафом?

— Ну-ну, не забывай, с кем разговариваешь, — сделал замечание участковый. — Допустим, вижу.

Михась подошёл к окну.

— Тогда скажите, зачем нам было рисковать, карабкаться друг другу на спины, в темноте, в дождь, если в любое время и очень просто мы могли забраться в коридор через это вот окно? Оно низко от земли, широкое... Видите, здесь нет шпингалета. Достаточно пальцем нажать с улицы — и оно распахнётся настежь!

— Правда, оно легко открывается, — виновато подтвердила тётя Нина. — Сколько раз просила завуча: вставьте вы этот шпингалет...

Участковому, под насмешливые взгляды родителей, опять пришлось снять фуражку и вытереть лоб. Змитрок и Чесь с гордостью смотрели на Михася, своего командира.

— Подождите, тогда получается...

— Получается, в школу лазили чужие, кто не знал про окно, — закончил отец Змитрока мысль участкового.

— Может, вы знаете кто?

— Нет, не знаю. А может, вы знаете — когда наконец окончится этот «следственный эксперимент»? Наши дети здесь ни при чём, это доказано ими самими.

— Ладно, — сдался участковый. — Хоть тут и хулиганство налицо: разбитое стекло. Но раз ничего не пропало, протокол составлять не буду. Вам, — повернулся он к тёте Нине, — сегодня же нужно договориться с завучем, вставить шпингалеты, заделать решёткой окошко над входом, заодно найти деньги на стекло для этого шкафа. Вам (на ребят) делаю пока что последнее устное предупреждение!

Все трое встрепенулись:

— Почему?

— За что?

— Дыма без огня не бывает, — загадочно произнёс участковый. — Теперь придётся наблюдать за вами внимательнее... То же самое предлагаю сделать и гражданам родителям.

ГЛАВА 19

ЧТО МЫ ИМЕЕМ?

Последние слова участкового особенно пришлись по душе Чесевой матери.

— Всё, отгулял, — заявила она сыну. — Теперь забудь про улицу, будешь сидеть у меня как мышь под веником.

— Мама, ты же всё слышала! Я никуда не лазил!

— Ну так что, что не лазил? Ты своего не упустишь: успеешь ещё и слазить! Вот тебе ведро, наноси воды и поливай грядки...

— Какие грядки? — ночью ливень прошёл!

— Тогда собирай жуков колорадских с ботвы.

Так Чесь и не появился в тот день у шалаша. Не было его с утра и на следующий день.

Михась со Змитроком проверили шалаш, не протёк ли во время дождя. Потом взяли удочки, разулись. Сидели на обрывистом берегу, свесив ноги. Хорошо, тепло...

У Михасы давно прошла вся злость на друзей. Он рассказал Змитроку, как съездил в город, умолчав лишь о городских мальчишке и девочке, которые так свободно и красиво разговаривали на родном языке.

— Я сразу понял, чьих рук это дело, — сказал Михась. — Когда увидел, что участковый ведёт меня к школе, так и тюкнуло в голову — лысый говорил: «Теперь только школа остаётся». Они, дурачье, лазили!.. Но вам-то почему не сиделось? — спросил он. — Я же предупреждал: ничего не предпринимайте сами!

Змитрок виновато вздохнул:

— Ты ещё не всё знаешь. Мы записали в дневнике: «Копия бересты находится в шкафу, который в школьном коридоре». Курт, конечно, прочитал — и вот...

— Молодцы! «Провокаторы»... С вами только сокровища и искать.

— Почему? Кое-что и нам удалось.

— Например?

— Раздобыть копию бересты.

У Михаса едва не выскользнуло из рук удилище.

— Ну, молчун! Где, как?!

— У старой учительницы, Ирины Леонидовны.

— Где же копия?

— У Чесы. Всё у него: и талер, и копия. Да мы пробовали уже — ничего понять нельзя. Нужны три монеты.

Михась, тем не менее, заметно оживился:

— Ну, это уже кое-что! Чесы мать отпустит вечером или сам сбежит... Тогда попробуем ещё. Да! — вспомнил он. — Вчера участковый сказал: «Докажите, что не вы лазили». — Почему ты рванулся вперёд? Мы-то с Чесем понятно — мы знали про окно в коридоре. А ты почему?

— А я след видел. И хотел сказать.

— Какой след? Чей?

— Ну, когда ноги вытирал. Чтобы Чесю на спину забраться. Там на самом крыльце, у порога, тряпка, она сдвинулась немного, а под ней — след огромного сапога.

— Ну и что? Там столько народу топталось...

— Сапоги у нас летом только один человек носит, — важно сказал Змитрок. — К тому же над крыльцом — навес, значит, след остался с ночи.

— Дед Макар! — воскликнул Михась и почему-то сразу набросился на Змитрока. — Почему из тебя всё клещами нужно вытягивать! А если бы я не спросил, ты умолчал бы и о копии бересты, и о следе?

— Не знаю, — пожал плечами Змитрок. — В принципе (он иногда любил выражаться по-научному, как и его отец), еще не поздно — можно сходить и обо всё рассказать участковому.

— Ты серьёзно?

— Почему нет? «Сдадим» всех за раз: и деда с внуком, и геологов — никто не будет нам больше мешать.

— Послушай. Во-первых, само по себе это отвратительно — «сдавать» кого бы то ни было... Во-вторых, ты, Змитрок, человек городской, а здесь свои законы. Ты подумал, как потом жить и смотреть этому деду Макару в глаза?

И ещё: ты подумал, как бы ты рассказывал тому же участковому? Пришлось бы упомянуть и о том, чем здесь геологи занимаются, а попутно и о бересте, и о талерах, и о раненом французском офицере... Да нас бы за сумасшедших приняли!

Змитрок виновато почесал затылок.

— Допустим, — продолжал Михась, — нам поверят и геологов арестуют. Ну и что? В школе ничего не пропало, кроме бесполезной папки, а больше за ними никакого преступления нет! Их отпустят, а мы таких врагов наживём, что мало не покажется...

— Об этом я не подумал, — признался Змитрок. — Что же теперь делать?

— Что? А ничего! Ничего без Оксаны мы не сможем сделать. А когда она приедет и раздобудет ли что-нибудь там, в Минске, — неизвестно. — Михась вдруг широко улыбнулся: — Поэтому предлагаю — гулять! Чёрт с ним, с этим сокровищем! В конце концов, лето стоит! Будем играть в футбол, ловить рыбу, ходим в поход — не на одних сокровищах свет клином сошёлся!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК

ГЛАВА 1

Звонок

Все складывалось просто отлично.

Послезавтра отец уезжает в экспедицию. Он позвонил в архивный музей, договорился с заведующим. Тот заверил, что Оксана может приходить в любое время, он приготовит для неё все необходимые материалы и экспонаты.

Но главное, в Поплавы отпускают Катю! Правда, ненадолго. В июле они всей семьёй собираются в Египет, в туристическое путешествие, но ведь до июля ещё далеко. И Катя сможет погостить в посёлке, вместе с Оксаной. Вот здорово!

Хорошо было даже то (хоть Оксане и стыдно было признаться в этом), что Катя неожиданно заболела. В такую жару ей обложило горло, она сидела дома, пила разные лекарства и отвар из малины. Покуда она выздоровеет, Оксана как раз успеет сходить в архив.

Поэтому девчонка так легкомысленно отнеслась к телефонному разговору с Михасём, к его предупреждению о геологах. Вот ещё — будет она кого-то бояться! Геологи далеко... Талер, тем не менее, дома держать не стала, оставила у Кати.

Отец готовился к экспедиции. Он отпустил бороду — бородатому человеку меньше достаётся от комаров и не нужно терять время на то, чтобы каждый день бриться. Рюкзак, который стоял в прихожей, постепенно всё больше «распухал». Один вид его — потёрто-поношенного, вылинявшего, в чёрных прожжённых пятнах — вызывал представление о лесах, о непроходимых болотах и быстрых речках, о палатках, ночных кострах, восходах и заходах солнца..

Оксана была благодарна отцу. В эти последние дни он не читал ей нотаций — как вести себя у бабушки. И ни разу не спросил, как идут дела с «поиском клада».

Но Оксана ещё не знала: благодаря отцу, они, «искатели сокровищ», приобрели себе сильного союзника. В один из вечеров, когда она засиделась у Кати, отец набрал номер телефона своего старого друга, учителя истории Бориса Григорьевича.

— Вот хорошо, что застал тебя, — сказал отец. — Борис Григорьевич, у меня две просьбы: лёгкая и трудная. С какой начинать?

— Давай с трудной, — засмеялся учитель.

— Где ты собираешься отдыхать летом?

— На Канарах, конечно. А если серьёзно, с моими финансами придётся это лето проторчать в городе. В лучшем случае выберусь на Минское море или в Дрозды...

— А помнишь, раньше ты почти каждое лето ездил в Поплавы?

— Довно это было. Молодой был, лёгок на подъём.

— А ты возьми да и вспомни молодость, — посоветовал отец. — Не хочешь пожить в Поплавах, хоть месяц?

— Как-то не думал...

— А ты подумай. Места там прекрасные, людей ты тоже знаешь, и они тебя. Снял бы полдома у какой-нибудь бабули, больших денег на это не нужно, в Минске больше истратишь. Семьи у тебя нет, дачи тоже. А там удил бы рыбку, пил бы простоквашу, просыпался с петухами...

— А что, можно подумать, — загорелся Борис Григорьевич. — Ты так расписываешь...

— Я почему, Борис, ещё «расписываю»: дочка там будет, у бабушки. Ты же знаешь Оксану, она тебе куда хочешь влезет... Правда, на моё счастье, она вдруг заинтересовалась историей с талерами. Помнишь? Про клад французского офицера?

— Как не помнить? Сам искал когда-то. Да только пустое всё. Нужно собрать вместе три монеты и копию бересты, а это невозможно.

— Знаю, — сказал отец. — Но раз интересуются — на здоровье. Они — это Оксана и ещё три местных мальчика... Чем в какую-то историю вляпаться, пусть ищут, умнеют... Так вот, прошу тебя: съезди, побудь там с месяц, присмотри

за Оксаной. Поможешь им, подскажешь... Лучше, чем ты, им никто не подскажет.

— Подумаю, подумаю, — повторил Борис Григорьевич. — А какая другая, лёгкая просьба?

— Ты когда-то дружил с нынешним заведующим архивным музеем... Нельзя ли закинуть ему словцо, чтобы помог Оксане? Она собирается там посмотреть разные документы, копии... Я, правда, недавно сам звонил ему, но перестраховаться лишний раз не помешает...

Борис Григорьевич вдруг перебил его:

— Эта «лёгкая» просьба, к сожалению, труднее первой. Мы с ни не то что не дружим, а даже не разговариваем уже лет пятнадцать. У меня не может быть ничего общего с человеком, который работает заведующим национальным музеем и вместе с тем не любит белорусской истории, не признаёт самобытности её, позволяет себе насмешки и издевательства над нашим языком, называя его «скверным диалектом»!

— Вот как? — растерялся отец. — Я не знал, извини.

— А в Поплавы поеду! — сказал Борис Григорьевич. — И буду помогать Оксане и её друзьям, чем смогу. Обещаю.

Настал день прощаться с отцом. К дому подкатил старенький обшарпанный «рафик», в котором сидели весёлые, бородатые, как и отец, люди, с такими же огромными, виды выдавшими рюкзаками. Оксана и отец ещё раз проверили, отключён ли холодильник, не горит ли где лампочка, все ли вентили кранов перекрыты...

По дороге Оксану подбросили к Кате. Теперь она поживёт здесь, пока подруга не поправится.

— Вот тебе телефон, — сказал отец на прощание и протянул Оксане листок из блокнота. — Если что-нибудь случится — позвони этому человеку.

— А кто это?

— Секрет, — усмехнулся отец. — Ты просто наберёшь номер и скажешь: Оксана.

ГЛАВА 2

У КАТИ

— Тебе не рассказывал папа, как к нему попал талер?

— Нет, — ответила Катя. — Я и не спрашивала... Он в последнее время поздно приезжает домой. У них в фирме какие-то неприятности.

Катя, хорошенькая и смешливая, похожая на куколку, с обмотанной тёплым платком шеей лежит на диване под пледом. Рядом — столик с лекарствами и табуретка, на которой светится монитор маленького переносного «нот-бука».

Девочки до боли в глазах наигрались в разные компьютерные игры. Надоело смотреть мультфильмы по видеомагнитофону.

— Давай выключим всё, — предложила Оксана, — и оставим только светильник.

Так и сделали.

За окном — сумерки. Пасмурно, дождливо. А в комнате мягкий свет ночника. Если пошевелиться, по углам и по потолку тоже движутся тени. Девочки одни. Лишь раз за вечер в комнату заглянула Катина мама, совсем молодая — как старшеклассница. Волосы у неё были мокрые, она вытянула перед собой руки с растопыренными пальцами — сушила лак на ногтях.

— А, играете? — только и спросила она. — Ну, играйте... Она вышла, а затем, вспомнив о чём-то, вернулась.

— Как ты себя чувствуешь, Катерина?

— Я совсем здорова, мама!

— Температуру измерь.

— Только что мерила: тридцать шесть и девять.

— Вот видишь, ещё высокая. Нужно лежать...

И снова вышла, на этот раз осторожно, локтем прикрыв

двери. Катя почему-то вздохнула. Оксана придвинулась к ней поближе.

Девочки прижались друг к другу, и обе молчали. Оксана думала об отце: где он сейчас? Наверное, ещё в дороге. Мчится где-то по тёмному асфальту «рафик», стучат о стёкла капли дождя... Потом она подумала о Кате. Катя богатая, красивая. У неё всё есть. Родители ничего не жалеют для неё. Но всё равно она часто бывает задумчивой, грустной. И удивительно: Оксана никогда не завидовала её богатству, никогда даже в мыслях не хотела поменяться с ней местами.

Оксана вспомнила вечер в Поплавах, когда отец рассказывал о раненом французском офицере, когда они жгли «куродым», а Чесь такими странными глазами смотрел на неё... А на следующий день угостил шмелиным медом... Нет, всё это гораздо интереснее и милее, чем самые дорогие компьютеры, самые красивые видеокассеты.

— Завтра я выздоровею, — тихо произнесла Катя, словно угадав её мысли, — и папа наконец-то отвезёт нас к твоей бабушке. Скорее бы!

— Нет! — испугалась Оксана. — Завтра ты, пожалуйста, ещё не выздоравливай! Я ведь ничего не успела, так и не сходила в архив... Поболеешь ещё денёк?

— Хорошо, — покорно согласилась Катя.

В прихожей послышались голоса. Затем в комнату вошёл отец Кати. Сегодня он пораньше вернулся с работы и был в хорошем настроении: видно, дела фирмы снова пошли на лад. Высокий, молодцеватый не по годам, с бородкой. Бородку он отпускал не ради удобств походной жизни, как отец Оксаны, а для красоты.

— Не спите ещё? — весело потирая руки, сказал он. — А почему свет не включаете? А «видик» почему не смотрите? А в компьютер почему не играете?

И, не дожидаясь ответа, присел на диван. Приложил ладонь ко лбу дочери:

— Как ты?

— Совсем здорова.

Оксана нашла под пледом Катину ногу и пожала её. Но подруга ничего не поняла.

— Так что завтра можно везти вас? Я как раз свободен до обеда. Успею отвезти и вернуться.

— Нет, Игорь Валентинович! — запротестовала Оксана. — Катя ещё не совсем здорова, пускай полежит хоть денёк... — и, пользуясь его хорошим настроением, попросила: — Игорь Валентинович, а расскажите, как вы достали талер? Тот, который вы Кате подарили?

— А, талер, — Игорь Валентинович наморщил лоб. — Так ведь он у нас ещё с войны, после моего отца остался, а Катиного деда, значит...

— Почему ты раньше не говорил ничего? — спросила Катя.

— Гм, раньше... Поняла бы ты раньше?... Да я и сам вряд ли смог бы рассказать всё как нужно... Такое не принято было рассказывать, ради твоей же пользы... Как это лучше объяснить? Дело в том, что дедушка во время войны жил в оккупированном немцами Минске. А уже одно это ставилось в вину человеку. После войны его арестовали, и он погиб в концлагерях. При Хрущёве, правда, его полностью реабилитировали, но всё равно — пятно семьи «врага народа»...

— А как к нему попал талер? — спросила Оксана.

— Отец, то есть Катин дед, работал в архивном музее и тайно выносил оттуда всё, что мог, — чтобы не досталось немцам. Потом, при обыске, — мама рассказывала, — в нашей квартире нашли множество ценных исторических документов и экспонатов. Всё забрали, конечно. А этот талер каким-то чудом уцелел.

— Значит, он настоящий! — воскликнула Оксана. — Один из тех трёх...

Игорь Валентинович посмотрел сначала на неё, потом — на Катю.

— Да, один из тех трёх, — подтвердил он. — Вас, вижу, заинтересовала старая история о раненом французском офицере, береста, клад и тому подобное? Так знайте, девочки, — это чепуха. С этой историей разбирались учёные, целые экспедиции поисковые были снаряжены — ничего не вышло.

ГЛАВА 3

СТРАНИЧКА ИЗ ДНЕВНИКА

Катя смотрела в одну точку.

— Папа, а Расскажи ещё про дедушку, — тихо сказала она.

— А что я сам помню? Я даже ни разу не видел своего отца. Когда его арестовали, мама была беременна мной. Единственное, что осталось... да я сейчас покажу...

Игорь Валентинович вышел и вернулся, неся в руках небольшой картонный ящичек.

— Вот, — он поставил ящичек на диван около Кати. — Посмотрите, только осторожно: бумаги старые, ещё рассыплются в руках... А я пойду. Нужно позвонить кое-кому...

Сверху в ящичке лежали письма — в казённых, пожелтевших от времени конвертах. Отдельно — серая бумажка с отпечатанным на машинке текстом: справка о реабилитации. На самом дне — фотография. Молодой человек, снятый во весь рост, в франтоватом плаще, шляпе, сдвинутой на затылок, лицо открытое, смелое, лишь округлые, как у Кати, глаза излучают какую-то грусть...

Оксана разгладила бумажку, в которую была вложена фотография. С обратной стороны бумажка была вся исписана микроскопическим размытым почерком.

И вдруг слово «Поплавы» бросилось девочке в глаза. И вот ещё в одном месте. И какие-то даты сбоку, на полях...

— Катя, это же дневник! — воскликнула Оксана. — Страничка из дневника!

Она поднесла лист ближе к лампе.

— Читай же, читай скорее, — просила Катя.

— Так... «Первого августа сорок третьего года... немного картошки. Куда податься, разве к Арине... в Поплавы.

Примет ли? И как добраться?» Дальше неразборчиво. А вот, слушай:

«Третьего, девятый месяц... удалось талер... На выходе обыскивали, чудом не попался. Завтра попробую другой...»

«Одиннадцатого, девятый месяц. Архив закрыли... немцам не до музеев... Без работы, голод... Поплавы?»

— Дальше!

— Дальше всё размыто, — сказала Оксана. — Только последнее предложение: «...фашисты звереют. Вчера расстреляли... Скорее бы наши!» Ну, Катя, теперь всё понятно! Один талер твой дед вынес, а второй не успел — музей закрыли.

Оксана задумалась:

— Арина из Поплавова... Михась рассказывал, в Поплавах живёт старая учительница — Ирина, кажется, Леонидовна... Арина и Ирина — одно имя?

Но Катя не слушала.

— «Скорее бы наши», — повторила она последние слова из дневника. — А «наши» пришли... и забрали.

ГЛАВА 4

ЗАВЕДУЮЩИЙ АРХИВНЫМ МУЗЕЕМ

На следующий день с утра Оксана уже выходила из троллейбуса на остановке «Верхний город».

После ночного дождя распогодилось. Тротуар, газетный киоск на углу, машины, стены и крыши домов — всё выглядело необычно ярко, контрастно — словно смотришь на всё это сквозь чисто вымытое оконное стекло.

Девочка легко отыскала в двориках Верхнего города красивое, с черепичной кровлей здание архивного музея. Но главный вход был закрыт. Оксана обошла здание и увидела ещё одну, маленькую и узкую, дверь. Смело вошла и очутилась в светлом длинном коридоре, заваленном громадными пачками какой-то бумаги. Стояла тишина, никого нигде не было.

Лавируя между этими пачками, Оксана прошла коридор, по лестнице поднялась на второй этаж, и здесь, на первой же двери, увидела табличку — «Заведующий».

Оксана постучала, отворила дверь.

В небольшом кабинете стояли шкаф, стол, три стула. За столом сидел маленький, седой человек и что-то писал, неуклюже, по-детски водя ручкой.

Увидя Оксану, человек зашевелился, будто хотел приподняться из вежливости. Но затем почему-то передумал.

— А вы, наверное, Оксана? — быстро сказал он и растянул свои тонкие бескровные губы в какое-то подобие улыбки. — Да, мне звонили. Знаю, знаю и ва-

шего отца, прекрасного археолога, и вашего учителя истории, Бориса Григорьевича... Я знаю даже Катю Лешкевич, вашу подругу, — помолчав, добавил заведующий.

— Катю?! Откуда?

— А я недавно выступал в вашей школе. Правда, в старших классах. И в учительской случайно увидел раскрытый журнал вашего пятого «А». Меня сразу заинтересовала эта фамилия, Лешкевич. Когда-то до войны в архиве работал историк с такой фамилией. Потом его репрессировали... Это был талантливый нумизмат. А я, грешным делом, тоже люблю собирать разные монетки... Я спросил у вашего завуча, Андрея Адамовича, и мы вместе выяснили, что и в самом деле, Лешкевич — дед вашей подруги.

Заведующий говорил и всё время не спускал с Оксаны глаз. Было видно, что он ждёт, когда девочка сама начнёт болтать о Кате, коллекции монет... А открыто спросить об этом не отваживается.

Оксана, которой этот человечек с его многословием и всезнальством почему-то не понравился сразу, молчала. «Кого же он мне напоминает?» — думала она и никак не могла вспомнить.

— Уехал отец? — спросил заведующий.

— Да, вчера.

— И где вы сейчас?

— Одна живу... То есть нет, у Кати, — решила не врать Оксана.

— У этой самой? Лешкевич?

— Да.

— Ну что ж, — сказал заведующий. — Вас, как я понял, интересует история наполеоновских сокровищ? А почему, если не секрет?

— На лето нам дали задание: описать историю какого-нибудь памятника. Я выбрала памятник в поселке Поплавы. Там живёт моя бабушка.

— Да. Знаю и ваши Поплавы, и тот памятник, — задумчиво промолвил заведующий. Затем, неуклюже вывернув тощую руку, не взял, а как-то подцепил со стола папку. Протянул Оксане:

— Здесь вы найдёте всё и о вашем памятнике, и даже

больше. С собой дать не могу. Садитесь, пожалуйста, вот сюда, за шкаф, — указал он на другой конец своего широкого стола, — и работайте. Тетрадь, ручка есть?

— Есть.

Оксана обошла стол и здесь, за шкафом, увидела при-
слонённый к стене костыль. «Друг Бориса Григорьевича —
инвалид с детства, ему трудно ходить», — вспомнила Окса-
на слова отца.

Она вытащила из пакета тетрадь, ручку. С замиранием
сердца раскрыла папку.

Заведующий склонился над своими бумагами.

— Если что-нибудь не поймёте — спрашивайте, — ска-
зал он, не поднимая глаз.

ГЛАВА 5

СТАТЬЯ

В папке лежали ксерокопии какой-то журнальной статьи и, отдельно скрепленные, три листочка, на которых кратко описывалась история города Березино и его окрестностей.

Оксана чуть не вскрикнула от огорчения. Где же копия бересты, где если не сами талеры, то хотя бы их рисунки?

Но нельзя было выдавать себя. Она ведь выполняет «задание на лето». А для задания материала тут, в самом деле, более чем достаточно.

Девочка начала читать статью и увлеклась. Даже выписала начало, чтобы показать потом друзьям:

«Прошло почти 180 лет, как окончилась интервенция французов в Россию. Эта тема в исторической литературе считается наиболее разработанной. Тем не менее о сокровищах, вывезенных французами из Москвы, не утихают споры и сегодня. В периодической печати легенда о «кладе Наполеона» получила «право гражданства» наравне с общепризнанными: ордена Тамплиеров (во Франции), инков (в Южной Америке), английских пиратов (в Карибском море), нацистов Гиммлера (в Штрийских Альпах) и другими. Существует мнение, что сокровища есть, они огромные и искать их нужно на территории Беларуси. Хватает и энтузиастов. В продолжение нескольких лет организованные бригады и одиночки вели поиск в Семлевском озере (около Вязьмы), в озере около городского поселка Крупки, на реке Березине и даже в Литве. Район поиска расширяется до неопределенности, но энтузиазм не

угасает. Ищут зимой и летом. Возникли элементы авантюризма. Газетные статьи о «сокровищах Наполеона» вырезаны почти во всех библиотеках Минска (включая и Национальную библиотеку). Создаются новые бригады, возникают новые версии, растёт нездоровый ажиотаж. Но никто толком не знает, на что можно рассчитывать в случае удачи и где её искать...»

«Автомобили с московскими номерами всё ещё и сегодня крутятся каждое лето около оршанских и борисовских озёр. Все мечтают найти клад золота и серебра. Поиски поставлены на научную основу. Из каждого озера берут бутылку воды и в Москве на спектро스코пах проверяют наличие атомов золота и серебра. Где больше, там обязательно должен быть клад...»

Затем следовал раздел под заглавием «Легенды о сокровищах». Одна из легенд была уже известна Оксане: французский офицер, похороненный в Поплавах вместе с русскими солдатами, позеленевшая медная пластинка, два талера испанской чеканки, кусок бересты с крестиком внизу и слово «CLAD»...

«И эта загадка пока не разгадана, — заканчивался раздел. — Земля умеет хранить свои тайны».

Девочка обратила внимание на то, что в статье почему-то ни слова не сказано: где же сейчас эти две монеты и копия бересты?

— Скажите, — нарушила она тишину, — кто автор этой статьи?

— Я, — ответил заведующий.

— Можно вас попросить... Покажите, пожалуйста, мне талеры, о которых вы пишете в своей статье. И копию бересты.

Заведующий не удивился. Он развёл маленькие искалеченные руки:

— С огромной радостью показал бы — да нету!

— Как нету? — растерялась Оксана.

— Так. К большому, к огромному сожалению. Все исчезло во время войны. Что сгорело, что исчезло, что немцы вывезли... Нету!

— Но отец рассказывал, в войну исчез всего один талер! А второй и копия бересты хранятся в архивном музее!..

— Ваш отец ошибся, — спокойно сообщил заведующий. — Ваш отец — археолог, и просто не в курсе всех деталей. Эти монеты, копии, экспонаты, связанные с кладом... Тяжело, скажу я вам, сохранять такие вещи даже в архивном музее. Вы же сами читали: безобидные статьи — и те вырезают из газет во всех библиотеках.

Заведующий говорил спокойно и смотрел на девочку почти доброжелательно. Но Оксана уже не сомневалась — он врёт ей. Он просто не хочет ей ничего показывать. Ему надо, чтобы как можно меньше людей знало о существовании этих талеров.

ГЛАВА 6

СЕВА

В дверь постучали.

— Пожалуйста! — сказал заведующий.

Оксана сидела за шкафом, откуда не было видно ни двери, ни того, кто вошёл. Но по лицу заведующего она догадалась: гость неожиданный и нежелательный.

— Я же просил сначала звонить, а потом приходить! — резко сказал заведующий и покосился на Оксану.

— Телефон был занят, — ответил посетитель.

Какой знакомый голос! Оксана осторожно выглянула из-за шкафа — и тотчас отпрянула назад. Ей захотелось забиться в самый уголок. Вот так встреча! Червёный «знакомый», Сева!

— У меня здесь люди, — сказал, словно предупреждая Севу, заведующий. И Оксане: — Вы долго ещё? Всё выписали?

Ему явно хотелось, чтобы Оксана собралась и ушла. Но девочка в ответ лишь отрицательно покачала головой. Она боялась, что если заговорит, Сева узнает её по голосу.

Заведующий пожевал губами.

— Ну хорошо — работайте... Мы с приятелем не станем вам мешать. Подайте, если не трудно, костыль.

Зажав костыль под мышкой, он выбрался из-за стола. Подтягивая одну ногу, заковылял к двери. При ходьбе он извивался всем телом, свободная рука балансировала... «Кого же он напоминает?» — снова промелькнуло в голове у Оксаны.

Девочка сидела, как на иголках. Вдруг ей почудилось, что она слышит голоса. Так и есть. Заведующий, выйдя в коридор, неплотно прикрыл дверь.

Оксана поднялась и осторожно, на цыпочках подошла ближе. «Если войдут, увидят — придумаю что-нибудь... Присяду, скажу — ручка куда-то закатилась, не могу найти...»

Заведующий и Сева стояли у самой двери, поэтому было слышно каждое слово.

— В чём дело? — гневным голосом спрашивал заведующий. — Я запретил вам появляться здесь без крайней необходимости!

Сева ответил после паузы. Он был чем-то смущён.

— Именно тот самый случай... Мы с лысым посоветовались, и вот... Нам кажется, ты от нас что-то скрываешь.

— Креститься нужно, если кажется! Кажется им! Они, видите ли, посоветовались!

Сева сказал миролюбиво:

— Не сердись, Паук... Пойми и нас. Никому неохота быть дураком. Почему ты нам не всё рассказываешь? Мы вкалываем, как кони, тянем всю чёрную работу, торчим в этих Поплавах...

«Паук!» — догадалась, наконец, Оксана. Тощие вывернутые руки заведующего, его маленькая голова на тонкой шее, вихляние из стороны в сторону при ходьбе... Всё это в само деле напоминало паука из известного диснеевского мультфильма, который они вчера смотрели с Катей.

— Что вы от меня хотите? Чем вы недовольны?

— Копию бересты. И покажи... — Сева кашлянул виновато, — покажи, что с этой дурацкой берестой делать.

— Может, мне ещё отвести вас за ручки в Поплавы и толкнуть носами в тот метр квадратный, где золото зарыто?! Дурачье, кретины — других слов просто нет! Если уж вы доверились мне, а я вам, так давайте верить до конца!

— Да верю я, верю, успокойся. Это лысый всё...

Но Паук горячился:

— Зачем вам тысячу лет эта копия? Стены оклеивать вместо обоев? Да сейчас зайдём в кабинет — там у меня на столе книга, в ней сотня этих копий!

— Тише, успокойся. Ты же знаешь, я каждому твоему слову верю.

— Если веришь, передай лысому: вы оба знаете ровно столько, сколько вам нужно знать. И делаете чёрную работу, потому что ни на какую иную больше не годитесь. Разве что менялами торчать около обменных пунктов... Да если

бы не это, — Паук ударил о паркет костылём, — вы мне сто лет не нужны были бы. Я и так, не выходя из этих четырёх стен, сделал всё. Я даже нашёл вторую монету!

— Правда?! В смысле третью? Вторая — забыл разве? — у малышки, которую мы в Червене видели.

— К сожалению, именно вторую. Она находится в частной коллекции некоего Игоря Валентиновича Лешкевича, которого в данное время интересует не нумизматика, а мелкий бизнес. Сейчас с этим талером забавляются дети его, Лешкевича, дочка Катя и её подруга, дочь одного археолога... Которую, кстати, вы и видели в Червене. «Червеньский» талер и талер из коллекции Лешкевича — к сожалению, одна и та же монета... И ещё, кстати, — Паук понизил голос, — твоя «червеньская» малышка сидит сейчас у меня в кабинете.

— Здесь?! — ахнул Сева.

— Тише, — успокоил его Паук. — Она прилежно «работает». Тоже клад ищет — видно, отец рассказывал кое-что. Или историк ихний, дружок мой старый Боря...

У Оксаны затряслись коленки. И всё же она, словно под гипнозом от всезнания этого Паука, не могла двинуться с места.

— Но ты откуда всё знаешь? — спросил Сева как раз то, что хотелось услышать и Оксане.

— Всё просто. В отличие от вас с лысым у меня есть немного ума и наблюдательности. Недавно я выступал в школе, где учится эта девчонка. В учительской, в раскрытом школьном журнале, увидел фамилию Лешкевич, она меня заинтересовала — был такой нумизмат. Расспросил их завуча: что за Катя, с кем дружит, кто отец у неё... Попросил телефончик, адрес — мол, хочу передать семье кое-какие документки о нём... Вечером звякнул Лешкевичу, прощупал: так и так, архивный музей желает приобрести у вас талер. Есть, отвечает, талер, только я отдал его дочери, а та подарила своей подруге, а подруга уехала в деревню... Разговорчивый парень! А тут и вы с известием про «червеньскую» малышку... Как видишь, достаточно сопоставить факты — и все проблемы.

— Талер у неё! — решительно сказал Сева. — Нужно сейчас же забрать!

— Спокойно! Скорее всего нет у неё никакого талера.

А если и есть, детей обижать нельзя. Всё нужно делать по закону.

— Да мы же «зелень» ей предлагали!..

— Вслушай. Её отец вчера уехал в экспедицию, живёт она сейчас у подруги — у Лешкевича, значит. Там будет и талер. Вам нужно разговаривать непосредственно с хозяином. Сегодня же с лысым мотайте к этому Лешкевичу на дом, делайте что угодно, как угодно, но чтобы монета завтра лежала у меня на столе.

— А если он заартачится? Эти нумизматы все ненормальные, я знаю, — сказал Сева. — Трясутся над каждой дырявой копеечкой.

— Пообещайте деньги. Даже этому нужно вас учить? Пригрозите — вы же рэкет, а у него бизнес. В крайнем случае, если и это не поможет, обменяйте его на наш талер. Они почти идентичны.

— Ты в своём уме?! Отдать... ему единственный талер?

— Делайте то, что вам приказывают. Тут главное не талеры... как тебе объяснить... Умному человеку достаточно лишь поддержать его в руках. Короче, так и быть: достаньте мне монету, и я скажу, в чём дело.

— Сейчас не скажешь?

— Я и так сказал достаточно.

Сева помолчал, потом словно вспомнил что-то:

— Ну, смотри, Паук! Если хитришь...

— Да вы без меня — ничто! — зло ответил Паук. — Помните: если вы вздумаете предпринять что-нибудь в одиночку — всё пропало!

— Хорошо, хорошо... Я ведь ничего, это лысый всё, — заподхалимничал Сева. — Говорит, Паук «прокидывает» нас, не показывает бересту. Мы даже в Березино, в краеведческий музей сдуру смотались, — правда, он на ремонте, — и в школу в Поплавах слазили...

— Идиоты, зачем?!

— Копию бересты искали... Мальчишка деда, у которого мы останавливаемся, ночью пробрался через окошко, вытащил папку из шкафа... А в папке, — Сева сплюнул, — биографии знатных людей района да пожелтевшие вырезки из газет!

— Нет слов!..

Поняв, что разговор заканчивается, Оксана бросилась

к столу. Присела на своё место, потом вспомнила: «У меня там книга, в ней сотня этих копий!» Лихорадочно начала перелистывать толстую книгу, которая лежала на краю стола. Есть! Точно, целая кипа листочков... Схватила один, спрятала в тетрадь. И вовремя. Хлопнула дверь, приковылял заведующий.

— Не дают работать, — пожаловался Оксане. — Это студент один, заочник, собирает материал для автореферата. Ну, а у вас что? Всё выписали?

— Нет ещё.

— Я рад, что моя статья так вас заинтересовала, — сказал заведующий. Однако в голосе его большой радости не чувствовалось.

Оксана посидела немного. Когда, по её расчетам, Сева уже вышел из музея, встала:

— Большое вам спасибо.

— Приходите ещё. Уверен, что при такой усидчивости вы получите пятёрку с плюсом, — с едва заметной иронией сказал Паук, провожая Оксану взглядом.

ГЛАВА 7

УТРАЧЕННАЯ МОНЕТА

Самое обидное, что невозможно было позвонить и предупредить Катю или Игоря Валентиновича. Не было банальной телефонной карточки.

Когда через час с хвостиком, на троллейбусе с пересадками, Оксана добралась из Верхнего города в микрорайон Сухарево, она увидела, как от подъезда Катиного дома «отчаливает» знакомая тёмно-синяя «Ауди». Опоздала! Конечно, Катя отдала талер, который был спрятан среди книг на полке...

Отворил дверь сам Игорь Валентинович. Он выглядел встревоженным.

— Оксана, у тебя талер?

Значит, Катя ничего не сказала! Не испугалась даже рэкетиров! Теперь у Оксаны появилась надежда, что удастся уговорить и Игоря Валентиновича.

— Талер у Кати... Но, Игорь Валентинович, я всё знаю, к вам сейчас приезжали эти... Не отдавайте им, пожалуйста, монету!

Игорь Валентинович взял её за плечико, посмотрел в глаза, сказал решительно, строго:

— Оксана! Я уважаю твоего отца и к тебе отношусь, как к родной дочери. Поэтому, думаю, вправе сделать тебе серьёзное замечание. Перестань ввязываться во взрослые дела и впутывать в это Катю. Ты согласна?

Девочка молча кивнула. Только сейчас до неё дошло, что она в чужой семье, какими бы близкими подругами они с Катей ни были.

В прихожую выбежала Катя, весёлая, уже без платка на шее. Увидя расстроенную Оксану, взглянув на строгое лицо отца, она всё поняла и тоже повесила нос.

— Вот что, девочки, — сказал Игорь Валентинович. — Буду говорить с вами как со взрослыми. Я хорошо знаю этих людей. Если им что-нибудь понадобится, они раздобудут это из-под земли, любыми средствами... Поэтому я не просто прошу, а приказываю: выбросьте из головы даже мысли об этих сокровищах! Пока вы сами играли, я не вмешивался. Но коль скоро вашими играми начали интересоваться эти люди — всё, игры окончены. Если им приспичило заполучить этот талер, значит, тут запахло чем-то серьёзным. А вам найдутся занятия и кроме талера. Играйте вон в компьютер, съездите в цирк, в Ботанический сад... И можете собираться в деревню. Завтра я вас точно туда отвезу. А сейчас вы отдадите мне талер. Катя? — обратился он к дочке.

Зашли в комнату. Катя отодвинула книги на полке, нашла талер, молча протянула отцу.

Игорь Валентинович задержался.

— Вы, наверное, считаете, что я поступаю плохо, — сказал он. — Понимаю: талер — память о дедушке... Но другого выхода нет. К тому же я не продаю его, лишь меняю. Они дадут мне взамен точно такой же.

Девочки молчали. Игорь Валентинович постоял немного и вышел. Оксана обняла подругу.

— Катя, не переживай так! Поверь, я не могла тебя предупредить! Я знала, что они приедут к вам, но опоздала...

И Оксана подробно рассказала о своём посещении архивного музея, о Пауке, Севе, о том, как ей удалось заполучить копию бересты...

— Главное, тут дело даже не в талерах, — закончила она. — После того, как монета побудет в руках у этого Паука, она становится не нужна им.

— Это память, — тихо сказала Катя.

Однако рассказ Оксаны немного утешил её.

— Ты тоже не переживай, Оксаночка, что не смогла предупредить нас. Всё равно папа отдал бы им. Но какие они нахальные, особенно лысый! Они ничего не боятся. Разговаривали при мне и при маме. Сначала папа не хотел и слушать. Тогда они начали называть какие-то фамилии. Отец притих. А мама даже заплакала. Лысый плюнул прямо на пол и сказал: «Подумай о своём бизнесе, парень! Завтра ты можешь проснуться нищим». А Сева толкнул его локтем

в бок и сказал ласково: «Не сто́ит пугать людей, пусть себе делают бизнес. Есть другие варианты. Если ты, Игорь Валентинович, не хочешь продавать талер, мы готовы обменять его на точно такой же. Гарантируем, что настоящий. Короче, думай до завтра. А если надумасешь раньше — вот тебе телефончик...»

— Телефончик? — Оксана слушала и в то же время думала о своём. — Вот хорошо, что ты напомнила! Подожди, я на минутку...

Она выбежала в прихожую, где висела её джинсовая курточка.

Из зала, где находился телефон, она услышала голос Игоря Валентиновича: «Я согласен на обмен, приезжайте!..» — и стук положенной на аппарат трубки.

Оксана возвратилась, зажав что-то в своём кулаке.

— А дальше?

— Дальше — они ушли. А мама ещё громче заплакала. И сказала отцу: «Сейчас же отдай им всё, что они просят! Мы едва-едва вылезли из нищеты — и теперь нужно лишиться всего из-за одной поганой монетки? Я сама отвыкла жить бедно и не хочу, чтобы моя дочь была бедной». Тогда отец сказал: «Успокойся, я сделаю, как ты хочешь. Ни ты, ни моя дочь бедными не будете». И мама успокоилась, вытерла слёзы и поцеловала папу.

— А где сейчас она?

— Уехала в парикмахерскую делать педикюр, — ответила Катя и вздохнула. — Может, мы тоже пойдём погуляем?

— Нет, — сказала Оксана. — Игорь Валентинович только что звонил им. Скоро они будут здесь и привезут свой талер. Твоему отцу он не нужен, попросим отдать его нам.

— Хорошо. А зачем ты выходила в переднюю? — поинтересовалась Катя.

Оксана разжала кулак. На ладони лежала бумажка с шестью цифрами — номер телефона, который оставил отец, расставаясь.

— Мы запутались, — сказала Оксана. — Мы сами ни в чём не разберёмся.

ГЛАВА 8

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ

Как и предполагала Оксана, «гости» прибыли быстро.

Девочки тоже выглянули в коридор. Сева с лысым, не раздеваясь, стояли в передней. Увидя Оксану, Сева с шутливой галантностью, как старой знакомой, поклонился ей.

— Покажите сначала свою монету, — сказал Игорь Валентинович. — Я должен убедиться, что она настоящая.

— Не сомневайся — аптека, — лысый искоса взглянул на девочек. Потом протянул что-то, завернутое в бумажку.

Игорь Валентинович вышел. Сева подмигнул Оксане:

— Не захотела тогда, в Червене, получить двадцать долларов? Уже поздно. Жалеешь?

Оксана промолчала. Вернулся Игорь Валентинович, сказал кратко:

— Настоящий. Что ж, держите, — и передал свой талер лысому.

Лысый подбросил монету и поймал её.

— Теперь всё, надеюсь? — спросил Игорь Валентинович.

— О'кей, не волнуйся, — ответил лысый. — Делай свой бизнес. Мы любим стоворчивых людей и не трогаем их.

Оба, не попрощавшись, исчезли.

Игорь Валентинович стоял и смотрел на закрытую дверь.

— Подойди, — прошептала Оксана Кате.

Та смело приблизилась к отцу, потянула за рукав:

— Тебе нужен этот талер, папа?

Игорь Валентинович посмотрел на неё непонимающими глазами. Видно, он думал уже не о «гостях», не о талере, а о своём бизнесе.

— Что? — переспросил он. — Нет, зачем мне талер... На, возьми. Только держи при себе. Мало ли что — вдруг им понадобится и этот?

— Не понадобится, — сказала Оксана.

Игорь Валентинович погрозил ей пальцем:

— Оксана, я тебя предупредил! Не лезь в эту историю!

— Хорошо, Игорь Валентинович, — покорно согласилась девочка. — А можно мне позвонить?

— Конечно. Только недолго, пожалуйста, мне ещё нужно обзвонить важных для меня людей...

Оксана, глядя в бумажку, зажав трубку между щекой и плечом, набрала номер.

Каково же было её удивление и даже разочарование, когда она узнала в трубке... голос учителя истории Бориса Григорьевича! Сразу исчезла вся таинственность этих шести цифр. Ей даже захотелось положить трубку.

— Я тебя слушаю, Оксана! Что случилось? — попытался между тем учитель. — Ты в Минске?

Оксана прикрыла ладонью трубку и вопросительно взглянула на Катю, которая стояла рядом. Но что могла посоветовать ей наивная простушка Катя?..

— Ничего не случилось, Борис Григорьевич, — сказала Оксана. — Хотя, впрочем, случилось... У нас неприятности. Мы запутались.

— Что такое?

— Я не могу сказать это по телефону.

— Откуда ты звонишь?

— От Кати Лешкевич.

— Где это?

— Сухарево.

— Так это же совсем рядом! А я живу на «Западе», вы можете сейчас же подъехать или подойти ко мне. Тут от вас две остановки на автобусе, или пешком через лес. Катя должна знать. Девятнадцатый дом.

— А какая у вас квартира?

— Я подожду у подъезда, вы не сможете попасть, у нас замок с кодом.

ГЛАВА 9

КВАРТИРА НА «ЗАПАДЕ»

Катя хорошо знала свой район. Через лес, клином врезавшийся в городские застройки, девочки быстро добрались до широкой, длинной улицы Лобанка. Отсюда начинался микрорайон «Запад-три».

Был ясный день. Распогодилось. Пахло близким лесом и мокрой травой. Небо было чистое и синее, солнце старательно высушивало остатки дождя на асфальте.

— А там, за лесом, озерцо, — показала Катя. — Может, сходим?

Оксана от неожиданности даже остановилась:

— Какое озерцо, Катя?! Нас ждут! Мы остались без талера, запутались, ничего не знаем, а ты... Пойми, Борис Григорьевич — наша единственная возможность разобраться в этой истории!

— Я просто так сказала, — оправдывалась Катя. — Лето ведь на дворе...

— Лето всё впереди, нагуляемся. Скажи, разве тебе не интересно? — спросила Оксана. — Только честно. Разве не интересно разгадать тайну талеров, бересты, найти клад, получить за него деньги?

— У папы и так их много, — наивно ответила подружка.

Оксана хмыкнула:

— Разве денег бывает много? Их всегда мало. К тому же у нас иначе совсем: это будут наши деньги, и ничьи больше. Можно будет купить себе всё, что захочешь, поехать, куда захочешь...

— Мне и так всё покупают, и возят, куда я захочу.

— И тебе нравится всё это?

— Нравится, — призналась Катя. — Только не всегда.

— Вот видишь. Свои деньги — это совсем другое, это самостоятельность, свобода...

— Оксана, я просто так про озеро сказала. Мне интересно искать клад, я ведь не против и буду с тобой до конца.

— Далеко ещё идти?

— А мы пришли, — Катя указала на кирпичный двенадцатизэтажный дом у самого леса.

У самого подъезда росли дубы, ольхи, ёлки. Среди деревьев виднелась жёлтая крыша беседки.

Когда девочки приблизились, из беседки вышел и направился к ним невысокий человек, в домашней клетчатой рубашке, застёгнутой на все пуговицы, в спортивных брюках с бело-красно-белыми лампасами, в стоптанных тапочках на босу ногу — учитель Борис Григорьевич.

Девчонки никогда не видели его в таком наряде. Переглянувшись, они едва удержались, чтобы не прыснуть со смеху.

Борис Григорьевич понял причину их веселья и смущённо сказал:

— Прошу у паненок извинения — не успел переодеться... Сразу после вашего звонка спустился вниз.

Только теперь девчонки рассмеялись. Паненки! Первый раз в жизни их так называют!..

Учитель тоже засмеялся:

— Вижу, у паненок не такое плохое настроение, как я сразу подумал. Прошу! — указал он на дверь подъезда.

До этого дня девчонки видели учителей только в школе и ни разу ни одного учителя — в домашних условиях. И Оксана, и Катя думали, что учителя живут как-то иначе, чем остальные люди. Поэтому сейчас они обращали на всё особенно пристальное внимание.

В коридоре ящики почтовые обожжены... В лифте кнопки тоже чёрные, прожжённые... И стенки все исписаны словами, в том числе и неприличными.

Борис Григорьевич угадал мысли своих учениц.

— В нашем доме, как и в других, — вздохнув, сказал он. — Человека можно научить всему, можно сделать из него выдающегося художника, скрипача, математика, космонавта, бизнесмена... Но научить его элементарной бытовой культуре невозможно. Это даётся или с рождения, или не даётся вовсе... Ну, мы приехали.

Маленькая однокомнатная квартира Бориса Григорьевича походила не на жилище, а скорее на библиотеку или книжный склад. Оксане, которая не так давно была в архивном музее, на миг показалось, что она каким-то образом перенеслась снова туда. Стопки книг лежали даже в крохотной — трём человекам не повернуться — прихожей, под вешалкой для одежды. В комнате книги занимали всю стенку — от потолка до пола. Громоздились они и на журнальном столике посреди комнаты, и на двух мягких креслах, и на маленьком телевизоре в углу, и на шкафу...

Борис Григорьевич поспешно убрал книги со столика и с кресел.

— Извините, милые паненки, — развёл он руками. — Уж больно неожиданным был ваш звонок, поэтому ничего не успел... А хозяйки у меня нет, сами видите! — сказал он весёлым голосом, однако на его высоком чистом лбу сразу появилась глубокая морщинка. — Развелась со мной хозяйка, и сейчас далеко отсюда... Словом, садитесь, будьте как дома, а я сейчас чаю приготовлю.

После этих слов девчонки догадались, что в квартире не хватает — женской руки. И всё равно с Борисом Григорьевичем было легко, как и в школе на уроках.

Учитель отлично ориентировался среди своих книг. Взял одну с полки, протянул Оксане:

— Вот, полистайте пока. Вас это должно заинтересовать.

Он открыл шкаф, взял что-то под мышку и вышел.

ГЛАВА 10

РАССКАЗ ОКСАНЫ

Толстая книга называлась «О чём рассказывают монеты». Оксана нашла раздел «Монета и клад» и, забыв обо всём, впиалась глазами в раскрытые страницы.

— У папы тоже есть эта книга, — равнодушно сказала Катя.

— Нет, подожди, послушай! — воскликнула Оксана и прочла: — «В отличие от археологических материалов, добываемых путём планомерных раскопок, превращение клада в находку — результат совпадения целого ряда счастливых случайностей... Поэтому гражданский долг каждого, нашедшего клад или узнавшего о его открытии, — собрать максимальное количество монет, сохранить сосуд (или хотя бы его обломки) для передачи в ближайший государственный музей. Расхищение клада или даже самые «незначительные» изъятия из его состава являются не только нарушением действующего законодательства, но и нанесением невосполнимого ущерба науке». Как тебе это нравится?! Мы столько бьемся, рискуем, может быть, жизнью, чтобы найти золото и сразу же отдать какому-то чужому дяде, который не выходит из кабинета какого-нибудь государственного архива!

— Пока мы не нашли никакого золота, — заметила Катя.

— И то правда, — сказал Борис Григорьевич, который вошёл в комнату и всё слышал.

В руках учитель держал поднос. На нём дымились чашки с чаем, стояло блюдо с вареньем, лежала горка шоколадных конфет.

Но более всего девчонок удивило то, что Борис Григорьевич успел переодеться. Он был в своем сером костюме, знакомом им ещё по школе, даже галстук не забыл повязать. Вот человек! А они думали: он шутит, когда называет их паненками и просит прощения за свой вид.

Борис Григорьевич поставил поднос на столик, опять вышел и вернулся со старенькой кухонной табуреткой — для себя.

— Всё, угощайтесь, — весело предложил учитель, подсаживаясь к столику.

Катя сразу же взялась за варенье.

— Это правда, Борис Григорьевич, что клад нужно сдавать государству? — спросила Оксана и потянулась за шоколадной конфетой.

— По закону — да, — подтвердил учитель.

— Всё понятно, — сказала Оксана. — Значит, если мы...

— Ну и прекрасно, раз вы всё поняли, — не дал ей закончить учитель. — А в целом мне больше по душе реплика Кати: сначала нужно что-то найти... Итак, милые паненки, если я правильно вас понял, вы мечтаете отыскать клад наполеоновского офицера?

— Да. Сейчас я вам всё расскажу, — заторопилась Оксана.

— Нет, обожди. Дело очень серьёзное, поэтому и подходить к нему надо серьёзно. Давай сначала уточним кое-какие пункты. Вы, искатели сокровищ, — это кто?

Оксана начала загибать пальцы:

— Я, Катя, Чес, Змитрок, Михась...

— Пять человек. Так вот, прежде чем рассказывать мне, подумайте. Вы принимаете в долю шестого.

— Ну и что? — удивилась Оксана. — Ведь мы без вас ничего не сможем сделать!

Борис Григорьевич склонил голову в почтительном поклоне.

— Спасибо. Только хорош бы я был учитель, если бы вошёл в стовор со своими же учениками! — засмеялся он, не выдержав до конца этой роли. — Поэтому даю устную клятву: буду помогать вам всем, чем смогу, но от своей

доли отказываюсь категорически. А сейчас — рассказывайте. Я вас внимательно слушаю, и тогда вместе обсудим, как быть.

Оксана, прихлёбывая горячий чай, начала:

— Помните, Борис Григорьевич, когда я зашла к вам на урок и попросила отпустить Катю?

— А как же, — насмешливо подтвердил учитель. — Ты ещё тогда распрощалась с нами навсегда... Всё, молчу, молчу, больше перебивать не буду.

— Так вот, тогда Катя подарила мне талер, с этого всё и началось...

И Оксана подробно рассказала, как они с отцом ехали в автобусе, как она испугалась, что потеряла монету, как, увидев талер, в Червене бросились за ней вдогонку Сева и лысый, а потом ехали на «Ауди» за автобусом до самых Поплавов, как она подралась с Чесем — из-за талера, а у Чеся оказался свой, найденный на огороде возле памятника...

До этих слов Борис Григорьевич внимательно слушал девочку, утвердительно кивая головой, и чуть заметно улыбался. Но в этом месте рассказа он улыбаться перестал.

— Так, так, дальше!

— Дальше папа рассказал нам легенду о раненом французском офицере, а потом мы организовали «штаб», в шалаше, и каждый получил задание. Мне было поручено сходить в архивный музей...

Когда Оксана добралась до своей встречи с заведующим, передала подслушанный его разговор с Севой, Борис Григорьевич снова не удержался:

— Так вот с кем он водит компанию!.. Я всегда догадывался, что добром он не кончит.

— А вы давно с ним знакомы, Борис Григорьевич? — спросила Катя.

— Давно ли? Да со второго курса университета, — учитель побарабанил пальцами по столу. — Мы тогда были вдвое старше вас, но тоже увлеклись этой историей с талерами...

— А почему вы перестали дружить?

— Я понял, что нужен ему только как рабочая сила. Он не доверял мне. Кстати, учился он вообще от-

вратительно. Преподаватели жалели его — всё же ка-
лека. Это, конечно, грех, но мы, студенты, и даже не-
которые преподаватели за глаза называли его Пау-
ком...

— Сева тоже его так называл, только в глаза, — сказала
Оксана.

— Докатился, значит, — покачал головой Борис Григо-
рьевич. — Но рассказывай дальше!

Оксана вздохнула:

— А дальше приехали Сева с лысым, и Катин отец об-
менял наш талер на их талер. И мы запутались и не знаем,
что делать.

ГЛАВА 11

ТРЕТИЙ ТАЛЕР

— Выходит, их монета сейчас у Катиного отца? — быстро спросил Борис Григорьевич.

— Нет, у нас.

— В самом деле?! Может, вы даже захватили её с собой?

— Да, вот она, — Катя подала учителю монету.

Борис Григорьевич подхватился с табуретки, повертел талер в пальцах, подошёл к окну и, наклонив голову, внимательно начал рассматривать монету.

— Талер настоящий, вне сомнений, — взволнованно произнёс он. — Это тот самый единственный талер, который находился в музее.

— Тогда почему Паук распоряжается музейным добром, как своей собственностью? — спросила Оксана.

— Скорее всего, в музее сейчас лежит подделка, — объяснил Борис Григорьевич. — Кому придёт в голову разбираться, настоящая монета под стеклом на стенде или фальшивая? Ну, милые девочки, — весело сказал он, отдав Кате талер и потирая руки, — поздравляю вас! Вы сами хоть догадываетесь, какое важное дело сделали? Все три монеты найдены! Одна у нас, другая у этого мальчика, Чеся, третья — у Паука!

— Вот именно — у Паука, а не у нас, — сказала Оксана, не разделяя радости учителя.

— Это неважно. Главное, все три монеты существуют в принципе, они найдены!

Катя пожала плечами:

— Но почему они... ну, Сева с лысым, отдали папе настоящий талер?

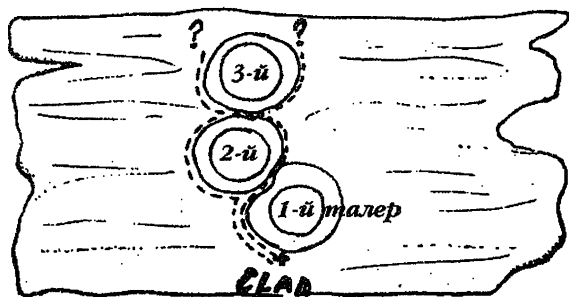
— Я этого тоже не понимаю, — призналась Оксана.

Борис Григорьевич хитро прищурился:

— Всё просто. Он им сейчас не нужен, как очень скоро не нужен он будет и нам. Разве для коллекции... Сейчас я вам все объясню.

Учитель взял с полки книгу, полистал её и вытянул заложенную между страницами... точно такую же копию бересты, как та, которую Оксана с риском для себя раздобыла в кабинете заведующего архивным музеем!

— Смотрите, — Борис Григорьевич отодвинул чашку, положил копию на столик. — Катя, дай, пожалуйста, талер... А ты, Оксана, найди там, у телевизора, карандаш. Спасибо... Так вот, милые паненки, главное здесь — не сами талеры, а их контуры. В частности, эти вот зазубринки, сделанные на талере ножом. Французский офицер был, как известно, инженером — топографом и таким образом, (делая ножом зазубрины по краям монет), в определённом масштабе зашифровал незнакомую местность, как бы вычертил маршрут к «КЛАДу». Талеры ложатся на схему-бересту, и маршрут становится известным. Правда, у нас пока лишь одна монета, — сказал Борис Григорьевич, окончив чертёж, — поэтому две другие я нарисовал произвольно, на схеме они будут размещены в немного другом порядке...

— Как же мы не догадались обвести контуры талера! — жалобно проговорила Катя. — Он был у нас столько времени!

— Да, — подтвердил учитель. — Достаточно было лишь положить монету на чистый лист бумаги и обвести карандашом. Но не расстраивайтесь — вы не могли этого знать. Да и бересты у вас не было, чтобы догадаться.

ГЛАВА 12

НОВЫЕ ЗАГАДКИ

Оксана вдруг захлопала в ладоши.

— Вспомнила! Вспомнила! Борис Григорьевич, скажите, а если на носовом платке пятно от подсолнечного масла? Оно может как-то испариться?

— Не думаю. Но при чём здесь...

— Когда я была у бабушки, капнула на талер немного подсолнечного масла! Хотела посмотреть, что будет, а потом вытерла платком, и на платке осталось грязное пятно-контур монеты! А потом, — девчонка покраснела, но закончила: — потом я спрятала платок под матрас.

— И забыла? Тогда это просто чудесно, — сказал Борис Григорьевич.

— Получается, у нас теперь все три талера, — сказала Катя. — Остаётся лишь перечертить их контуры на карту-бересту...

— Если бабушка не нашла носовой платок и не выстирала, — заметил учитель.

Оксана испуганно закрыла себе ладонью рот, затем сказала:

— Не должна найти, я хорошо спрятала.

Борис Григорьевич и Катя рассмеялись.

— Нет, милые девочки, к сожалению, если даже у нас есть все три монеты, это ещё не всё, — сказал учитель. — Конечно, теперь разгадка намного ближе. Но и загадок пока не меньше...

— Какие ещё загадки? — удивилась Оксана.

— Например, слово «КЛАД», написанное латиницей. Почему офицер не написал это слово на своем языке, по-французски — *tresor*?

Девчонки задумались. Оксана неуверенно предположила:

— Может, его совесть замучила? И он спрятал клад именно для русских, и поэтому написал русское слово «КЛАД», чтобы те догадались?

— Интересно! — удивлённо взглянул на неё Борис Григорьевич. — Однако маловероятно. Дело в том, что давно, когда я был ещё увлечён этой историей, я догадался послать письменный запрос в Парижский национальный архив. И что вы думаете? — вскоре пришёл ответ: да, служил в наполеоновской армии инженер-топограф Анри Бокль, который погиб в России и там похоронен. Почему-то все они с завидным постоянством путают Беларусь и Россию, — заметил учитель, — ну да Бог с ними... Так вот, из характеристики этого человека я убедился, что совесть вряд ли могла мучить его. Анри Бокль был примерно такого же разгульного нрава, как и шляхтич Адам Трушка, и не удивительно, что они сошлись. Скорее всего и редкие коллекционные талеры Бокль просто выиграл у Трушки в карты.

— Тогда что же получается? — спросила Оксана.

— Самое вероятное: Бокль не хотел, чтобы его картой-шифровкой воспользовались русские или французы. Поэтому и написал русское слово латиницей. Но другая, самая трудная загадка, — Борис Григорьевич посмотрел почему-то на Катю, — следующая. Даже если Оксанина бабушка ещё не нашла платка и не выстирала его, даже если у нас будут контуры всех трёх монет, мы далеко не всё поймём.

Учитель поднялся, подошёл к письменному столу, принёс толстую ручку с разноцветными стержнями. Выдвинул зелёный и на своем рисунке провёл пунктиром извилистую линию по очертаниям сторон трёх предполагаемых монет. Затем красным стержнем обвёл их с другой стороны. Над пунктирами поставил вопросительные знаки.

— Видите, пунктиры похожи на русло какой-то небольшой речки? И это самое логичное. Раненый француз в совсем незнакомых, чужих местах пробирался вдоль речушки. Возможно, соколовища были при нём. Был октябрь месяц, а мороз в том году — а значит, и снег — начался лишь в конце ноября. Значит, речушка не была ещё замёрзшей и не была замечена снегом. Чувствуя, что с каждой минутой слабеет, Бокль вынужден был спрятать клад, чтобы потом возвратиться и забрать, — конечно, он надеялся, что

выживет! Как топограф он ориентировался отлично. Он сделал на монетах зарубки, которые в масштабе обозначают изгибы речки...

— Но почему он просто не выпарапал ножом на бересте линию русла? — перебила Оксана.

— Я думаю, Бокль всё же догадывался, что в лучшем случае, если останется жив, вернётся сюда не скоро. А береста — вещь ненадёжная, недолговечная, к тому же запросто может попасть в чужие руки.

— Тогда в чём загадка, Борис Григорьевич? — удивилась Оксана. — Это же проще простого! Возьмём карту города Березино — подробную, большого масштаба, отыщем на ней речушку, похожую на контуры монет, сориентируемся, в каком месте крестик, там и есть клад! Приходи и выкапывай.

Учитель выслушал девочку с улыбкой.

— Нет, Оксана, это совсем не так просто. Я давным-давно пересмотрел все топографические карты этой местности, причём карты разных лет. Похожей речушки нет не только в районе Поплавов, её вообще нет в пойме реки Березины. Если она, возможно, и существовала когда-то, то за сто восемьдесят лет могла пересохнуть, исчезнуть, изменить русло, как это часто случается с такими небольшими речками...

— А может, француз зашифровал в своём плане совсем не речку? — вставила Катя. — А какую-нибудь извилистую лесную дорогу?

— Всё может быть, — согласился учитель.

— Тогда что: эта береста нам совсем не пригодится? — разочарованно вздохнула Оксана. — Получается, она не нужна?

— Ещё как пригодилась бы, — сказал учитель, — если бы имела одну маленькую, но самую необходимую для топографической схемы вещь — привязку.

— А, знаю! — Оксана вспомнила рассказ отца и его объяснение слова «привязка». — Это чтобы на бересте было указано какое-нибудь дерево, или большая река, или камень...

— Да, или на худой конец географические направления: север—юг, восток—запад. А без этих привязок мы можем крутить-вертеть бересту как угодно, и всё без толку. Да и Катя права: а ежели это совсем не речка? А если и речка, то откуда мы знаем, что она вблизи Поплавов? Это мо-

жет быть одна из тысяч речушек от Москвы до Березино, и нет гарантии, что она не пересохла или не изменила русла... В том и заключается хитрость француза: находка его, лишь ему одному был известен какой-то ориентир-привязка, от которого и нужно «танцевать».

— И всё же это несправедливо, — сказала Оксана. — Всё под рукой — три талера, береста — и ничего нельзя отыскать!

— Вот этим вам и придётся заняться, — сказал Борис Григорьевич. — Нужно, как делал некогда и я, обойти окрестные деревушки, порасспросить старых людей: не помнят ли они около Березины маленьких речек, которые сейчас исчезли... Нужно ещё раз пересмотреть все топографические карты, и не только окрестностей Березино, но и всех более-менее значительных поселений на старой смоленской дороге, по которой отступали французы.

— Вот если бы вы с нами поехали, Борис Григорьевич, — предложила Оксана. — У бабушки большой дом, всем места хватит... Вы столько всего знаете, можете подсказать... А так — что мы сами сможем?

— Оксана, — усмехнулся Борис Григорьевич, — хочу тебе признаться: я собирался в Поплавы даже без твоей просьбы. Недавно мне позвонил твой отец, попросил, чтобы я помог вам, чем смогу. Да и сам я давно не был в тех местах, хочу пожить на природе, сходить на рыбалку, за грибами...

— Вот здорово!

— Вы можете ехать завтра вместе с нами на машине, — сказала Катя.

— Нет, девочки, мне ещё нужно дня два побыть в городе. К тому же, если честно, хочу проехать автобусом, я люблю дорогу, новых людей, люблю выйти на остановке, потолкаться у автобуса...

Провожая повеселевших девочек, Борис Григорьевич делал последние наставления:

— Копия бересты у вас есть, берегите этот талер. В Поплавах, Оксана, отыщи свой платок и перечерти контур пятна... И ждите меня. До встречи в Поплавах!

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПОХОД

ГЛАВА 1

НА ВОДЕ

После случая с участковым интерес ребят к поиску сокровищ заметно ослабел. Да и в самом деле: как и где искать те сокровища?.. Оксаны всё нет. А лето проходит. Так, чего доброго, вволю и нагуляться не успеешь...

Первым делом мальчики как следует проконопатили старую и ничейную лодку. Разогрели в жестянке чёрный строительный гудрон и обмазали им днище. В лодку натаскали сена, сверху положили две старые телогрейки, кусок брезента. Удочки без удильниц, донки, еду, приправу для ухи упаковали в большой рюкзак Михася. Чесь на забыл даже мазь от комаров.

— Мать не ругалась? — спросил Михась, туже затягивая верёвки рюкзака.

— Нет, наоборот! — отмахнулся Чесь. — Сказала, давно надо было чем-то людским заняться, а не по посёлку шляться да приключений искать.

Отправляться решено было на следующий день, утром.

Михась немного опаздывал. Когда он, поёживаясь от утренней свежести, спешил к реке, Чесь и Змитрок были уже на месте. Над водой стлался белый туман. С трудом можно было различить лодку и ребят в ней.

Михась оттолкнулся веслом от берега. Корма медленно съехала в воду, лодка закачалась. Поехали!..

— Дай мне первому погрести, — устраиваясь на скамеечке посередине, сказал Чесь. — Хоть согреюсь.

С плеском опустили в воду вёсла, закрепили уключины. Чесь, оглядываясь, повёл лодку у самого берега, вверх по течению. Таков был их план: пока свежие силы, плыть

к верховью реки, туда, где в Березину впадает Уша. Конечно, грести против течения — запаришься, зато назад будет легко. Даже вёсла не понадобятся — сиди себе на корме и рули.

Какое это чудо — встречать летний день в лодке на реке! Узкой полоской начинается розоветь восток. Ритмично всплескивают вёсла, тихо журчит вода, разбиваясь о нос быстрой лодки. В тумане проплывают заросшие аиром и густым кустарником берега. Несмело пробуют голоса ранние птицы. Изредка у берега или на середине реки всплеснёт большая рыба. Даже комариный звон не раздражает, а лишь дополняет эту гармонию раннего летнего утра...

У всех троих настроение было лирическое. Чесь без усталости работал вёслами и улыбался каким-то своим мыслям. Змитрок, сидя на корме, низко наклонился, опустил в воду руку. Михась не спускал глаз с розовой полоски на востоке, откуда вот-вот должны были брызнуть первые золотые лучи дневного светила. Лишь когда совсем рядом звонко плюхалась рыбина, он вздрагивал. Слишком заманчиво было остановиться хотя бы вон у тех высоких камышей и опустить в воду удочки...

Но ребята условились этого не делать: будет ещё время и порыбачить. Вот доберутся до знакомого полуострова, там и устроятся...

— Давай подменю, — спохватившись, предложил Михась.

— Я не устал, — Чесь, однако, сразу же место уступил. — Что задумался? — толкнул он Змитрока.

Тот вытер о брезент мокрую руку.

— Да всё думаю о крестике и слове «КІАД», — признался он. — Мне почему-то кажется, что в этом слове — вся разгадка... Вертится на языке, а вспомнить — никак...

— У меня с собой и талер, и копия бересты, — начал было Чесь, но Михась прикрикнул на них:

— Хлопцы! Мы условились: никаких кладов! Едем просто купаться, отдыхать, ловить рыбу.

ГЛАВА 2

ПОЛУОСТРОВ

К месту добрались на удивление быстро. Помогло, наверное и то, что не было ветра, река была тихой, течение — плавным. Но солнце давно встало, рассеялся туман, исчезли комары, перестала играть рыба.

Михась отвернул рукав отцовской гимнастёрки и посмотрел на часы.

— Всего одиннадцать! — удивился он. — Ну, поставили мы рекорд.

— Ничего удивительного, — сказал Чесь, налегая на вёсла (снова пришла его очередь). — Мы растём, становимся сильнее, вот и начали доплывать быстрее. Так к концу лета и в Борисов будем добираться за пару часов.

Лс тка с разбегу, шаркнув днищем о песок, уткнулась носом в низкий берег. Ребята, разминая затёкшие ноги, взялись за дело.

Березина в этом месте делится на два русла. Одно — «живое», главное, и другое — старица, большая глухая заводь. Между ними — коса-пригорок метров двадцать в ширину и с километр в длину. Конечно, не остров (островов на Березине нет), однако именно это место всегда привлекало мальчиков. Романтика! Хотя бы на время можно почувствовать себя робинзонами или просто бывалыми рыбаками, которые делают всё не спеша, солидно и знают, что где-то в далёком посёлке ждут их голодные семьи. Поэтому расшибись, а без улова домой не возвращайся...

Один берег полуострова — там, где старица, — был высокий, заросший травой. А с противоположной стороны, где высадились «робинзоны», — покатый, с чистым жёлтым песком — настоящий пляж.

Ребята вытащили лодку, разгрузились. Михась достал из рюкзака нож-тесак. Осмотрелся. Неподалёку, как раз на самом высоком месте полуострова, красовался огромный, похожий на шар, куст лозы. Михась направился к нему.

Змитрок и Чесь тоже вытащили из карманов свои перочинные ножики и собрались было помогать другу.

— Осторожно! — остановил их Михась. — В таких кустах водятся гадюки!

Он вырезал длинный прут, обошёл с ним вокруг куста, шевеля сухую листву. Затем смело вломился в его середину. Из-под тесака полетели на траву, словно солдаты неприятельского войска, срубленные ветки. Скоро шалаш был готов. Со всех сторон, как стены, — зелёные ветви; верх Змитрок и Чесь обтянули брезентом. На острые сучья внизу пригребли толстый слой листьев, перенесли из лодки сено, застлали телогрейками.

— Быстро и хорошо, — сказал Михась, отойдя и любясь новым жилищем. — И сухо, и не видно ничего... А на ночь окружим верёвкой, ни одна змея через верёвку не ползет.

Оставалось лишь заготовить дрова — и обедать, потому что всем уже подводило животы.

На полуострове были густые заросли верболоза, и сухостоя там было хоть отбавляй. Вскоре ребята притащили по большой охапке сухих веток.

— Пока хватит, — сказал Михась, разжигая костёр. — А вечером махнём на ту сторону Березины, запасёмся дровами.

Сушняк быстро схватился огнём, весело затрещал. Усевшись неподалёку, мальчишки принялись за обед. На разостланной газете лежали хлеб, сало, варёные яйца, котлеты, кусок колбасы, несколько пучков молодого лука, редиса, баночка с солью... Захватили из дому и картошки, чтобы печь в горячей золе.

Некоторое время все молча с жадностью утоляли голод.

— Жаль, ухи у нас нет, — вздохнул Змитрок, аппетитно заедая хлеб с салом зелёными перьями лука.

— Попробуем ещё и ухи, — успокоил его Чесь. — Сейчас, днём, ведь клёва не будет. Я вот другому удивляюсь: почему на природе всё такое вкусное?

— Нашёл чему удивляться, — хмыкнул Михась, налегая

на котлеты. — Воздух свежий, чудесный, вот и кажется, что совсем другой у еды вкус. А я ещё люблю поесть, когда фильм смотрю или книжку читаю. И не замечу, как всё подмету...

— Нет, всё не так просто, — сказал Змитрок. — Я читал, что на природе в человеке пробуждаются древние инстинкты, обостряется чувство опасности. Он хочешь не хочешь начинает есть быстро — из боязни, как бы кто не отнял. Поэтому и кажется всё вкусным, и внимания не обращаешь на такие мелочи, как, допустим, этот песок, что хрустит на зубах.

Михась с Чесем посмотрели на него с удивлением.

— Философ, — зевнув, сказал Михась. — Всё! Не знаю, как вам, а мне картошки расхотелось. — Он перевернулся на спину, раскинул руки. — Так и лежал бы до самого вечера!

— А я пойду купаться, — заявил Чесь и тоже разлётся, — а потом обследую остров. Грех упускать такую погоду: раз уж вырвались сюда, так проживём в своё удовольствие...

— Я тоже с тобой, — сказал Змитрок.

И никто даже не пошевелился.

Так, в полудрёме, раздевшись, пролежали часа два. Потом, словно по команде, вскочили и бросились к прогретой речной воде. Купались, плавали наперегонки, играли в «щучку». Михась, нырявший лучше всех, поднял со дна какую-то коряжину, подтащил к берегу, начал ощупывать её, шарить пальцами в коричневом скользком мху... Потом выпрямился и торжествуя показал друзьям ржавую блесну с оборванной леской на конце.

— Выбрось ты её, — посоветовал Чесь, выбираясь на берег.

Но Михась молча, упрямо тёр блесну о песок, пока не обломал большой, съеденный ржавчиной крючок. Размахнулся и с досадой бросил блесну далеко в реку.

Этот звук-«шпоканье» вмиг напомнил им, что самое интересное — рыбалка — ещё впереди! Солнце уже опустилось почти к самому лесу. Вечерело, все сильнее становились запахи. Вообще река, особенно тёплыми летними вечерами источает какой-то своеобразный, радостно-неповторимый аромат, с которым не сравнится ни лесной, ни морской, ни горный воздух...

Чесь с Михасём обулись, пошли в глубь полуострова. Вырезали несколько ровных длинных верболозин под удилища. Змитрок тем временем вспарывал щепкой дёрн, выбирая червей. Наконец подготовили удочки, собрались, причём каждый захотел рыбачить сам по себе.

Змитер выбрал место неподалёку от шалаша, на высоком берегу старицы, присел, забросил удочку в неподвижную, заросшую лилиями и трилистником воду. На долю Михася досталось самое неинтересное, но и необходимое, — наловить живцов. Поэтому он тоже далеко не отходил. Один Чесь всё не мог нигде примоститься. Сначала он постоял около Михася, потом посидел рядом со Змитроком. Наконец направился песчаным берегом косы дальше, вниз по течению. Там были перекаты и омуты, Березина в том месте раздавалась вширь и замедляла своё течение.

У Змитрока зелёный, словно шапочка жёлудя, поплавок как стоял торчком среди лилий, так без поклёвки и потонул.

— Есть! — негромко воскликнул Змитер, придерживая леску и показывая Михасю небольшого, с ладошку, окунька.

Михась, однако, не позавидовал удаче друга. Он знал, как обычно клюёт рыба в старицах, с их стоячей водой: только такие вот глупые окушки, намертво заглатывающие наживку, и будут братья, да и то не часто.

Ему не везло. Клевали одни верховодки — рыба, которая совсем не подходит для живца: и крупноватые, и, главное, вытасщенные из воды не живут долго, превращаются в кисель...

Михась смотал удочку и пошёл к Чесю, надеясь там, на перекатах, где чистое песчаное дно, натаскать хоть пескарей.

Первое, что бросилось ему в глаза, когда он вышел из-за поворота, было согнутое в дугу удилище... Мгновение — и оно со свистом распрямилось, выбросив на берег широкую толстую плотвичку. Рыбина забилась на песке. Она раздувала жабры и шевелила красивыми золотисто-красными плавниками.

— Ух ты! — присвистнул Михась. — Какие тут ловятся!

— Тише — плотва пуглива... Уже три такие, — похвастался Чесь.

Сняв с крючка рыбину, он пустил её в небольшую ка-

навку, вырытую щепкой. Нацепил свежего червя, забросил удочку и застыл.

Михась склонился над канавкой. В самом деле, в мутной воде стояли рядышком и лениво шевелились три длинные чёрные спинки.

— Как ты их ловишь? — спросил Михась, сразу забыв о пескарях. — Какое дно?

— Да никакого... В провес.

«В провес» — это значит, поплавок подтягивается к самому кончику удилища, а грузик, наоборот, опускается к крючку. Хорошо ловить так, когда на реке сильное течение, которое намывает отмели, а потом сразу — яма или омут. Тогда вода опускает леску на дно, а поплавок на кончике удилища под углом оттягивает леску — как бы «провисает» её. Натянулась леска, выпрямился угол — всё, подсекай и вытаскивай, рыба на крючке.

А у Змитрока, сидевшего на берегу старицы, начался вдруг такой клёв, что он еле успевал менять наживку. Едва коснувшись воды, поплавок начинал дрожать, вытанцовывать и давал нырца. Всё было бы отлично... если бы хоть раз попало что-нибудь стоящее!.. А то — окуньки и плотва с палец. Снимая с крючка очередную «кильку», Змитрок украдкой оглядывался и в душе был рад, что друзья забрели далеко и его не видят. Самых шустрых плотвичек пускал в консервную банку с водой — «скажу, специально хотел ж. вцов наловить!»

Наконец надоело, плюнул на всё, смотал удочку, отнёс к шалашу банку с живцами, прикрыл травой. Вечерело, появились комары. Солнце опустилось уже к самым верхушкам деревьев заречного леса. «Пойти поискать их, что ли?» — забеспокоился Змитер.

Но тут послышались голоса, шаги и показались Чесь с Михасём. Чесь обеими руками прижимал к животу какой-то мешок. Это была его майка с завязанными рукавами. Он молча вывернул на траву у шалаша почти ведро рыбы — одна плотва, толстая, широкая, по локоть длиной.

— Эх, вы! — Змитер отступил немного, стараясь незаметно отодвинуть ногою подальше в траву банку со своим «уловом». — Не могли позвать!

Но Михась заметил его движение, наклонился, схватил банку.

— Что в ней, живцы? Вот молодец!

Так Змитроку и не пришлось оправдываться. Все были довольны.

— Хлопцы, вечереет, — глянув в сторону леса, за который уже опускался солнечный диск, сказал Михась, — а работы ещё непочатый край. Давайте в лодку, переправляйтесь на тот берег и собирайте дрова. А я поставлю донки.

— А может, наоборот? — предложил Чесь.

— Пожалуйста. Только не забывай, что поставишь донки, а их четыре, и будешь чистить рыбу.

— Ну и что? Я люблю.

Однако и вечером попробовать ухи им не пришлось.

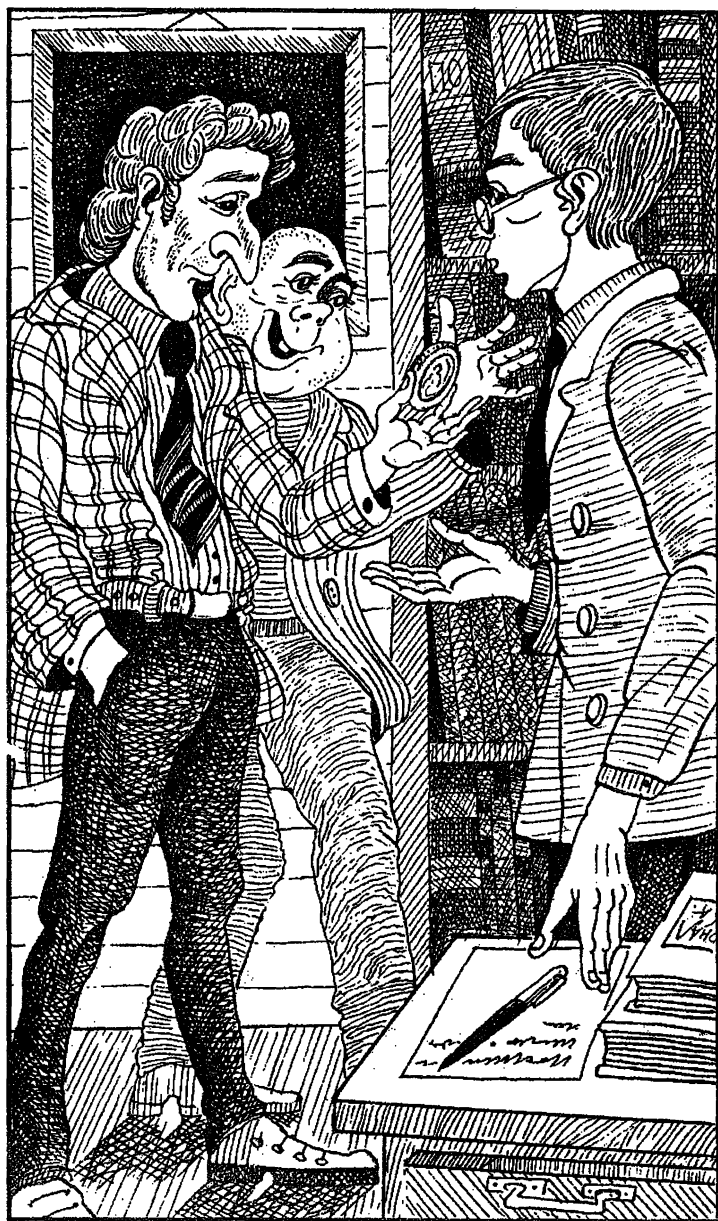
Пока съездили и вернулись из-за реки, пока Чесь бродил по берегу, выбирая лучшее место для донок, пока, уже все втроем, перенесли дрова из лодки к кострищу — совсем стемнело. Успели ещё почистить по одной рыбине, затем Чесь, вытирая о траву слизь и чешую с ладоней, сказал:

— Ай, надоело... Плотва ещё живая, давайте сложим в сетку и опустим в воду у берега, пускай плавает до утра.

«А как же — я люблю чистить?» — хотел напомнить Михась, но поленился. Он и сам чувствовал страшную усталость.

Словом, никто не возразил Чесю. Весь улов в сетке опустили в воду, привязав концы к ветке лозы, а выпотрошенных ребёшек переложили в ведре крапивой, росшей здесь повсюду.

Ужинали молча, быстро, одной печёной картошкой с солью. Затем забрались в шалаш. Последний, Михась, не забыл окружить жилище верёвкой — от змей.

ГЛАВА 3

Ночь

Ночью Чесю захотелось «на двор». Он раздвинул ветки и выбрался наружу.

Студёно, темно... Лишь высоко в небе еле заметно мигают, дрожат редкие июньские звёзды. Костёр давно погас. Рядом река, переливается, звенит, плещется о берег... Чесь подбросил в костёр сушняка, прилёг и потихоньку начал раздувать седой лёгкий пепел, пока не заблестели искорки, а потом запрыгали язычки весёлых огоньков. Сразу же выступили из темноты и приблизились к теплу и свету затейливые очертания кустарников, словно им тоже было холодно и одиноко в эту ночь.

Обхватив руками колени, Чесь смотрел в огонь. Вспомнилась Оксана... Где она, что с ней? Почему не приезжает? А могли бы сейчас сидеть вместе у ночного костра... Как здорово было бы!

И вдруг у него за спиной, в стáрице, что-то сильно и громко плюхнулось, словно бросили в воду тяжёлое полено. Вмиг нарушилась ночная тишина, захлопали крыльями, закричали тревожно, взлетая, дикие утки, ночевавшие в стáрице в прибрежных камышах.

От неожиданности Чесь подскочил. Забарабанило сердце, по спине пробежала дрожь. Что это?! Вот опять — плюх! Рыба? Нет, рыба играет совсем иначе... Бобёр? Или это... гигантская водяная змея?

Перед глазами возник эпизод из телепередачи «В мире животных». Маленькое африканское болотце посреди высохшей саванны, к которому сходятся на водопой звери, слетаются птицы, на воде плавают утки... Потом, точь-в-точь как сейчас, утки закричали, взлетели, но одна забила

крыльями и начала тонуть, а из воды высунулась квадратная пасть анаконды — копия удава из мультфильма «Маугли»... Зашевелились длинные челюсти — гам, гам, и утки словно и не было.

Чесь спохватился. Тоже мне герой! Да откуда у нас, в Беларуси, анаконды! А ещё об Оксане думал! А что если бы она в самом деле была здесь? И увидела, как он испугался? Защитник... А вдруг она бы сама испугалась? И прижалась к нему? И почувствовала, как он трясётся?

Чесь выхватил из костра головешку. Держа её перед собой, смело приблизился к старице. Посветил, начал всматриваться. Тихо, ничего нигде не видно, лишь отблески огня на воде. Только повернулся уходить, опять — плюх!

Что-то возилось там, посреди затоки, — не рыба, не зверь, а непонятное что-то... Чесь быстренько вернулся к костру. Ребят разбудить? Засмеют, если окажется, что это обыкновенный бобёр или просто большая щука. Идти спать? Страшновато... Так и стоит перед глазами тот водяной питон, который заглатывает утку... А что если это чудовище вздумает выбраться на берег? Нет, лучше сидеть тут и поддерживать огонь, дров хватает, а огня любое животное боится...

Так и просидел до рассвета, благо летняя ночь коротка. На востоке посветлело. Небо с той стороны начало розоветь. Проснулись, защебетали, пробуя голоса, птицы. А ЭТО, в заводи, жило — плескалось, плавало, вздыхало... И всё на одном и том же месте, будто привязанное.

«Пусть рассветёт, тогда разбужу ребят», — думал Чесь, напряжённо прислушиваясь.

Из шалаша показалась Михасёва голова, а затем и сам он, заспанный, зевая, выбрался и подошёл к костру. Потёр ладони.

— Вот молодец, догадался огонь разжечь, — сказал он охрипшим после сна баском и прокашлялся.

— Если бы не этот огонь, нас, может, уже и на свете не было бы, — Чесь в двух словах рассказал о своих ночных страхах.

— Это тебе показалось! — Михась притопывал у огня, поворачиваясь к нему то одной, то другой стороной. — Прохладно, я тебе скажу! А ночью всегда звуки кажутся громче, резче. Я как-то...

— Кажется? — перебил его Чесь. — Тогда помолчи минуту, сам услышишь. Ну? — прошептал он, когда в заводи снова ухнуло.

— Правда...

И вдруг со стороны реки донёсся скрип уключин. Кто-то плыл в лодке с верховья. Мальчики переглянулись, потом подбежали к реке, к кусту, у которого была привязана их лодка.

— Рыбаки? — вопросительно посмотрел на друга Чесь.

— А кто же ещё. Не дай Бог, вздумают сюда причалить, — Михась присел на корточки и начал всматриваться в густой туман, который клубами висел над утренней рекой. — Такое удачное место открыли! А они, конечно же, прогонят нас...

— Зачем мы им? — засомневался Чесь. — Река большая.

— Увидят костёр — обязательно подчалят. Да и дым уже, наверное, унюхали.

Михась не ошибся. Лодка была совсем близко. По скрипу уключин мальчики определили, что она сейчас пересекает реку, направляясь точнёхонько к полуострову.

Когда до берега оставалось метра четыре, лодка вынырнула из тумана, потом воткнулась носом в сырой береговой песок. Человек, управлявший лодкой, сидя спиной к мальчикам, поднял вёсла, встал сам, повернулся к ним лицом...

Но ещё прежде чем узнать глазами, мальчишки уловили знакомый, особенно острый утром запах табака. Знакомый кашель... Дед Макар! И здесь отыскал, выследил их!..

Дед, поправляя на плечах телогрейку, чавкая своими неизменными кирзовыми сапогами, вышел на берег и лишь сейчас заметил ребят. Сначала насторожился, потом ступил ближе, всмотрелся.

— А, пионерия! — узнав, промолвил обрадованно. — А я думаю, кто это тут, на моём месте, в такую рань костёр развёл. А ну, хлопцы, помогите лодку повыше подтянуть, — распорядился он.

Мальчики не тронулись с места.

ГЛАВА 4

ДЕД МАКАР

Дед Макар сам подтащил лодку повыше. То ли он в самом деле не обиделся, то ли делал вид, но лицо у него было совсем не сердитое. Наоборот, как показалось ребятам, на нём как будто лежала печать вины за что-то...

— А вы что же, всё золото ищите? — неожиданно спросил дед. — Или просто в поход выбрались? На рыбалочку, на природу?

Ответа снова не дождался.

— Так-так... Пойти погреться разве, — сказал дед самому себе и потопал к костру, оставляя на росе следы тяжёлых сапог.

Мальчишкам ничего не оставалось, как идти за ним. Принесла нелёгкая гостя... Ничего, кроме новых неприятностей, от этого человека они не ждали.

Дед Макар присел у огонька, подбросил сушняка, подул. Пламя сразу ожило. Дед выхватил из огня тонкую веточку, красную на конце, и прикурил окурочек.

— Шалаш даже сделали, — указал он веточкой на куст.

— А что, нельзя было? — не выдержал молчания Чесь. — Мы не в вашем огороде. А эту реку и её берега вы пока не купили.

— У нас каникулы, и мы можем делать всё, что нам нравится, — дерзко сказал и Михась.

— Что вы, что вы! — замахал на них руками старик. — Я ж ничего, я так себе говорю! Гуляйте на здоровье — ловите рыбку, купайтесь, ищите то золото... Лишь бы вреда не делали.

Мальчишки удивлённо переглянулись. Что всё это значило? Вроде как оправдывается... Нет, подозрительно всё это.

Михась сказал:

— Спасибо, что разрешили. Только при чём здесь золото?

— Может, вы сами его ищете? — ехидно вставил Чесь.

Дед Макар засмеялся, выпустив изо рта клуб дыма:

— Э-э, какое золото? Если бы оно было здесь, его бы давно выкопали! Я вот, кажется, знаю в этих местах каждое дерево, каждую тропку, каждый омут на реке, а хоть бы раз в жизни хоть какую-нибудь монетку нашёл. Да и зачем оно мне, золото это, если бы и нашёл? Разве что зубы вставил бы, — и он, оттянув пальцем губу показал ребятам почерневшие, изъеденные табаком и кариесом зубы.

— Тогда почему заладили: золото, золото? — грубо сказал Михась.

Дед снова не обиделся:

— Да вспомнил просто. Вчера внучка к Ганне старой приехала, а теперь вас увидал — вот и вспомнилось, как её отец рассказывал о французах, о золоте... Помните, тогда, у «куродыма»? Ещё на меня, старого человека, считай, деда, наругался тогда. А за что?

— Оксана приехала?! — вскричал Чесь. — Когда?

— Вчера вечером. И не одна, с подружкой. На машине легковой их привезли. А я как раз у Ганны старой был. Рыбы принёс...

— И что? Как она?

— Рыба? — хитро спросил дед Макар.

— Какая рыба — Оксана!

— А-а. Спросила, где вы. А я ответил, что в поход, наверное, отправились. Я видел, говорю, как они утречком в лодке ковырялись.

— Вы всё увидите, — пробурчал Михась. — Что нужно и чего не нужно...

Теперь он посматривал сердито и на Чесья, и на деда Макара. Но Чесь ничего не замечал. От радости все его обиды на деда исчезли без следа.

ГЛАВА 5

«Вор»

Из шалаша вылез Змитрок. Приставил ко лбу ладонь козырьком, взглянул на солнце, которое на глазах поднималось, рассеивая туман. Уже можно было рассмотреть не только ближние кусты, но и деревья в лесу на той стороне реки.

— Давай сюда, у нас гости! — позвал Чесь. — Сейчас уху будем варить.

Михась хмыкнул. Змитер подошёл, близоруко прищурился. Узнав деда Макара, застыл.

— Это... гости?

Михась ответил на полном серьёзе:

— Татары как-то обиделись на поговорку: «непрощенный гость хуже татарина» и послали письмо начальству... Начальство присылает ответ: «Мы согласны, поговорка действительно обидная. Пускай она звучит так — непрощенный гость лучше татарина».

Дед расхохотался так громко, что поперхнулся дымом.

— Ну зачем ты? — сказал Михасю Чесь. — Не слушайте его, дед Макар.

— Да я, ребята, поеду сейчас, я не буду вам мешать... Согрелся — вот и спасибо, — дед опёрся рукой о колено, легко встал.

— Вы нас поэтому и искали, чтобы сказать, что Оксана приехала? — не унимался Михась.

— Я вас совсем не искал. Увидел огонь, вот и подплыл. И ещё...

Дед откашлялся, поднял на ребят глаза. Сказал решительно, серьёзно, словно перед ним были взрослые:

— Раз мы все вместе тут — покаяться хочу, прощения попросить у вас. За «телевизор» тот... Не виноваты вы.

Если бы с этого ясного утреннего неба громыхнул гром и хлынул дождь, и то, наверное, для ребят это явилось бы меньшей неожиданностью.

— Я нашел «вора» — сом это...

— Сом?!

— Здоровущий. Во, — дед Макар развёл в стороны руки, — как колода. Запутался жабрами в сетке, оборвал верёвку и сплыл вместе с «телевизором». Я видел его, он быстро плыть не может — то нырнёт, то снова всплывает. Гоню его от самых кладов. Никак от «телевизора» отцепиться не может, крепко впугался...

Чесь вдруг хлопнул себя по лбу — не то комара убил, не то вспомнил о чём-то.

— Теперь понятно, — сказал он. — Вон он, ваш «вор», — указал он на заводь. — Целую ночь плескался.

— Ты не шутишь?!

— Я ещё подумал — может, бобр или щука на уток охотится...

Про анаконду Чесь умолчал.

Дед Макар трусцой понёсся к берегу, ребята — за ним.

Туман над водой растаял. Зеркальная поверхность заводь отражала ранние солнечные лучи.

— Уплыл, — Чесь виновато посмотрел на деда.

— Тише, я его вижу.

Однако мальчишки, как ни всматривались в водную гладь, ничего не заметили.

— Во-о-он, — ткнул дед кривым длинным пальцем, — у того берега, где куст лозовый... Стойте здесь. Может, ваша помощь понадобится.

Старик осторожно спустил на воду лодку, сел передом и одним веслом умело и быстро вырулил её в заводь. Бесшумно рассекая трилистник, лодка приближалась к тому берегу. Ребята, затаив дыхание, следили за ней.

Вдруг около куста, на который показывал дед, образовался водоворот. Мелькнуло что-то белое, большое и с громким всплеском упало в воду. И опять тишина.

— Ух ты! — воскликнул Чесь. — Сом!..

Дед Макар, осторожно положив весло, сдвинулся на корму, начал искать что-то под «банкой». Когда выпрямился, в руках у него было ружьё. Стоя на коленях, дед припал щекой к прикладу, долго целился... Громыхнул выстрел, из ствола вылетел дым, в лесу отозвалось эхо. С криком, с хлопаньем взлетели над заводью дикие утки. Вода в том месте, где показывался сом, вспенилась от дробы.

— Есть! — крикнул дед, когда дым рассеялся, и помахал ребятам ружьём. — Давайте сюда!

Ребята бросились к лодке.

Сом всплыл жёлтым брюхом кверху. Он был ещё жив, окровавленные у самой головы плавники и широкий хвост шевелились. В искалеченные жабры впиалась японская сеть «телевизора», который и загубил вольную рыбину. В бурой от крови воде около сома «чмокали» глупые верховодки — лакомились.

— Извини, хозяин речной, — с какой-то напускной весёлостью в голосе проговорил старик. Видно, ему тоже, как и ребятам, было не по себе: приехал вот сюда и лишил жизни живое существо. — Всё равно ты не выжил бы, не смог бы прокормиться... А ну, помогите, хлопцы! — распорядился дед Макар.

Сом втащили в лодку. Чесь осторожно притронулся к гладкой коже, погладил рыбину по плоской голове, побитой дробью в частые дырочки, из которых сочилась кровь. Сом равнодушно взирал на людей круглыми голубыми глазами. Змитер наклонился и потрогал его за длинный ус. Сом вдруг зевнул и вяло ударил хвостом о днище лодки. Змитрок испуганно отдернул руку.

Все засмеялись.

— И как он умудрился таскать на себе это? — спросил Михась, имея в виду «телевизор».

Он смело перевернул рыбину на бок и высвободил разрезанные жабры из сетки. «Телевизор» был цел, с грузилом внизу и палкой-поплавком вверх. Михась протянул его деду Макару.

— Так и таскал... — старик со злостью швырнул «телевизор» в нос лодки. — Ни нырнуть ему не давал, ни вверх

подняться. Да и за коряги цеплялся всё время, выбивался из сил...

— И куда вы его? — спросил Чесь.

— Отвезу в посёлок, раздам людям, кто захочет... Не пропадать же мясу, раз так случилось. Хоть и старый он, невкусный — а всё же свежая рыба...

Сома перетащили на корму, дед накрыл его куском брезента. И лишь теперь, когда рыбина исчезла из глаз, ребятам почему-то стало легче.

— Часов семь уже, — дед Макар взглянул на солнце. — Самое время подкрепиться. У меня есть хлеб с молодым лучком, сала нажарим на огне...

.. Сала! — сказал Чесь. — У нас полно рыбы, одна плотва.

— Ну? Вот молодцы. Я всегда хвалил вас — умные хлопцы, настоящие мужики, не то, что мой «куртатый»... Ничего ему не интересно: ни река, ни рыба, ни в футбол погонять... Вернусь — отправлю обратно в город, к матери!

ГЛАВА 6

УХА

На берегу, когда подчалили и привязали лодки, сразу разобрались, кому что делать. Дед Макар охотно взялся за самое нудное, неинтересное — чистить плотву. Он присел у воды, всё нахваливал ребят и их улов, потрошил и тут же обмывал рыбин в реке. Чешуя так и летела из-под острого ножика. Чесь и Змитер пристроились неподалёку — чистили картошку. Михась сунул в карман целюфановый мешок и отправился проверять донки.

— Давай я пойду, — крикнул вслед Чесь, — я же их ставил! Ты ещё не найдёшь!

— Найду, — ответил Михась, не оглядываясь.

Что-то не давало ему покоя. Хотелось хоть немного побыть одному, поэтому он, по праву старшего и главного, и определил себя на проверку донок.

Он не спеша шёл берегом реки, внимательно всматривался, стараясь не пропустить Чесевых отметин, и вместе с тем восстанавливал в памяти события сегодняшнего утра. Приезд деда Макара... Его просьба о прощении... Новость, что приехала Оксана с подружкой... Убийство сома... Словно эти события были связаны между собой, как звенья одной цепи, и все они назывались одним словом, которое вертится на языке и никак не вспоминается... И слово необыкновенно важное! Кто его произнёс? Чесь? Дед Макар? О чем говорил дед? «Золото, французы, покаяться хочу... сома гнал...» Не то, не то!..

Палочка первой донки была воткнута в песок как раз на том месте, где они вчера удили плотву. Рыбацкий азарт взял своё. Тут уже было не до какого-то важного слова. Михась вытащил палочку, подёргал на себя. Пусто? Быть не может,

такое хорошее место... Неужели шука перекусила поводок? Он начал сматывать шнур на досточку — и вдруг леска натянулась, начала рваться из рук. Ага, есть — шурёнок! Молодой ещё, а хитрый, подплыл к самому берегу, поэтому и леска сначала казалась оборванной...

С остальных трёх донок Михась снял с каждой по солидному полосатому окуню. На берегу они топорщили плавники и грозно поднимали колючки на горбатых спинках.

Когда Михась вернулся, над костром уже висело ведро. Вся рыба была почищена, выпотрошена, вымыта и лежала подле на крапиве.

— Ну надо же! — удивился дед и Михасёвому улову. — Вот молодцы!

Все вместе почистили и окуней со шурёнком.

— Сварится картошка, с этими вот приправами, — старик высыпал в варево соль, перец, лавровый лист, укроп и тмин, — впустим туда сначала платок, затем, для компании, окуней, а последним, для самого вкуса, шурёнка... Тройная уха!..

— Тройную совсем иначе варят, — не согласился Чесь, — я видел и ел.

— По-разному можно. Можно и так, как мы... Сколько я перепробовал этих «юшек» — вкус один. А миски есть у вас?

— Нету.

— Ничего, из ведра будем. Так даже лучше, когда из ведра...

Он вырезал четыре ровных прутика, ободрал с них полоски коры и привязал ими к прутикам ложки.

Подоспела уха. Чесь со Змитром отнесли на палке ведро к реке, поставили на мокрый песок, дали остыть и принесли назад.

Все сели вокруг ведра. От него исходил такой душистый аромат, что впору было забыть обо всём на свете... Дедовы «черпаки» получились хоть куда. Правда, длинноватые, и пока поднесёшь ложку ко рту, приходится двумя руками перебирать прутик, но изголодавшиеся ребята хлебали такую вкуснятину, не обращая внимания на разные мелочи.

Сначала ели молча. Слышно было лишь сопение да стук ложек о ведро. Затем начали выбирать из ухи лучшие, са-

мые вкусные куски. Наконец дед Макар, который вообще ел мало, начал отвязывать свою ложку от прутика.

— Вот спасибо так спасибо... — он громко икнул, — хлопцы! Хорошо мне с вами... А тому «куртатому» ничего не нужно, — опять вспомнил дед внука.

Прикурил от уголька. Вырвал пук травы и смахнул кусочек рыбы с сапога. Змитрок почему-то тоже перестал есть, посмотрел сначала на деда, потом — на сапоги, будто раньше никогда их не видел.

— Дед Макар. — сказал он, — так вы уже не считаете нас ворами?

— Бог с вами, хлопцы! Никогда больше — верьте — не подумаю на вас.

Михась проследил взгляд Змитрока, всё понял и тоже включился в игру:

— А вот участковый, наоборот, думает на нас!

— Я ему ничего не говорил, — удивился дед.

— Он думает, это мы в школу лазили.

— А-а, это... Ну, если и лазили — на то вы и хлопцы. Я сам, помню, в ваши годы...

— Мы никуда не лазили, — перебил Михась. Переглянулся с друзьями: сказать или промолчать? — Но тот, кто лезил, сейчас среди нас, — заключил он.

ГЛАВА 7

СЛОВО

Старик поперхнулся дымом.

— Вы что... про меня? — спросил он, преодолевая кашель. — Я... в школу? Стар я уже, ребятки, для школы, забыл, как буквы пишутся, — неудачно пошутил старик.

— Мы видели след вашего сапога, — глядя в сторону, промолвил Чесь. — Под тряпкой на крыльце. Тогда ночью ливень шёл, а крыльцо — под козырьком, вот след с ночи и остался.

— Да зачем мне это надо было?! Мало кто там мог ступить!

— Сапоги такого размера только у вас. Да и знаем мы хорошо ваши следы...

— Нет, хлопцы, обождите. — Дед Макар сделался серьёзным. — За всю жизнь я гвоздя чужого не взял. Давайте разбираться. Да, точно, дождь был — это я хорошо помню... Геологи у меня тогда ночевали, на сене... Стоп, всё понятно! Теперь вспомнил. Они это, геологи! Мне ночью во двор приспичило, начал шарить — а сапог нету. Босой вышел, а когда вернулся, помню, вымыл ноги в тазу, в дождевой воде...

— Так вы что, даже не слышали, как зашли к вам в дом и взяли сапоги? — спросил Михась.

— Я и так сплю как убитый, а тогда натомился за день...

— Да Курт это! — воскликнул Чесь. — Без него никак, потому что на школе замок целый, а окошко узкое, только ему и пролезть. Он и сапоги вынес. Кто-то из геологов, чтобы ножки не промокли, пошёл с ним к школе и...

Старик виновато заморгал глазами:

— Правда... Я даже слышал сквозь сон, как он входил...

Ай-яй, ещё и малого втянули! Каким бы он ни был, а всё не вор...

— Как же, не вор, — не выдержал Михась. — А кто у нас спиннинг и нож из шалаша стащил? Верните, говорит, «телевизор», тогда и я отдам...

— Ай-яй-яй, — всё кивал головой дед. — Вот так рассказали вы мне... Но вы не думайте, хлопцы, — разберусь! Разберусь и с геологами — что они за геологи такие, и с Вовой. Ремня всыплю хорошенько — отдаст!..

— Ждите! Этот отдаст! — вставил Змитрок.

— Ну, если нет — тогда заплачу вам, не думайте! Спиннинг свой отдам, а за нож заплачу.

Михась вспомнил новенький спиннинг деда Макара. Он видел его тогда в сарае, где пролежал полночи, подслушивая «геологов». Дед Макар и не догадывается... Всё же и они не святые.

— Не нужно нам ничего, дед Макар, — сказал он. — Нож сломанный был — лезвие плохо выходило, а в спиннинге катушка заедала... Зачем вы будете платить? Лучше расскажите, как сома выследили, — попросил он, чтобы перевести разговор на что-нибудь другое.

Но дед не слышал, он всё ещё не мог прийти в себя от таких новостей. Сгорбился, постарел. Михасю пришлось повторить.

— А, сома? — неохотно начал рассказывать старик. — Случайно выследил... Плыл вон там, в верховье, и около кладок вдруг слышу — плюх, плюх. Смотрю — а он, сом, зацепился «телевизором» за траву и дёргается. Сетка впилась в жабры, не отпускает. Я ближе — а он как ударит хвостом и исчез под водой вместе с «телевизором». Но я уже вижу, что никуда он от меня не денется, и поплыл следом...

— Подождите! — Михась наморщил лоб. — Ещё раз, дед Макар, — где вы его увидели?

— У кладок старых — ну, у Кладов, так зовут ещё по-нашему. Вы проплывали это место, когда сюда направлялись...

— Всё утро! — воскликнул Михась. — Всё утро не мог вспомнить! Не мог догадаться! Ну, конечно, у кладок! Конечно же, Клады по-нашему!

Он, такой серьёзный всегда, вдруг нагнулся к земле и побежал, будто жук, по кругу. Дед и ребята ничего не по-

нимали, смотрели на него, не зная, смеяться им или тревожиться.

— Ох, и дураки же мы! — поднимаясь, запыхавшийся, с блестящими от радости глазами сказал Михась. — Ну, спасибочки, дед Макар! — схватил старика за руку и начал неистово трясти её.

— Да что с тобой, Миша? — не на шутку испугался тот.

— Со мной? Со мной всё чудесно, просто великолепно! Просто о'кей... Так вы говорите, там кладки были — то есть мостки через Березину?

— Ну да.

— Вы их видели когда-нибудь? Где они теперь? — забросал он деда вопросами.

— Лежат в реке на дне. Вот будете плыть назад, пошуруйте веслом около берега.

— А из чего они сделаны, эти кладки?

— Из дубов. Дубы как железо сделались.

— И давно они лежат?

— Э-э, кто ж тебе скажет? Я сам, когда ваших лет был, слышал, что старые люди так называют то место, а сверху уже никаких кладок не было. Это, видно, давным-давно Березина в том месте уже была, вот её и перекрыли, чтобы перебираться... Поклали через реку дубы — отсюда и пошло «Клады».

— Скажите, дед Макар, а там поблизости нет ручья или речки?

— Чего нет, того нет. Может, когда-то и была речушка, но сколько себя помню, там всегда сухо, даже в ливни. Песчаные пригорки там, сосны, а ещё дальше, за лесом, — поля, рожь сеют, кукурузу, картошку...

ГЛАВА 8

О ПОЛЬЗЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

Дед Макар начал прощаться.

— А вы надолго тут? — спросил он. — Что родителям передать, если увижу?

— Скажите, чтобы не волновались, — ответил Михась, улыбаясь во весь рот. — Сегодня к обеду или вечером мы тоже будем в Поплавах.

Не успела скрыться за поворотом реки лодка с дедом Макаром, как Михась приказал Чесю:

— Ты захватил с собой талер и копию бересты? Тащи их немедленно сюда!

— Михась, да объясни, что с тобой?

— Тащи скорее, сейчас и с тобой то же самое будет.

Чесь бросился к шалашу. Принёс.

— Для начала ответьте, — торжественно начал Михась, — как будет «клад» по-белорусски?

Ребята задумались. Змитрок посмотрел на небо, даже слегка постучал себя по лбу, показывая, что знал, да забыл. Чесь быстрее вспомнил:

— Скарб.

— А тут что написано?

Склонились над копией бересты.

— Ну и что? — всё никак не мог сообразить Чесь. — Тут написано «CLAD» — «КЛАД». Ты хочешь сказать, что французский офицер сто восемьдесят лет тому назад должен был написать по-белорусски «СКАРБ»? — усмехнулся он.

— Напрасно смеёшься — именно это я и хочу сказать. Это слово нужно переводить не с русского и не с французского языков, а с белорусского. «КЛАД» — никакие не сокровища, а всего лишь мостки, кладки, по-нашему. Француз

слышал, как местные жители называли то место, так и выцарапал его на бересте, только латинскими буквами. Понимаете? Отсюда и возникла игра слов, из-за этого и не могут так долго золото отыскать, потому что никому в голову прийти не может: как это так, почти двести лет тому назад европеец, француз мог воспользоваться местным говором и именно белорусским словом зашифровать свой план на бересте!

Змитрок молча пожал Михасю руку.

— Молодчина ты! — сказал просто, но даже по голосу его чувствовалось, как вырос в его глазах авторитет Михася.

Зато Чесь, казалось, и не удивился, и не обрадовался.

— Это ещё нужно доказать, — пробурчал он, всматриваясь в копию бересты. А на самом деле ему было просто завидно. Как же он сам, деревенский, белорус, — и не догадался раньше Михася! Тогда, возможно, и Оксана совсем иначе на него взглянула бы...

Михась словно опьянел от своего открытия и слова Чесь оставил без ответа.

— Хорошо, — продолжал Чесь. — Если верить тебе, и клад — это в самом деле дубовые кладки, тогда ещё больше всё запутывается. Раньше мы думали: там, где крестик, там и золото. А сейчас? Получается, клад — это не сокровища?

— Никакие не сокровища, — уверенно ответил Михась. — Искать их нужно в любом другом месте, только не там, где крестик. Неужели вы ещё не поняли? Крестик — это не конец, а начало. Помните, отец Оксаны говорил, что на топографических картах обязательно должна быть привязка — ориентир? Крестик и слово «КЛАД» — кладки — и есть всего лишь привязка. А все искали не с той стороны, не с начала, а с конца.

— Хитрый француз! — покрутил головой Змитер. — Надёжную привязку выбрал! Если бы, скажем, ориентиром было какое-нибудь дерево — его спилить могли, если камень — могли убрать и увезти куда-нибудь... А эти дубы пролежали в воде на одном месте столько лет и только крепче, наверное, стали.

— Дубы из реки тоже могли вытащить, — возразил Чесь. — Это просто счастливое совпадение, что они сохранились... Но пусть будет по-вашему, я всё равно не понимаю, чему тут радоваться? Ну, знаем мы привязку, дальше что?

— Приложим талеры к копии бересты, пообедем контуры и увидим маршрут, по которому двигался француз, — ответил Михась. — Где окончится контур последнего талера, там и спрятаны сокровища.

— А у нас есть эти талеры? Ты уверен, что Оксана раздобыла третий? Мы даже не знаем, привезла ли она свой!

— Если и не раздобыла, ничего страшного, — сказал Змитрок. — Маршрут можно угадать вообще без талеров. Француз где похоронен? У нас, в Поплавах. От кладок до Поплавов километров восемь-десять, вот на этом участке где-то золото и припрятано.

— Я тоже так думаю, — кивнул Михась.

— Да француз мог отчалить от этих кладок на все четыре стороны! — не сдавался Чесь, который не хотел смириться с тем, что у него перехватывают инициативу разгадки. — Он мог спрятать сокровища в двадцати километрах от Поплавов, в любом месте, хотя бы вот здесь, на нашем полуострове, или вон в лесу на том берегу. А потом зашифровал это место на бересте, повернулся на сто восемьдесят градусов и пошёл в Поплавы, где его и подобрали, умирающего!

— Тоже может быть, — согласился Михась. Он не столько верил в версию Чесь, сколько хотел и ему дать право высказаться. — Тогда кто и что предлагает? Вернёмся в Поплавы и узнаем, что привезла нам Оксана, расскажем ей обо всём? Или доплывем до Кладов и поищем сами?

— Сами, конечно! — сразу откликнулся Чесь.

Змитер промолчал, намекая на то, что ему всё равно, лишь бы быть с друзьями.

Сборы были недолгими. Стащили с шалаша брезент, бросили в лодку телогрейки, засыпали землёй кострище, не забыли и ведро с холодной ухой — чтобы разогреть на обед...

«Прощай, дорогое местечко! И спасибо тебе за всё!» — мысленно обратился Михась к полуострову, когда все сидели в лодке. Чесь оттолкнулся веслом от берега.

ГЛАВА 9

ОБИДА

Оксана с Катей, в одних купальниках, сидели на высоком, заросшем травой пригорке около шалаша (который находился вверху, в ветвях дуба и ольхи), загорали и бросали в воду камушки. Летний ветерок тёплыми волнами приносил с луга запах цветов, чуть слышно шелестел листвою прибрежных ив, покрывал серебряной рябью воду реки. Немилосердно палило солнце, легко пробиваясь сквозь белые кудрявые облака, плывущие по небу.

— Не жалеешь, что приехала? — спросила Оксана.

— Ты что — так здорово здесь, я и не ожидала!..

— Ещё бы — это тебе не Египет.

У самой Оксаны настроение было прекрасное. Она выполнила всё, что обещала, даже больше того. У неё были выписки из статей, доказывавшие, что клад несомненно существует. Была копия бересты, был талер «червеньских знакомцев». Вчера, как только отец Кати привёз их в посёлок, она бросилась на веранду, к дивану. Скомканный платок лежал под тюфяком. Пятно от подсолнечного масла ещё не высохло. Девочки приложили платок к бумаге и старательно, по миллиметру, перекололи пятно по контуру. Затем соединили дырочки — и получились один к одному очертания монеты.

А главное: благодаря Борису Григорьевичу они сейчас знают, что с этими талерами и с берестой делать. Нужно лишь взять у Чесы третью монету и...

Оксана вскочила, прислушалась.

— Кажется, плывёт кто-то. Может, наши ребята?

Точно, из-за поворота показалась лодка.

— Нет, это дед Макар, — разочарованно протянула Оксана и опять легла.

Лодка поравнялась с обрывом, на котором загорали девчонки. Дед Макар увидел их, крикнул весело:

— А-а, ждёте? А я знаю, где ваши хлопцы!

— Знаете? — восторженно воскликнула Оксана. — Где же они? Когда вернутся?

— Ого, они далеко забрались, аж за Клады! Целый лагерь себе устроили на острове, рыбы наудили, уху варят... Вечером, сказали, будут!

— А они знают, что мы приехали?

— Знают, я сказал им.

Лодка удалялась, дед направлял её вниз, к мосткам, где была поселковая «пристань».

— Если хотите, пошли со мной! — крикнул дед напоследок. — Покажу, какого сома везу!

— Идём, Оксана? Я никогда сома не видела.

— Да что на него смотреть... Рыба как рыба.

Оксана не скрывала обиды: она думала, что их ждут здесь не дождутся. Нахвасталась Кате, как их будут встречать.

— Ну что ж — пускай, обойдётся без них. Если им не интересно это, сами найдём сокровища. Сегодня приезжает Борис Григорьевич, и начнем искать. У нас почти всё есть, а у них — ничего, кроме талера Чеся. Сейчас позагорает, искупаемся, малину пойдём искать...

Но всё равно девчонкам почему-то стало скучно.

ГЛАВА 10

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

На «пристани» дед Макар привязал лодку цепью к стволу вербы, примкнул замком, обмыл сапоги, вскинул на плечо тяжёлые вёсла. Дом находился хотя и не далеко, но дорога шла в гору, да и устал — тяжеломерно идти. А дома нужно брать тачку, сделанную из старой детской коляски, и сразу же возвращаться назад, сома забирать.

Дед осмотрелся — нет ли где поблизости внука? Когда нужно, его никогда не найдёшь... И злость на Курта, которая было улеглась после того, как поработал тяжёлыми вёслами, ожила снова. В кого удался такой?.. Да ещё и воровать научился!.. Ну, отведает он сегодня ремня!.. А участковому надо сказать, чтобы не трогал ребят.

Шагая огородами к дому, дед Макар своим острым зрением ещё издали разглядел, что около калитки стоит мотоцикл с коляской. Участкового мотоцикл!.. Вот так, правду говорят: о ком долго думать, того вскорости и встретишь.

Участковый стоял во дворе, перед ним — Курт, которого участковый держал за плечо. В другой руке участкового была какая-то синяя покоробленная папка. Размахивая ею, участковый допытывался:

— Так ты не в курсе? А кто в курсе?

Курт молчал, только шмыгал носом.

— Что здесь такое? — встревоженно спросил дед, трусцой вбегая во двор, приставил к стене вёсла.

Участковый обернулся, отпустил Курта:

— А, рыбак! Наконец-то. Ты бы лучше за вну-

ком присматривал, а не по реке дни и ночи шастал!

— Да что такое? — не на шутку испугался старик.

— А вот что. Эту папку видишь?

— Ну, вижу.

— Она валялась в канаве, вон там, как раз возле вашего дома!

— Ну и что? — не понимал дед. — Мало тут чего валяется...

— Эта папка недавно исчезла из школьного шкафа-музея. Видишь надпись — «Наши известные земляки»? Как она очутилась возле вашего дома?

— Не знаю.

— А я знаю. Твой внук лазил в школу. Ночью. И был он не один, а с кем-то из взрослых.

Дед Макар вытер вспотевший лоб. Он боялся поднять на участкового глаза.

— Может, не он? За руку не схватили...

— Я не лазил... — ободрённый поддержкой деда, захныкал Курт.

— Тогда откуда эта папка возле вашего дома?

— Подбросили, — буркнул Курт.

— Не вешай мне лапшу на уши! — повысил голос участковый. — Лучше иди, погуляй пока. Мне с твоим дедом поговорить нужно.

— Иди, Вова, из-под застрехи тачку вытащи... Посмотри, не отвалились ли там колёса.

Курт завернул за угол хаты, остановился и начал прислушиваться. Но участковый с дедом отошли к стоявшему на улице мотоциклу.

— Неужели такая важная папка? — дед Макар ткнул пальцем в грязный, облезлый картон.

— Какая там важная, макулатура... Но позарился же кто-то, — участковый присел боком на сиденье мотоцикла. — Меня, дед, не столько папка интересует, сколько твои гости из Минска. Квартиранты твои. Давно я уже к ним присматриваюсь. Что они здесь ищут? Чего они лезят повсюду?

— Холера их знает... Может, золото ищут? — пошутил дед. — Вот приедут, сам спросишь.

Однако участковый шутки не оценил.

— Золото, говоришь? — он перекинул из-за спи-

ны себе на колено тонкую сумку, раскрыл её, достал бумагу и ручку. — А как их фамилии, квартирантов твоих?

— А ты что же, протокол собираешься составлять? — в свою очередь спросил дед Макар.

— Какой протокол, просто запишу, для себя.

— Тогда у нас не будет никакого разговора.

— Как так?

— Так Я сам разберусь — и с внуком, и с квартирантами, без протоколов... Одно скажу — за руку не пойман, не вор.

— Ну, смотри, дед! — участковый сложил сумку. Взялся за ручку «газа». — Если что — обижайся на себя. Предупреждаю! Не нравится мне эта ваша гоп-компания.

ГЛАВА 11

ВСТРЕЧА

Ребята приплыли в посёлок поздно вечером.

Перед этим они легко отыскивали дубы-топляки — «кладки», высадились на берег, припрятали в кустах лодку и разошлись в разные стороны, надеясь отыскать старое русло или хотя бы следы старой дороги. Поиски оказались тщетными. Место это, как и предупреждал дед Макар, было сухое, высокое. Дороги, правда, были, но не старые, а новые: просека в лесу, тропки, которыми гоняли на водопой скот... Змитер искал около реки, Чесь забрался далеко в лес, Михась пошёл по прямой — перпендикулярно реке, и вскоре очутился на широком поле — тоже взгорье, рожь колыхается волнами под набегающим ветром, островками разбросаны дубы...

Но неудача не испортила настроения. На следующий день с утра троица друзей уже стояла у дома Оксаниной бабушки.

— Сходи позови, — предложил Михасю нетерпеливый Чесь.

— Неудобно, там Катя эта чужая...

Михась заложил в рот пальцы и пронзительно свистнул.

— А что б вас — напугали! — слышался бабушкин голос из огорода. — Спят они ещё!

Но на веранде услышали. На крыльцо вышла босая, заспанная Оксана:

— Чего рассвистелись, как соловьи? Мы вас два дня ждём, а вы десяти минут не можете? Идите к реке, к шалашу, мы сейчас умоемся, позавтракаем и придём, — и с недовольным видом ушла.

— Что это с ней? — удивился Михась.

— Она ведь не знает, что мы не просто гуляли, — сказал обрадованный Чесь. — Я бы тоже на её месте... Пошли, словом! Всю дорогу он болтал без умолку. Первым бросился к кривой ольхе, нырнул в листву.

— Ничего себе! — раздался из шалаша его голос. — Вот так сюрприз! Залазьте скорее сюда!

Михась, а за ним и Змитрок забрались в шалаш. Чесь держал в руках... охотничий нож и спиннинг.

— Курт принёс! Представляю, как с ним дед «договаривался».

Возбуждённые, весёлые, перебивая друг друга, ребята начали фантазировать, представляя в словах и лицах «разговор» деда с внуком, и как дед выполнял своё обещание «угостить его ремнём»... Курта никто не жалел. Чесь то и дело раздвигал ветки шалаша и поглядывал на поселковую дорогу, ведущую к реке.

— Идут! — сообщил он наконец и пригладил рукой непокорные вихри.

Мальчишки спустились вниз.

— Расскажем о Кладах? — спросил Змитрок.

— Нет, сначала их послушаем — что они сделали, — ответил Михась.

Оксана начала издалека:

— Мы думали, они ждут нас, дежурят на остановке, а они в походы плавают!.. Знакомьтесь, это Катя, — сказала она и слегка подтолкнула подружку вперёд.

Ребята представились: просто каждый назвал своё имя. Хорошенькая скромная Катя в короткой жёлтой юбочке, которая так шла ей, сразу понравилась им; никому и в голову не пришло то, о чём думали перед встречей и говорили вслух, мол, «какая-то Катя... лишний конкурент!»

Оксана вдруг расхохоталась.

— Ну и картину мы только что наблюдали! Дед Макар тащит сумку огромную и ведёт за руку Курта — идут на остановку... Курт трёт кулаком глаза... Ну, а мы с Катей следом — интересно, как они будут прощаться?

— И как? — смеясь, спросил Чесь. — Получил от деда гостинец на прощание? Затрещину, я имею в виду?

— Нет, наоборот, дед Макар обнял, поцеловал, усадил в автобус...

— Да-а, хлебнули мы с этим Куртом... — вздохнул Михась. — Не успела ты тогда уехать...

И Михась, сначала не совсем охотно, а потом, увлечшись, рассказал всё по порядку: как Курт выследил шалаш, как прочёл дневник, стащил нож и спиннинг, как он, Михась, забрался в сарай и подслушал геологов, а затем ездил в город, ходил в музей и там опять столкнулся с Севой и лысым, как в ту же ночь из школьного шкафа выкрали папку «Известные земляки» и участковый проводил следственный эксперимент...

Чесь вешивался, перебивал, старался дополнить. В конце концов Михась обиделся и умолк, и Чесь рассказывал один. Особенно рассмешил девчонок эпизод, когда Чесь и Змитрок ходили к старой учительнице и Змитрок спросил: «А кто такая эта Ирина Леонидовна, о которой вы всё время говорите?»

Рассказал Чесь и о походе, о соме, о том, как подстрелил рыбину дед Макар... О «Кладах», конечно же, не обмолвился ни словом. Потому что не он же, Чесь, первым догадался, а Михась.

— Ну-у, ребята, — у вас, оказывается, полным-полно событий!

— А у тебя что, Оксана? — спросил Михась. — Теперь ты рассказывай.

— Сейчас, — ответила девчонка и оглянулась на дорогу. — Подождём Бориса Григорьевича, он вот-вот должен подойти, тогда расскажу.

— Что?! — в один голос воскликнули все трое.

ГЛАВА 12

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ

— Подождём Бориса Григорьевича, — спокойно повторила Оксана. — Нашего учителя истории.

— А-а, — догадался Чесь, — мне мама рассказывала. Какой-то дядька приехал вечерним автобусом и остановился в крайней избе, недалеко от дома Ирины Леонидовны.

— Какой дядька, какой учитель?! — Михась схватился за голову. — Оксана, сколько можно? Каждый из нас хоть что-нибудь сделал! Катя, например, подарила тебе талер, ты это дело раскрутила, Чесь нашёл вторую монету, я догадался... ну, об этом позже. А этот твой Борис Григорьевич, что он сделал?

— А я? — тихо спросил Змитрок.

— При чём здесь ты?

— Я тоже ничего не сделал.

— Правда, Михась, — вмешался Чесь. — Так мы далеко зайдём.

— Да при чём здесь Змитер? Я имел в виду взрослых! Их не будет!

— Постойте! Мы с Катей слушали вас, дайте и мне сказать. Или вас интересует лишь то, как делить клад, который мы ещё не нашли? Ведь вы даже не знаете, как помог нам Борис Григорьевич! Без него мы ничего не найдём...

— Найдём!

— Михась, помолчи, дай ей договорить, — одёрнул его Чесь. Оксана, хотя и дулась немного, начала рассказывать.

Вскоре ребята знали всё: и о её визите в архивный музей, и о Пауке с его статьями, и о Севе, и о том, как угрожали отцу Кати и он вынужден был обмениваться талерами, а потом Борис Григорьевич объяснил, что дело тут не в талерах, а в очертаниях их контуров...

— Тогда я вспомнила, что в Поплавах капнула на талер подсолнечного масла, а потом вытерла носовым платком и осталось пятно. Мы с Катей переколюли пятно иголкой на бумажку, и вот, смотрите! — Оксана достала из кармана талер, потом выщербленный кружок из картона и сложенную вчетверо копию бересты. — Теперь у нас всё есть. Чесь, давай свою монету.

Чесь дал. К большому удивлению Оксаны, мальчишки не проявили к её рассказу и к этим ценным вещам особого интереса. А Михась, как ей показалось, даже усмехнулся. Он слушал её с таким видом, словно ему всё это был давно известно.

— И дальше, Оксана? — спросил он, уже открыто улыбаясь. — Каким образом и к чему ты собираешься прикладывать талеры?

— В том-то и дело, — вздохнула девчонка. — Нет привязки! Теперь нам нужна подробная карта этой местности...

— Да есть привязка! — сказал Чесь. — Михась, может, хватит разыгрывать — давай расскажем.

Всё это время Михась и Змитрок, которые, само собой, догадывались о чувствах Чеся, делали вид, что ничего не замечают. Но сейчас Михась не выдержал:

— Тебе нужно держаться подальше от Оксаны. Когда вы рядом, ты сам не свой.

Чесь густо покраснел и, не находя слов, только открыл рот. Но тут выручила его Оксана.

— Борис Григорьевич идёт! — показала она на дорогу.

Ребята с интересом стали рассматривать приближавшегося к ним человека. Пожилой мужчина, в пиджаке, кепке, в стареньком трико, на ногах резиновые сапоги, в руке удочка... Даже на дачника не похож, обыкновенный деревенский мужчина.

— Это ваш учитель? — спросил тихонько Михась, потому что Борис Григорьевич был уже близко и мог услышать.

— А как ты хотел, чтобы он оделся? — ответила Оксана. — Человек идёт удить рыбу.

Учитель положил под вербу удочку, подошёл.

— Добрый день, давайте знакомиться, — и снял кепку. — Только не называйте себя, я попробую угадать сам.

ГЛАВА 13

ПРИМИРЕНИЕ МИХАСЯ

Оказывается, он знал их по именам. Змитрока он узнал сразу, а Чеся с Михасём перепутал. Всё равно Михасю понравилось, что Борис Григорьевич, прежде чем знакомиться, снял кепку. Да и вообще — человек городской, минский учитель, а первым подаёт им руку...

Вскоре Борис Григорьевич своей простотой и умными рассуждениями совсем обезоружил ребят.

— Я знаю, вы ищете клад, — сказал учитель, садясь на траву. Все тоже присели полукругом. — И я не сомневаюсь, что вы его найдёте. Сделали вы уже много, и мне понятна ваша радость, ваша гордость, ваше желание быть первыми и единственными. Что касается меня... Вам, надеюсь, девочки обо мне кое-что рассказали?

— Да, — кивнула Оксана.

— Поэтому вам, наверное, интересно знать, буду ли я вмешиваться в ваши дела, а тем более претендовать на часть того, что несомненно принадлежит только вам? Так вот, друзья мои, — учитель прижал ладонь к сердцу, — даю слово: я приехал в Поплавы только в отпуск! Если вам понадобится помощь — найти меня можно легко и в любое время. Если же вы чувствуете, что справитесь сами, — обещаю ни в коем случае не вмешиваться в ваши дела. Поэтому давайте сразу выясним: я вам нужен?

Ребята переглянулись, промолчали.

— Конечно, нужны! — сказала Оксана. — Вот посмотрите

рите, Борис Григорьевич, что у нас есть... Всё есть: три талера и копия бересты!

Учитель осторожно взял картонный кружок, засмеялся:

— Значит, не успела бабушка выстирать платок? Ну что ж, поздравляю вас! Я, признаться, даже не думал... Просто отлично, друзья мои! И ничего страшного, что мы не знаем пока самого главного — привязки...

— Да знаем! — не выдержал, наконец, Михась. — Крестик и слово «CLAD» — это и есть привязка, — сказал он, нарочито медленно растягивая слова. — «КЛАД» — обыкновенные дубовые кладки, мосток через Березину. Старые люди и сейчас называют то место Кладами.

Борис Григорьевич вдруг подхватился. Стащил с головы кепку и снова надел. Взял листок бумаги с копией бересты, развернул дрожащими пальцами, начал всматриваться. Потом поднял глаза на Михася. И всё это молча.

— Так вот почему вы говорили, что всё знаете! — Оксана захлопала в ладоши. — Ах, какие молодцы!

— И вы знаете, где эти кладки? — слегка охрипшим от волнения голосом спросил учитель.

— Знаем! Километров восемь-десять отсюда, вверх по реке, — сказал Михась. У него был вид победителя.

— Это под Ушой... Да, там стояли французы, всё верно... Но рассказывайте дальше! — спохватился Борис Григорьевич. — Сохранились ли сами кладки?

— А что им станется, лежат себе на дне, — нарочито буднично сказал Чесь. — Если около берега пошарить веслом в воде, так звук, словно о железо... Они дубовые.

— А вы обследовали ту местность? Может, там поблизости...

— Старое русло? — подхватил Михась с иронией. — Не было. Мы облазили всё кругом — сухо там, песчаные пригорки.

— И тем не менее, тем не менее, — повторял Борис Григорьевич. — Как можно было сразу не догадаться?! Столько лет бились... Вот что значит не прислушаться к родному языку...

Он подался вперёд и порывисто обнял Михася.

— Дорогие мои, если бы вы только знали, какое открытие сделали! Да, да — я не шучу!

Отпустил мальчишку, отвернулся, постоял молча. Затем вытащил носовой платок, быстро вытер уголки глаз и начал говорить тихо, виновато, словно прося прощения за свою слабость:

— Вот наука — и мне, и всем... Какая это, оказывается, сила — родной язык, как он может отблагодарить за верность, любовь, за веру в него. Какой случай! Это же вполне может быть, что родной язык золотом заплатит за любовь к себе, в прямом смысле!

ГЛАВА 14

ВЕРСИЯ УЧИТЕЛЯ

— Вы сказали — «может быть»? — заметила Оксана.

— Да, друзья мои. Чтобы не было потом разочарования, давайте заранее готовить себя и к такому варианту: сокровища может не оказаться. Но это всего лишь как вариант! — воскликнул учитель, заметив, как заволновались ребята. — Однако давайте разберём и его, тем более, что сама логика подсказывает... Перенесёмся в тот далёкий год, в ноябрь месяц. Окружённые в районе Борисова, Крупок и Толочи́на французы неожиданно наносят русским контрудар и прорываются, хотя из тридцати тысяч их остаётся не более десяти. «Наш» офицер был ранен и скорее всего нарочно отстал от своих, чтобы сдаться в плен, но заблудился. А тут снег, слякоть, истощение от голода и ран... Понимаете мою мысль?

— Понимаем, — сказал Чесь. — Такой человек по глубокому снегу не смог бы нести тяжелое золото.

— Абсолютно верно.

— А если он был не один, а с небольшим отрядом? — возразила Оксана.

— Не думаю. Делиться с кем бы то ни было не входило в его планы.

— Тогда я не понимаю, — пожал плечами Михась. — А как он нёс золото до этого? И что: его товарищи ничего не видели, не знали?

— Не видели и не знали, потому что драгоценностей при нём, когда его ранили, просто уже не было, — ответил учитель. — Они были спрятаны раньше, в другом месте, а при офицере скорее всего была лишь по-

дробная карта с отметкой этого места. Так поступали многие французы при отступлении — прятали в самых разных местах награбленное и отмечали их на картах, надеясь вскоре вернуться сюда опять. Даже в Борисове, со всех сторон окружённый, Наполеон и мысли не допускал, что война им проиграна, и солдаты, конечно же, верили своему гениальному императору... Так вот, заблудившись, ранёный офицер почувствовал, что теряет силы, замерзает. Он испугался и, пока был в полном сознании, решил спрятать карту с отметкой места спрятанного клада. Он вспомнил, как местные жители называют узкий мосток через реку... а остальное вы знаете.

— В таком случае мы найдём карту, а по ней — клад! — обрадовалась Оксана. — Так даже интереснее!

— Если та карта не превратилась в пыль, — вставил Змитрок.

— Вряд ли. Наш француз был человеком умным, хитрым и жадным, поэтому, я уверен, карту он берёт и прятал с таким расчётом, чтобы она сохранилась надолго, — сказал Борис Григорьевич. — Делается это просто: бумага, на которой вычерчена карта, покрывается горячим воском и помещается в какой-нибудь сосуд — вазу, кувшин, отверстия которых тоже заливают воском или смолой. При такой консервации бумаге ничего не угрожает. Я думаю, француз носил с собой карту именно в таком виде — подготовленной к хранению.

— Но вы же говорили, что это только версия, — напомнил Михась. — Может, француз спрятал в наших местах не карту, а сами сокровища?

— Конечно, конечно, — согласился учитель. — И такое может быть. Однако давайте посмотрим, что у нас получается.

Он, к удивлению всех, достал из нагрудного кармана пиджака ручку, присел на корточки. Приложил талеры и картонный кружок к бумаге с копией бересты, передвигая их, как домино, до тех пор, пока выщербины на монетах точно не совпали одна с другой.

— Есть! — воскликнул учитель.

Он обвёл ручкой наружные контуры талеров. Получилась извилистая линия, которая начиналась от крестика

и тянулась вверх и вправо. Там, где она кончалась, Борис Григорьевич поставил жирную точку и подчеркнул её.

— Где-то вот тут и нужно искать. К сожалению, масштаб слишком маленький, но кое-что предположить можно даже теперь. Думаю, длина этой линии от крестика до точки не более полутора-двух километров. Ну как, хлопцы, вы местные: куда приблизительно она может вывести?

— На поле, к дубам, — сказал Змитрок.

— Нет, на поле я был, — не согласился Михась. — Она забирает вправо, — значит, искать нужно в лесу.

— Только не в лесу! — решительно заявил Чесь. — Если масштаб маленький, то она, эта линия, может тянуться и вдоль Березины.

Учитель засмеялся:

— Понятно — каждый называет не то место, которое сам обследовал!

— Да что гадать, — сказала Оксана. — Теперь, когда мы всё-всё знаем, остаётся только обшарить те окрестности в радиусе двух километров. И все дела!

ГЛАВА 15

ХИТРОСТЬ ОКСАНЫ

Мальчишки и Катя поддержали Оксану. А Борис Григорьевич почему-то поднял голову и посмотрел на небо. Оно было чистое, белёсое, без единой тучки. Но даже теперь, с утра, в воздухе чувствовалась духота. Пáрило. С надречного луга доносились запахи трав и цветов, которые сегодня были сильнее обычного. Звонко трещали, прямо-таки заливались кузнечики, а птицы, наоборот, щебетали потише, даже как-то неохотно.

— Будет ливень, — сказал учитель и вытер платком лоб. — К вечеру или даже в обед.

— По радио передавали, — подтвердил Михась, ещё не догадываясь, куда клонит Борис Григорьевич.

— В Минске я живу в новом микрорайоне, — продолжал, словно без всякой связи с погодой, учитель. — Вот Катя с Оксаной были у меня, знают. Когда-то на том месте был лесок, текла речушка... Лесок вырубили, речушку уничтожили, в землю вкопали трубы, залили всё асфальтом, бетоном — а как же, хозяева природы! Природа не храм, а мастерская! Но вот что интересно: достаточно ливня или даже просто хорошего дождя, как около нашего подъезда из-под плит тротуара начинает проступать, сочиться вода. Причём проступает она не везде, а в определённых местах, причём извилисто. Видимо, где-то глубоко в земле всё же уцелел родничок и теперь пульсирует, стремясь повторить путь своего ручейка. А, может, и нет родничка, просто дождевая вода сама ищет прежнее русло... Понятно теперь?

— Что тут понимать? — отозвался сообразительный

Чесь — Пойдёт ливень, и вода укажет нам русло речушки, вдоль которой шёл француз, — вот и всё.

— Да, это была бы просто удача! — улыбнулся учитель. — Но ведь вы утверждаете, что там высоко, и я не уверен, задерживается ли там вода даже в самый сильный дождь.

— Один берег там низкий, болотистый, — сказал Михась, — а другой, в сторону поля, — песчаный, крутой.

— Тогда отлично. Во время дождя ручейки будут стекать с крутого берега в реку, вот и смотрите.

— Борис Григорьевич! — Оксана взглянула на учителя с подозрением. — Вы так говорите, словно сами не собираетесь оставаться с нами.

— Я дал слово, что мешать вам не буду. Вы всё разгадали сами, моя помощь почти не понадобилась... Вам ведь интересно будет самим довести до конца эту историю.

Ребята молча переглянулись. Они были согласны с учителем, такой вариант целиком их устраивал. И умный же, в самом деле, этот Борис Григорьевич — просто читает их мысли!

— Но тогда и мы с Катей не сможем пойти, — вздохнула Оксана. — Бабушка не пустит.

Девчонка рассчитала верно. Чесь сразу встрепенулся:

— Как так? Почему не пустит? Разве это далеко?

— Почему, почему, — передразнила Оксана. — Сам догадайся... Она и так ругает меня за то, что я в одной компании с вами. Но это ведь здесь, в посёлке, у всех на глазах. А в лес да с мальчиками... Можно, конечно, пойти без разрешения, но тогда всем будет хуже.

— Нет, без разрешения не надо, — поспешил вмешаться Борис Григорьевич. — В самом деле, как это я не подумал...

— Вот если бы вы, учитель, пошли с нами, — гнула своё Оксана, — тогда другое дело.

— Ну, что ж — раз такие дела... Как, хлопцы, берёте меня?

— Конечно, Борис Григорьевич! — ответил за всех мигом оживший Чесь.

— Тогда лады. Сегодня же поговорю с бабушкой. Но отпустит ли она, даже если со мной?

— Отпустит! Спасибо, Борис Григорьевич.

— А сейчас покажите мне, хлопцы, где самая крупная рыба ловится.

— Перед дождём она всюду ловится, — сказал Михась. — Где удобно, там и забрасывайте. Но когда же мы двинемся в путь, Борис Григорьевич?

— Я предлагаю завтра с утра. Даже если дождь будет недолгим, за ночь земля не успеет высохнуть, какие-нибудь следы да останутся. Тогда и попробуем отыскать на ваших пригорках низкое место.

ГЛАВА 16

СЕКРЕТ ЧЕСЯ

Михась и Змитрок повели учителя к заводу, где, если повезёт, можно поймать леща. Чесь задержался.

— Оксана, можно тебя на минутку?

— Догоняй их, Катя, я сейчас.

Оксана просто сторала от любопытства. Столько новостей сразу! Столько ребята сами разгадали! И, оказывается, это не всё. Она даже не очень удивилась бы, если бы услышала сейчас от Чесь, что он уже нашёл клад.

— Я знаю, где низкое место около кладок, — глянув по сторонам, тихо проговорил Чесь. — Когда мы вчера высадились там на разведку, я заблудился в лесу и наткнулся на колодец. Старый, заброшенный, заросший травой — просто небольшая яма в земле. Я выломал палку, ткнул в дно — и проступила вода. Представляешь, в такую сушь там не пересохло!

— И ты ничего не сказал никому?!

— А вдруг я ошибаюсь? Хорошо, если это и есть тот самый родничок, из которого когда-то вытекал ручей. А может, просто самогон гнали, вот и выкопали. Таких колодцев полно в лесу.

— Нужно обязательно проверить завтра! Может, в дождь этот колодец разливается?

— Оксанка, только давай не станем рассказывать пока никому. Завтра незаметно отстанем от них, и я заведу тебя туда. А потом позовём остальных.

— Я согласна. Только, Чесь, — блеснула своими синими глазками Оксана, — почему ты рассказал это только мне?

— А ты не догадываешься?

— Нет.

— Потому, что мне нравится твоя подруга Катя, — остроумно пошутил Чесь и сразу покраснел.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КЛАД

ГЛАВА 1

ОШИБКА УЧИТЕЛЯ

Учитель Борис Григорьевич и радио ошиблись: дождя в тот день не было. Но во время обеда лёгкие тучки начали затягивать небо. Стало тихо-тихо. Вечером, когда стемнело, из-под Березино донеслись глухие раскаты грома. Время от времени небо в той стороне освещалось яркими всполохами. А здесь, над Поплавами, ни грома, ни молний и ни капельки дождя.

Оксана и Катя приникли к окнам веранды.

— А может так случиться, что тучи пронесёт и дождя совсем не будет? — спросила Катя, вздрагивая при вспышках далёких молний.

— Будет ночью!

Бабушка, боявшаяся такой погоды, приоткрыла дверь на веранду, позвала девочек в дом. Но они не захотели.

— Как же вы завтра пойдёте? А если ливень с утра?

— Бабушка, как ты не понимаешь: нам и нужно, чтобы дождь шёл! Сейчас же лето, разве мы растаем?

Ещё днём Борис Григорьевич, как и обещал, упросил бабушку отпустить их. Бабушка удивилась и обрадовалась тому, что учитель, оказывается, хорошо знаком с её сыном — отцом Оксаны. О самой Оксане Борис Григорьевич отозвался так: «По моему предмету, истории, она самая лучшая ученица!» Бабушка буквально расцвела, сразу поверила ему и полюбила его за эти слова.

— Вы только скажите, далеко ли собрались?

— Близко, на Клады — слышали?

— Я ведь нездешняя, это Макар старый будет знать...

— Там близко поле, дубы среди поля...

Если бы Борис Григорьевич знал, чем всё окончится, он, конечно, не объяснял бы бабушке так подробно. Он или смолчал бы, или даже соврал бы — мол, идут совсем в другое место...

— А-а, поле знаю! — вспомнила бабушка. — В прошлом году солому выписывали, так я ходила туда грести. А что вы там забыли?

— Места интересные, исторические. Пускай посмотрят городские дети.

— А здесь, близко, разве не то самое? — наивно спросила бабушка.

— Немножко не то, — засмеялся учитель.

Ночью наконец-то начал накрапывать дождь. Без молний и грома, тихий, ровный, он не усиливался и не утихал, «обложной», как его называют. Такие дожди могут идти сутками и зачастую приносят вреда больше, чем какой-нибудь сильный, но короткий ливень.

Часов в восемь утра все собрались у шалаша. Учитель, в длинном плаще с капюшоном, в высоких резиновых сапогах, удивлённо осмотрел «амуницию» своих учениц и ребят: кто в лёгкой болоньевой куртке без капюшона, кто в джинсовой, кто в кедах, кто в кроссовках... Будто не в поход собрались, а на приятную прогулку.

— Промокнем, друзья мои, — сказал учитель с укоризной. — Восемь километров туда, восемь назад...

— Какие километры — меньше чем за полчаса по реке доберёмся, — возразил Михась. — У нас в лодке всё, что нужно.

— Вот как!

Спустились к реке, где в камышах стояла лодка. Выяснилось, что вчера ребята даром время не теряли. Чесь вытащил из кустов четыре длинные ивовые палки, подсунул концами под прибитую к борту лодки доску, выгнул, прикрепил свободные концы под такой же доской с противоположной стороны. Змитер набросил сверху целлофановую плёнку, обтянул ею каркас — получилась настоящая, светлая внутри «кабина».

— С вами не пропадёшь, оказывается! — учитель осторожно, одной ногой ступил в лодку. — А не перевернётся?

— Не перевернётся, в ней копну сена можно перевез-

ти, — ответил Михась. — Только сидеть нужно спокойно, не раскачиваться.

Уселись. Ребята начали спорить, кому первому быть на вёслах. Выпало Михасю. А дождь и не думал утихать. Сонно, однообразно шумела под днищем речная вода; так же однообразно отбивали дробь по полиэтиленовой «кабине» дождевые струйки. Все молчали, всех охватило какое-то торжественное оцепенение...

Вскоре ребята поменялись, а когда снова пришла очередь Михасю, он подгрёб к берегу, повёл лодку типсе, всматриваясь в дно. Затем поднял вёсла и воскликнул:

— Всё, приехали!

— Так быстро? — удивился учитель, выглянул из «кибитки».

Михась пошарил веслом по дну. Послышался стук о что-то крепкое и твёрдое.

— Если бы не была вода такой мутной, — сказал Чесь, — могли бы увидеть кладки.

Михась развернул лодку, погрёб к другому, высокому берегу.

ГЛАВА 2

ПЕНЬ У МЕЖИ

Дождь щедро поил реку. Обрывистый, песчаный, заросший соснами берег был источен ручейками. Они извивались в жёлтом береговом песке змейками, вымывали корни сосен — некоторые деревья стояли наклонёнными. Край дёрна сверху просел и ополз ближе к воде. Видно было, что с каждым новым дождём река в этом месте отвоёвывает у берега новую территорию.

Учитель с ребятами, хватаясь за корни, поднялись наверх, под сосны. С деревьев капало. Иголки под соснами, песок, трава тоже были мокрыми. Однако здесь, на твёрдом месте, даже следов змеек-ручьев не было заметно.

— Интересно! — сказала Оксана. — Откуда тогда берутся ручейки, изнутри обрыва, что ли?

— Скорее всего, вода собирается под настом хвои, — объяснил учитель. — Нужно пройти дальше в лес — не может быть, хоть какие-нибудь следы да отыщутся.

— А куда спешить? — Чесь подмигнул Оксане. — Давайте подождём немного, костерок разложим, обсохнем... За это время дождь ещё прибавит воды...

Никто не был против. Борис Григорьевич начал готовить место для костра — разгрести мокрую хвою. Ребята разбрелись в поисках сухого топлива. Собрались — нет ни Оксаны, ни Чеся! Первой всполошилась Катя, за ней — Борис Григорьевич. Он даже начал аукать — никто не отзывался.

— Не старайтесь, — посоветовал Михась, поджигая

сушняк. — Хитрит этот Чесь. Заблудиться здесь невозможно. Наверное, ещё тогда отыскал что-то и не сказал нам, чтобы перед Оксаной порисоваться.

— А как убеждал вчера, что в лесу нет ничего, — усмехнулся Змитрок. — Хитрит, конечно!

— Ну, если так — ничего страшного. Мы будем только рады, если они отыщут сокровище раньше нас. Правда же?

— По шее ему нужно накостылять, вот это была бы правда, — пробормотал Михась.

Согрелись, обсохли. Дождь не переставал. Дым от костра стлался низко над землёй, исчезал в лесу, растворялся в серой измороси.

— Нет, так мы ничего не дождёмся, — решительно сказал учитель. — Нужно идти.

— Заодно и Оксану с Чесем найдём! — поддержала Катя.

Борис Григорьевич достал из целлофанового пакета копию бересты с вычерченной на ней жирной линией — маршрутом, которым предположительно двигался француз. Михась тем временем сбегал клодке за лопатой и длинным заостренным штырём.

— Вот это я понимаю! — похвалил Борис Григорьевич. — Нет, с вами, друзья мои, не пропадёшь — я всё больше убеждаюсь в этом. Значит, так. Линия на карте ведёт на юг и затем делает три поворота-зигзага. На юг и направимся.

Пошли друг за дружкой, след в след. Борис Григорьевич прокладывал путь — продирался сквозь густой мокрый кустарник, раздвигал ветки, придерживал их, пропуская детей вперёд. Вскоре кустарник окончился, началось редколесье: сосенки, берёзки, то тут, то там «заплатки» зелёного болотного мха, черничник, богольник, голубика...

Борис Григорьевич остановился.

— Ну, куда дальше, друзья мои? Где-то в этом месте должен быть первый поворот.

— Сюда, Борис Григорьевич! — послышался взволнованный голос Змитрока. Он немного отстал от других и шёл себе в сторонке. — Здесь лужи какие-то!

Бросились туда. Так и есть: среди кустов голубики,

во мху. — продолговатая лужица, полная жёлтой дождевой воды. Дальше — ещё одна лужица и ещё...

— Мы нашли, нашли! Это то самое русло, несомненно! — радостно повторял учитель, то и дело всматриваясь в свою карту. — Если дождь будет идти долго, лужи заполнятся водой, разольются, соединятся и образуют почти точную линию на нашей схеме! Смотрите: вот эта низинка тянется сейчас на юго-восток, но скоро она выпрямится и поведёт нас на юг!

Радостное настроение Бориса Григорьевича передавалось и остальным. Почти бегом все бросились вперёд. Метров через сто Борис Григорьевич (он очутился теперь сзади) позвал детей:

— Нужно сворачивать, друзья мои! — и решительно направился вправо, в такие же заросли, из которых только что они выбрались.

— Не может быть! — не поверил Михась. — Зачем сворачивать, у нас под ногами и есть старое русло.

— Если я ошибаюсь — вернёмся, — ответил учитель.

Михась, Змитер и Катя с неохотой опять след в след пошли за учителем. На этот раз кружили долго. Лужицы больше не попадались. Михась начал уговаривать Бориса Григорьевича вернуться, но тот был неумолим.

— Здесь должен быть второй поворот, поверьте!

И вот снова подлесок, черничник, голубика, снова зачавкал под ногами зелёный мокрый мох.

— Ну, что я говорил?! — воскликнул учитель. — Смотрите!

Отсюда начинались точно такие же лужицы, но уже соединённые между собой; даже можно было проследить извилистое очертание ручейка; казалось, что пеннистая дождевая вода в этих соединённых ямках-углублениях не стоячая, а еле заметно движется, течёт к Березине.

— А я здесь был, видел эти высохшие ложбинки, — вздохнул Михась. — И не обратил внимания... Подумал, что это старые засыпанные окопы... Я знаю, как дальше идти, — сейчас начнётся поле...

— Нет, русло ещё раз должно повернуть, — удержал его

Борис Григорьевич. — Давайте уж пройдем путь француза до конца.

Теперь никто и не подумал спорить, все поверили учителю.

Долго петлять не пришлось. Старое русло наполнялось водой прямо на глазах, становилось шире и вело их безошибочно. Но вот низинка, а вместе с ней и русло, окончились, исчезли так же внезапно, как и появились. Совсем недалеко, между деревьев, появился просвет. Там было поле.

— А сейчас — прямехонько на юг, — бодро сказал учитель. — За мной!

Вышли на открытое место и увидели, что дождь словно бы поутих. Или это только казалось, потому что с деревьев не капало. Широкое ржаное поле с разбросанными по нём островками кучерявых дубов пересекала хорошо уезженная дорога. По ней учитель и повёл детей. Михась на ходу сорвал колосок ржи, попробовал отделить шелуху. Где там, рано ещё, колос только-только вылез из трубочки, даже молоком не налился.

Учитель шёл молча, сосредоточенно, будто считая про себя шаги. Вот остановился, подумал, повернул назад.

— Кажется, здесь, — обвёл он рукой вокруг себя. Ещё раз заглянул в карту. — Линия наша кончается здесь. Смотрите — и канава какая-то вдоль дороги...

— Тут ведь ровное, гладкое место, — Михась осмотрелся. — А может, это на поле, среди ржи?

— Тогда придётся ждать осени и копать после жатвы. Потому что кто же нам разрешит над рожью глумиться?

Михась подошёл к меже — неширокой полосе травы, которая отделяла дорогу от поля, бросил штырь, с размаху вогнал в землю лопату. Но лопата ударила во что-то твёрдое и вглубь не пошла.

— Ага, по стойте-ка... Здесь что-то есть!

Михась схватил штырь, начал втыкать в землю. И штырь во что-то упирался. Змитер тем временем лопатой срезал дерн вокруг.

— Пень! — объявил он. — Огромный старый пень.

— Вот такой, — Михась штырём очертил и в самом

деле огромного диаметра неровный круг, который одним краем заходил на дорогу, вторым — залазил на поле, но основная часть его находилась точно посередке — на меже.

Ребята вопросительно посмотрели на Бориса Григорьевича.

Учитель, обняв Катю за плечи, молча, с тихой улыбкой наблюдал за ними, и Михасю показалось, что лицо учителя мокрое не только от дождя...

— Я горжусь вами, — промолвил, наконец, Борис Григорьевич. — Вы нашли его. Да я и не сомневался, что найдёте, — с такими хлопцами грех сомневаться... Однако где же Оксана и Чесь? Как жалко! Такой исторический, можно сказать, момент, а они не видят!

— Пусть не будет слишком умным, — сказал Михась. — Жаль только, что Оксану свёл.

ГЛАВА 3

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ПОСЕЛКЕ

Тёмно-синяя «Ауди», превышая скорость, пронеслась по мокрому асфальту поселковой дороги, завернула в переулок и резко пискнула тормозами у хаты деда Макара.

Из здания сельсовета вышел на крыльцо участковый без фуражки, посмотрел вслед машине.

Деда Макара дома не было. Машина развернулась, понеслась в другую сторону Поплавова — к тому самому домику, в котором остановился на время отпуска учитель из Минска. Нету учителя, дверь на замке.

— Так к кому, вы говорили, малышка приезжает? — спросил человечек на заднем сиденье, с зажатыми между ног костылями. Это был Паук.

— К бабушке, — ответил сидевший за рулём лысый. — Только я дом позабыл. Где-то в самом начале.

— Я помню, — отозвался Сева и опустил боковое стекло. — Четвёртый с краю.

Опять помчались в начало посёлка, мимо сельсовета. Опять вышел на крыльцо участковый и посмотрел им вслед. На этот раз на нём была фуражка, а также длинная широкая непромокаемая накидка, завязанная под шеей на шнурки.

— Здесь?

Сева кивнул, лысый остановил машину. Бабушка была во дворе, подошла к забору. Сева высунулся в окошко, бабушка узнала квартирантов деда Макара.

— Вы старого ищите? Так он на речку подался, с вёслами!

— Я сам поговорю, — тихо приказал Севе Паук, с трудом выбираясь из машины, вытаскивая костыли. — Может,

вы, бабушка, знаете, где можно найти учителя — Бориса Григорьевича из Минска? Он вчера приехал.

Паук поковылял к забору.

— А что такое? — насторожилась бабушка.

— Мы вместе работаем, коллеги, — охотно объяснил Паук. — Специально из Минска приехали, чтобы забрать его на важный научный симпозиум. Борис Григорьевич должен выступать там с докладом.

— А как же вы его найдёте? Он с детьми в поход отправился.

— В поход? Когда?

— Сегодня утром.

— А-а, ну, значит, далеко они не ушли... У нас ведь машина, нам и съездить недолго. А где, говорите, их можно найти?

— Говорили, на поле собираются, это под Ушой, на том берегу Березины, — объяснила бабушка. — Там дубы ещё среди поля, мы там солому прошлым летом сгребали...

— А как туда побыстрее добраться?

— Никак: тут же ни моста, ни парома, все на лодках переправляются. Это вам нужно в Березино, а там через мост и обратно, берегом реки — на поле.

— Я знаю! — отозвался из машины Сева, который всё слышал в приоткрытое окно.

— Ну, бабушка, спасибо! Мы поехали, — Паук заковылял обратно, ввалился в машину.

— Подождите! — всполошилась бабушка. — Его-то вы заберёте, а дети?

— Всех заберём, — успокоил Паук. — Машина большая, все поместимся... Давай! — нетерпеливо скомандовал он лысому.

ГЛАВА 4

УЧАСТКОВЫЙ

Не успела бабушка зайти в дом, как с улицы её снова окликнули. Участковый, без мотоцикла. Отворил калитку, вошёл во двор.

— О чём они спрашивали, Степановна?

— Учителя искали, — ответила старая, почувствовав вдруг тревогу. — Я сказала, что он в поход с детьми ушёл, на поле под Ушой, и они сейчас же туда полетели... А что такое?

— Что такое... Жульё они — вот что такое.

— А божечки! — всплеснула руками, сразу меняясь в лице, бабушка. — Там же дети!

— Вот именно. Вы знали этого учителя? Почему отпустили детей с ним?

— Как же не отпустить — он внучку мою учит, сына знает, такой хороший, добрый человек...

— Добрый... Кто в наше время добрый? Может, этот добрый человек из одной с ними банды.

— Боженька милый... Так ведь и эти всю весну у Макара крутились, ты сам же и видел их каждый день! Почему не арестовал?!

— Фактов не было. Сейчас появились. Кстати, раз уже Макара вспомнили — где он?

— Где же ему быть — на реке... А Боже ж мой!..

Охая, она бросилась в дом, повязала платок, всунула босые ноги в резиновые сапоги.

Когда снова выбежала во двор, участковый ещё не ушёл, прикуривал, заслонившись от моросящего дождя.

— Делайте что-нибудь, вы ж милиция!

— Делайте... Я что, такую машину догоню на своем драндулете? Идём!

Бабушка даже не спросила куда. По улице долговязый участковый вышагивал, как и обычно, а она почти бежала, задыхаясь, за ним. Шли к реке.

К счастью, дед Макар был у «пристани», ковырялся в своей лодке. Увидел участкового с Ганной, застыл, насутился, словно предчувствуя, что не с добром к нему эти посетители.

— Я тебя предупреждал? — начал участковый, подойдя. Бросил под ноги окурки и вдавил сапогом в мокрый песок.

Дед Макар — крепкий, одного с участковым роста — выпрямился.

— Не кричи, — сказал спокойно. — И не пугай женщину, вон вся в лице изменилась. Говори, что случилось.

На участкового действовало.

— Случилось... Жулики твои квартиранты — вот что случилось. Машина у них краденая. Я давно подозревал, не поленился, навёл справки — и пожалуйста, подтвердилось: эта самая «аудишка» полгода как в розыске.

— А я при чём? Разве на ней написано, что она краденая? Вы, милиция, узнали об этом — вы и ловите, вам за это деньги платят.

— Мы-то словим, — сказал участковый. — Я уже звонил в Березино, там знают, уже предупреждены все посты и дорожные «гаишники» — так что нигде твои квартиранты не денутся. Их-то мы поймем, но вот кабы они кого-нибудь раньше нас не поймали! Учителя они ищут, который вчера из Минска приехал, а учитель в поход поволокся, да не один, а с детьми. На поле куда-то, под Ушу. Приспичило в самый дождь! Нужно ещё и с ним разобраться, что за учитель такой, почему с твоими квартирантами шашни крутит, зачем они его ищут?..

— О, Господи... А я ж, дурная, ему поверила! — сразу забожилась старая.

— Не пугай человека, говорю! — повысил голос дед Макар. — Ну и что, что в поход пошли? Да там один Михась всё навывлет знает! Как их могут найти? Разве они на одном месте стоять будут?

— Ох, на одном, Макарка! Тот учитель сказал: места там, говорит, редкие, красивые... Я спрашиваю: а здесь, близко, разве плохие места? А он опять — нет, здесь не такие, там места истерические...

— Исторические, — поправил участковый.

— На поле они будут! И этим я сказала... А Боже ж мой!..

— Так, сейчас я поеду в город, — участковый выбросил из-под накидки правую руку, постучал по циферблату часов, приложил руку к уху. — Если твоих квартирантов ещё не задержали на дороге или в городе на мосту, всё равно на поле они доберутся не скоро. Дорога там никудышная, грязюки полно, да и чужаки они, не знают тех мест... Понятно, дед?

— Давно понятно...

— Пока они доедут, тебе тут напрямки на лодке минут пятнадцать-двадцать. Так что вёсла в зубы — и вперёд. И смотри! — предупредил: — Квартиранты твои; если не дай Бог что с детьми...

— Помолчи, — дед Макар красными от холодного дождя пальцами уже вставлял вёсла в уключины. — А ты не мокни, Ганна, иди домой. Не бойся.

Лёгкая лодка, послушная привычным вёслам и сильным рукам хозяина, развернулась и стремительно пошла по самой быстрине — туда, где Клады, где ржаное поле с дубами.

ГЛАВА 5

ЗАБЛУДИЛИСЬ

Чесь и был-то в этом лесу всего пару раз — однажды с отцом и второй раз — когда они с Михасём и Змитроком высадились здесь «десантом», возвращаясь с рыбалки. Но тогда было солнечно, светло, лес был какой-то другой, нежели теперь: мокрый, хмурый, тёмный, хотя на часах всего одиннадцать утра.

Сначала Чесь уверенно повёл Оксану в самую чашу. Они продирались через кустарники, кружили, выходили на полянки и снова оказывались в непроходимых зарослях. Колодец не отыскивался, словно и не было его вообще. Мокрые, усталые, со следами липкой паутины на руках и лицах они выбрались на очередную полянку. И вдруг услышали голоса ребят, Кати, учителя, увидели между деревьев красное пятно огонька, уловили горьковатый запах дыма...

— Как же так? — растерянно прошептал Чесь. — Неужели мы всё время шли по кругу?

Потом сказал твёрдо:

— Извини, Оксанка. Иди к ним, погрейся, отдохни, только не говори, где я. А я вернусь в лес и сам попробую найти.

Но он не учёл, что Оксана ужасная упрямица.

— Нет, пойдём вместе. Я совсем не устала и мне не холодно.

Теперь Чесь ступал осторожно, внимательно оглядываясь по сторонам, стараясь не пропустить ничего.

— Здесь я ветку обломал — вот она, видишь? Сейчас должна быть просека, а там уже рукой подать...

Была обломанная ветка, была просека — колодца не было. То ли погода так изменила лес, то ли просто Чесь,

к большому стыду своему, забыл какой-то самый главный свой ориентир и заблудился.

— Не могу больше, — призналась наконец Оксана. — Хоть бы чуточку отдохнуть!

Как ни скверно было на душе, как ни разбирала злость на самого себя, Чесь вынужден был сдаться.

— Ладно, вернёмся к ним... Только не садись, потерпи немного, — попросил он, — потому что если возвращаться, то нужно побыстрее. Они могут без нас уйти, и тогда уже их придётся искать. Можешь потерпеть ещё немного?

Оксана кивнула. Пошли опять, уже в другую сторону — туда, где, по мнению Чесь, была река. Чтобы легче было Оксане, Чесь старался избегать зарослей, вёл девочку по чистому редколесью, выбирал открытые места, полянки. И вывел... Не к костру, даже не к реке, а опять на просеку, почти на то же самое место.

— Да что это такое со мной сегодня?!

Оксана молча прижалась к сухому стволу раскидистой сосны, присела, закрыла глаза. Чесь постоял, затем опустился рядом. Плечи их соприкоснулись. Оксана вздрогнула, но так и осталась сидеть, даже глаз не открыла. Чесь с жалостью и одновременно с нежностью смотрел на неё. Усталая, тихая, с мокрыми прядками белых волос, которые выбились из-под капюшона, с ямочками на круглых щеках, — девочка показалась ему красивой, как никогда.

Он неожиданно для себя быстро просунул ладонь под капюшон и погладил Оксану по голове. И снова девочка только вздрогнула и не отодвинулась.

— Извини, Оксанка, — сам заблудился и тебя свёл... Мне так стыдно. Засмеют... А главное, тебя жалко. Они, наверное, уже нашли клад, а ты и не увидишь.

— Не выдумывай! — Оксана открыла глаза, мягко отвела его руку, поправила волосы. — Я ни о чём не жалею. Наоборот, интересно! Я и теперь, если бы всё повторилось, пошла бы с тобой.

— Правда?

— Разве я не видела, что ты выбирал такую дорогу, чтобы мне легче было идти? А то, что заблудились, — ну и что? В лесу каждый может заблудиться, потому что левая нога делает шаг немножко длиннее, вот и получается круг. Нам в школе рассказывали...

— Да и нам рассказывали, только я не верил, покуда не себе не убедился!

Всю усталость с Чеса как рукой сняло. Ни досады, ни стыда, ни злости на себя; после слов Оксаны будто солнце вдруг выглянуло из-за этих низких, серых, сплошных туч.

Он вскочил:

— Ты права — нечего переживать! Мы же на просеке, значит, уже заблудиться невозможно, хоть куда-нибудь она да выведет! Сейчас пойдём в ту сторону, куда ты покажешь, может, у тебя рука счастливая... Да ты сиди, отдыхай! — всполошился он, увидав, что Оксана тоже поднимается.

— Некогда... Да и холодно сидеть. Идём, например... туда, — наугад показала она пальцем.

И точно, не ошиблась. Не прошли они и двухсот шагов, как оказались на лесной проторенной дороге. Однако сегодня Чесо словно кто-то наколдовал неудачи. Остановившись посреди дороги, он нерешительно посмотрел вправо, влево... Боялся ошибиться.

— Опять не помнишь? — участливо спросила Оксана.

— Да дорогу-то я помню... Прошлым летом с отцом здесь на мотоцикле проезжали... Знаю, что она проходит полем около Уши и ведёт в самый город, к мосту через Березину...

— Полем? Тем самым, про которое Михась рассказывал Борису Григорьевичу?

— Ну да. Оксана! — вдруг вскрикнул Чесь и посмотрел на неё широко раскрытыми глазами. — Оксана, помнишь, твой учитель обмолвился, что по схеме извилистая линия должна вывести как раз на поле?! Ах, какие же мы дураки... То есть, я, а не мы, — сразу поправился он. — Может, наши там уже давно?

— Конечно, там, — согласилась Оксана, лишь бы не стоять не месте. — Если это не далеко, идём скорее.

— Нет, не далеко, — километр или полтора от силы... Вот только знать бы, в какую сторону! В голове всё перепуталось, — с отчаянием, признался Чесь.

— Не расстраивайся ты так, ничего страшного. Идём хоть куда-нибудь, где-то же эта дорога кончается.

— А если попадём не на поле, а к реке выйдем?

— Давай так, — предложила Оксана. — Ты иди в ту сторону, а я в эту. Может, река или поле совсем близко. Мы, ког-

да сидели на просеке, не знали же, что дорога в двухстах метрах?

Чесь неохотно согласился. Опять он почувствовал себя виноватым. Условились, что будут аукать, и разошлись.

Оставшись один, Чесь понемногу успокоился. Попробовал мысленно перенестись в то лето, когда ехал с отцом на мотоцикле... И внезапно что-то перевернулось в его голове и словно стало на своё место — так бывает, когда едешь в поезде с закрытыми глазами и кажется, что едешь назад, а потом раскроешь глаза, в голове что-то — круты! — и видишь, что едешь вперёд.

Чесь увидел старую кривую берёзу с расщепленным стволом, вспомнил её — и мгновенно всё-всё стало ему ясно: где поле, где река, где Клады и даже где проклятый колодец, который они искали всё утро. Поле было впереди, а Оксана шла сейчас к реке.

— Оксана! — закричал он и бросился вслед за ней.

Неподалёку от места, где они разошлись, дорога сворачивала, поэтому девочки не было видно. Она не отзывалась...

Чесь выбежал из-за поворотки и застыл: впереди, на дороге, стояла легковая машина, а рядом, около открытой задней дверцы — Оксана. Да это же машина геологов! Как они здесь оказались?! Почему Оксана разговаривает с ними? И не только разговаривает, но и садится в машину...

— Оксана! — снова крикнул он.

Девочка обернулась, весело помахала ему рукой — мол, беги скорее сюда. Чесь облегчённо вздохнул. Теперь всё понятно: геологи возвращаются из города, почему-то этой дорогой, будут проезжать через поле, вот Оксана и попросила подвезти её.

Чесь был уже совсем близко. Вдруг машина тронулась с места. Из-под задних колёс на него полетели комья грязи, залепили глаза. Когда он протёр их, машина уже исчезла за поворотом.

ГЛАВА 6

ОКСАНА В ОПАСНОСТИ

А случилось вот что.

Увидав знакомую «Ауди», Оксана, конечно, удивилась, но не испугалась. Она сошла с дороги. Неожиданно машина притормозила около неё, открылись задние дверцы, знакомый голос окликнул её по имени, и Оксана увидела в салоне... Паука.

— А, старая знакомая, — приветливо сказал он. — А где же остальные? На поле? Мы вас ищем.

Оксана ничего не ответила и ещё больше удивилась. Паук объяснил:

— Нам нужен учитель, Борис Григорьевич, его в Минск срочно вызывают. Твоя бабушка сказала, где вас можно найти.

— И заодно вас подвезти попросила, — вмешался лысый, который сидел уже не за рулём; за рулем был Сева (он хвалился, что знает дорогу).

— Так учитель, говоришь, на поле? — спросил Паук.

— Наверное, — пожала плечами Оксана.

— А ты что же не со всеми? Заблудилась? А, понимаю, тут какой-то секрет, о котором нельзя рассказывать... Борис Григорьевич любит всякие секреты, — Паук захихикал, подвинулся немного: — Давай садись. Да садись, не бойся! — увидев, что Оксана не трогается с места, опять предложил он. — Мы не шутим, бабушка просила, чтобы забрали вас всех. Сейчас найдём учителя и подкинем вас в посёлок.

— Мы и сами доберёмся...

Оксана взглянула на свои мокрые кроссовки, пошевелила пальцами ног, отёрла ладонью влажный, холодный лоб. Она вдруг почувствовала страшную усталость. А в ма-

шине тепло, сухо, сиденье такое мягкое, такое удобное. Наверное, ехать в такой машине усталому, продрогшему человеку — одно удовольствие.

— Да она просто боится нас! — насмешливо сказал лысый. — Посхали, Сева!

Эх, Оксана, Оксана, куда же девалась твоя осторожность, почему вдруг забыла ты немудрёную, но надёжную науку: с незнакомыми мужчинами не разговаривать, не верить им, не заходить вместе в лифт или в подъезд, тем более не садиться к ним в машину?..

Но ведь эти — не совсем чужие! Паук знает её отца, бабушку, Бориса Григорьевича, Сева с лысым жили у деда Макара, в Минске приходили к Катиному отцу, менять талер...

— Вот ещё — никого и ничего я не боюсь! — сказала она.

В это время её окликнули. Она увидела Чесю, который спешил к ним, и махнула ему рукой.

— Хорошо, — сказала она, — я сяду. Только подождём Чесю, — и села в машину.

— Сиди тихо, — прошипел ей в лицо Паук, хватая её за плечи. Руки у него неожиданно оказались сильными, как клещи. — Сева, за поворотом остановись, лысый сюда пересядет, поможет мне.

Оксана, вырываясь, попыталась закричать, но цепкая мужская ладонь зажала ей рот.

ГЛАВА 7

НАКОНЕЦ УДАЧА

Чесь бегом пустился по дороге — туда, на поле, куда помчалась машина. Он сам не знал, зачем бежит, что собирается делать, чем он может помочь Оксане. Куда помчались эти «геологи»? Каким-то образом пронюхали или сами разгадали, где клад? И едут сейчас на поле, чтобы забрать его? А если они застанут там всех? Разве смогут защититься старый учитель и Михась со Змитром (хрупкая Катя не в счёт, конечно) от двух здоровенных мужиков?!

А главное, зачем села к ним Оксана? Она улыбалась, была спокойна... Тогда почему не подобрали и его, Чесь? Или Оксану заманили в машину и не выпустили? Но зачем она им? Нет, тут что-то не так!..

Самое разумное, которое приходило в голову: свернуть в лес, бежать к реке, где лодка, гнать её в посёлок и звать людей на помощь. Но не было уже ни сил, ни времени; не было и полной уверенности: а вдруг эти «геологи» ничего плохого им не сделают и не собирались делать? Тогда и ребята, и Оксана, и учитель, да и весь посёлок засмеют его! На всю жизнь останется трусом, паникёром...

— Далеко собрался? — вдруг услышал он сзади знакомый старческий голос.

Из лесу на дорогу выходил дед Макар. Не веря своим глазам, Чесь бросился к нему:

— Дед Макар, вот слава Богу, что вы тут!

Крепкий, высокий, в своих неизменных кирзовых сапогах, в брезентовом длинном плаще и с ружьём за спиной, старик одним видом вселял уверенность. Он поможет, должен помочь! Теперь всё обойдётся!

— Помогите, дед Макар, геологи ваши забрали Оксану и на поле поехали, а там учитель, наверное, и все наши!.. Там... ну... раскопки могут быть, а геологи могут забрать, им это нужно очень...

Чесь понял, что запутался. К его счастью, дед Макар ни о чём не расспрашивал, даже, как показалось, не очень и встревожился, будто был готов к таким новостям. Лишь сдвинул над переносицей косматые брови:

— Не убереглись-таки, правду сказал участковый... Давно проехали приبلуды эти, геологи?

— Недавно. Может, ещё ничего страшного, потому что Оксана сама к ним села, но... всё равно идём скорей на поле! По дороге расскажу.

— Обожди, я знаю тропинку напрямик, через лес.

Уже на ходу, мельком взглянув на Чесь, посочувствовал:

— Ты мокрый весь, аж трясёшься, не заболей.

— Пустяки!

Чесь трясло совсем не от холода.

ГЛАВА 8

НА ПОЛЕ

Сменяя друг друга, Михась и Змитрок по очереди обкопали пень, очистили землю по краям, и пень — широкий, ровный, как стол, — казалось, просто на глазах приподнялся, вырос из земли сантиметров на десять. Михась покрывал его штырём.

— Видите, как пилили? Вкруговую, по частям, ручными пилами.

— Всё ты знаешь, — позавидовал Змитрок.

— Я, думаешь, никогда не пилил с отцом? Потому и знаю: если вручную пилить — пень ровный, а бензопилами — получается лишь бы как!

Михасю, конечно, хотелось, чтобы и Борис Григорьевич похвалил его за наблюдательность, поддержал. Но учитель не слушал ребят. Он хотя и не работал лопатой, но устал, казалось, не меньше. Наблюдая, как они хлопочут у пня, учитель то и дело прижимал ко лбу и без того давно мокрый платок.

— Друзья мои, нам сегодня и так слишком везло, даже не верится, — взволнованно произнёс он. — И всё же, как будет обидно, если нас ждёт разочарование... Я вот всё думаю: а вдруг француз зарыл карту не в землю, а спрятал в какое-нибудь дупло этого самого дуба? А ствола давно нет...

— Я на месте француза тоже не стала бы ковыряться в земле, — сказала Катя. До сих пор она тихо стояла в сторонке, съёжившись, но не жаловалась ни на дождь, ни на холод.

— В таком случае люди, которые спилили дерево, обязательно обшарили бы все дупла, — не согласился

Змитрок. — И нашли бы карту. Это ж интересно — шаривать дупла. И если бы карта нашлась, все бы об этом знали, и в музее она лежала бы, и в книжках написали бы.

— Логично! — засмеялся Борис Григорьевич. — К тому же часто бывает, что дупло находится низко, у самой земли, и ведёт под землю. Так что, может, нам и копать не придётся. Но зачем гадать? Сейчас всё узнаем. Давай, Михась, с Богом...

Михась осторожно, аккуратно, у самого корневища пня начал протыкать землю, стараясь вгонять острый штырь на всю длину. Учитель и Катя молча наблюдали за ним, Змитрок давал советы:

— Не спеши... Аккуратней... Отступись подальше от пня, чего ты к нему прилип...

— Не учи учёного. Корни мешают, зараза...

— Проверь под корнями.

Вдруг Михасёва рука застыла. Сидя на корточках, он снизу вверх посмотрел на Бориса Григорьевича, растеряно сказал:

— Здесь, Борис Григорьевич, честное слово, здесь!

— Осторожнее, только осторожнее, дорогой мой, — ещё больше разволновался учитель. — Сосуд может быть глиняный, доставай очень аккуратно, по миллиметру, чтобы не повредить!

Михась быстро разгрёб мягкую землю. Вот ухватился за что-то пальцами, пошатал, чтобы легче вышло... Из-под гнилого, трухлявого корня, чвякнув напоследок, словно прощаясь с этой землёй, в которой провёл столько времени, показался небольшой сосуд с узким горлышком.

— Ваза!

Михась передал вазу учителю, сам, по-прежнему сидя на корточках, начал шарить в яме руками, углублять её, «зондировать» штырём. Он надеялся, что это только начало и здесь, под пнём, ещё полно драгоценностей.

Борис Григорьевич отошёл к меже, пучком травы бережно очистил вазу от земли и грязи.

— Ух ты! — выдохнул Змитрок.

У Кати тоже светились глаза от восхищения. Она протя-

нула руку и слегка постучала по вазе ногтем. И ваза зазвенела — чуть слышным, тонким, чистым звоном, словно передавая своим нынешним хозяевам привет из самых глубин далёкого прошлого...

Подошёл Михась, вытирая руки о штаны.

— Нет больше ничего, — и тоже застыл, поражённый.

Казалось, от красоты этого творения рук человеческих стало светлее вокруг. Ваза мягко отливала цветом синего фарфора, и по сини — крохотные золотые звездочки. Прелестный овальный сосуд с тонкой шейкой, расширенной кверху. Но было в этой простоте формы и непритязательности цвета что-то загадочное, даже величественное, как бывает загадочным и величественным привычное небо, когда оно после ясного дня начинает синеть и расцвечиваться золотыми звёздами. Кто делал эту вазу? Чьи палаты она украшала? Какие руки трогали её, какие цветы в ней стояли?..

ГЛАВА 9

ВСТРЕЧА

— Михась, подай, пожалуйста, шттырь, — сказал учитель, когда все налюбовались находкой. — Всё так, как мы и думали, — горлышко залито воском. Внутри должен быть план собственно клада.

Перевернув вазу вверх дном, он осторожно удалил чёрный крохкий воск. Встряхнул вазу, постучал по ней. Из горлышка показался край жёлтой бумаги. Змитрок осторожно вытащил его.

— Смотрите, тоже воском покрыта! Совершенно целая, только скользкая, — передал учителю.

Тот бережно развернул бумагу. Она, и правда, при такой консервации сохранилась отлично; разве что немного покоробилась и походила на пергамент.

— Ну, что там, Борис Григорьевич? — Михась заглядывал учителю через плечо. — О, вот это, я понимаю, план — точно такой, как сейчас рисуют! — воскликнул он.

— Слова расплылись... Ничего не разобрать. Да и по-французски тут...

— Ну и что? Зато смотрите, Борис Григорьевич: вот река, видите? — вот лес, вот какое-то селение... Тут и не зная французского догадаться можно!

— Пень мы всего по одному слову нашли, — сказала Катя.

— Вот именно!

— Нет, давайте не спешить... Спрячем пока... Дождь, я боюсь, бумага намокнет, расплзётся, — Борис Григорьевич, не поднимая ни на кого глаз, свернул «пергамент» в трубочку и опустил обратно в вазу. Спрятал вазу в рюкзак.

— Всё, друзья мои, пора домой, — подхватил рюкзак на плечо. — Дома я вам всё объясню.

Михась и Катя переглянулись. Они ничего не понимали. Что случилось?! Почему учитель не смотрит им в глаза? Почему даже голос у него изменился?

Одного Змитрока странное поведение учителя оставило равнодушным. Он стоял, отвернувшись, и смотрел на дорогу.

— Смотрите, машина! — воскликнул он. — Из леса вышла, куда направляется...

— Так это же... машина геологов, — узнал дальнезоркий Михась и встревожился: — Какого чёрта им здесь нужно?

— Того, что и нам, — усмехнулся Змитрок.

— Так что ж мы стоим?! — Михась схватил штырь, лопату, бросил подальше в рожь. — Бежим скорее, через поле!

— Поздно уже, видели нас — вон как несутся... Да и пень увидят раскопанный, сразу догадаются...

Змитрок отступил с дороги к меже, Катя тоже.

Теперь уже ничего не понимал Борис Григорьевич:

— Ребята, что с вами? Кого нам бояться? Я учитель, мы в краеведческом походе...

— Спрячьте хоть рюкзак, Борис Григорьевич! Дайте, я... — Михась схватил за ляжку, но машина была уже совсем близко, и он отнял руку. Сразу как-то успокоился, подошёл к Змитру с Катей.

Машина остановилась рядом с ними. Из неё выскочил Сева, подбежал к раскопанному пню, увидел ямку под корнем, присел:

— Нашли-таки! Вырыли! Ну, черти малые!.. — и захохотал.

Следом из машины выбрался Паук с костылями, защёлкнул за собой дверцу.

— Ты?! — Борис Григорьевич остолбенел. Из-за тёмного стекла машины невозможно было рассмотреть, кто в ней находится, поэтому появление старого однокашника было для учителя полной неожиданностью.

Однако в следующее мгновение Борис Григорьевич пришёл в себя.

— Надо же! — сказал насмешливо. — Сто лет не виделись, чтобы встретиться в слякоть, среди дороги, на каком-то поле, за двести километров от Минска!

— Чего не сделаешь ради встречи со старым другом, — в тон ему ответил Паук. — Не побоишься ни дождя, ни долгой дороги. — Обопрёшься на костыли, подковылял к пню, причмокнул языком. — Иди в машину! — приказал Севе и снова повернулся к Борису Григорьевичу: — Что ж, Борис, даже руки не подашь? — сказал укоризненно.

Учитель неохотно подошёл. Они поздоровались.

— Так ты специально из Минска ради этого? — кивнул на раскопанный пенёк Борис Григорьевич.

— Говорю же, тебя захотелось повидать! Молодость вспомнить...

— Не ёрничай.

— Да-а, молодость, молодость... А помнишь, Борис, какие мы были молодые? Одержимые! Легендами разными увлекались, клады какие-то искали... И, как вижу, недаром! — Паук подмигнул Борису Григорьевичу. — В самое время я друга проведаль, точно успел... Нюх у меня на это. Много хоть ценностей было? — деловито осведомился он. — Или только план, как мы с тобой и предполагали?

— Ничего здесь не было.

— Вижу, вижу, ямка маленькая — значит, только план.

Учитель оглянулся на детей. Видно было, что ему стыдно говорить неправду даже такому человеку, как Паук. Но всё равно повторил:

— Ничего не было. Легенда это, просто красивая выдумка.

— Девчонка приходит ко мне в музей и часами выпытывает и записывает всё, что касается этой легенды. Второй талер находится. Ты внезапно исчезаешь из Минска, и я узнаю, что ты в Поплавах. Пацаны эти только тем и заняты, что повсюду лазят, вынюхивают, выслеживают... И вот вы все вдруг оказываетесь в одном месте и в одно время. Не многовато ли суеты из-за пустой выдумки? Тебе не кажется?

Учитель помолчал немного, затем, в свою очередь, спросил:

— Откуда ты узнал, что я в Поплавах? Ах, да — шпионы твои доложили, — кивнул он в сторону Севы, который, прислонившись к капоту машины, поднял воротник кожаной куртки и терпеливо ждал.

— Почему шпионы? Обыкновенные люди, друзья мои.

Они тоже имеют право на долю, как и я. Согласись, Борис, — мы все имеем право на этот клад. Тебе придётся поделиться.

— Ничего не было под пнём, — твёрдо сказал учитель. — А если бы и было, то всё — слышишь? — всё целиком принадлежало бы только детям! Но нету.

— Нету так нету, что ж поделать, — согласился Паук. — И всё равно вы герои! Это ж надо: нашли само место, вычислили как-то! Завидую. А мы-то с тобой столько времени угробили, столько лет бились — расскажи хоть, в чём разгадка?

— Не я, они разгадали, — указал на детей Борис Григорьевич. — А в чём была загадка... боюсь, тебе не понять. Для этого нужно как минимум любить этот край, который всегда был, да видно и остался, для тебя чужим.

— Абсолютно верно сказано! — подхватил Паук. — Мне как-то где родней, там и родина. Надоело, опостылело мне тут, дорогой Борис, сил больше нет! Хоть под конец жизни хочу вздохнуть свободно, пожить по-человечески.

— Уезжать собрался?

— Даже паспорт заграничный с собой, — похлопал по карману Паук. — Даже со службы уволился, даже квартиру продал. Всё как надо.

— Что же, так отсюда и поедешь? И в Минск не вернёшься?

— Просто с этого поля и поеду. Зачем мне Минск, кто меня там ждёт? Все мои пожитки в надёжном месте, далеко отсюда. Долларов немножко, марок, золотишка, иконки, камушков с десятков... Но мало, мало! Вот и приспичило отвезти старого друга: а что, если поможет?

— Паук, кончай говорильню! — вмешался Сева. — Времени мало!

— Слышал? Так где она, карта, говоришь? — в голосе Паука вдруг исчезли нотки иронии. — В рюкзачке? Сейчас проверим. — Зажав под мышкой костыли, он потянулся к рюкзаку.

Борис Григорьевич отшатнулся:

— Опомнись! Что вы задумали?! Силой будете отнимать у меня здесь, на глазах у детей?!

— А, значит, есть что отнимать? — Паук сглотнул слюну, недобро прижмурился. — Не бойся, силой отбирать не

будем. Ты сам отдашь. Ты ещё не знаешь, какой у нас для тебя сюрприз приготовлен...

Сева оторвался от капота, сунул правую руку за пазуху, быстро подошёл к ним.

— Ну, окончили свои басни, старые друзья? — сказал раздражённо. — Учитель, думай давай, ты нас задерживаешь!

— Кто-то нашёл карту до нас... В рюкзаке ничего нет, — глухо ответил Борис Григорьевич.

— Малышка ваша у нас в машине, понятно тебе? Давай карту, и мы отпускаем девчонку, сматываемся, и ты нас больше никогда не увидишь. Будешь дергаться — мы садимся в машину и ты опять-таки не увидишь больше нас, но и малышки.

Учитель побледнел. Вдруг он бросился к машине. Сева преградил ему дорогу, выхватил из-за пазухи руку. Блеснуло лезвие ножа. Катя вскрикнула, закрыла ладонями лицо, прижалась к Змитроку.

— Вернись на место! — приказал Сева учителю. — Ты думал, шутки шутить с тобой собрались?

— Покажите... её, — попросил учитель.

— Лысый!

Задняя дверца открылась. На сиденье дергалась Оксана. Лысый крепко держал её за воротник куртки. Руки у девочки были связаны за спиной, рот закрыт повязкой, поэтому она и не кричала.

— Скоро вы там? — пробурчал лысый. — Кусаться всё норовит, зараза, повязку стаскивает...

— Нелюди! — Борис Григорьевич схватился за сердце. — Подождите, я сейчас... Сердце только отпустит... Я всё отдам... Что ж вы делаете, чем вы думаете... Да разве любые соколовища стоят этого...

— Дурак ты, — презрительно изрёк Паук. — Газет, видно, не читаешь, телевизор не смотришь. Это жизнь человеческая ничего не стоит! Исчез человек — и концы в воду, даже и искать перестали в последнее время.

— Вас будут искать! И схватят!

— За что нас хватать? Сейчас мы заберём карту, отпустим малышку — и всё. В милиции вам скажут: «Девчонка живая-здоровая? Ну и гуд бай!» К тому же не успеете вы выбраться с этого поля, как мы будем уже на территории дру-

гой страны, в России-матушке, тут через Борисов час езды. А там у нас всё подмазано, подклеено, документы в норме, и, возможно, уже завтра ищи нас по всей Европе-«плюс». Да и искать никто не станет, повторяю, «из-за наличия отсутствия состава преступления», как говаривал мой знакомый адвокат.

— Ты забываешь о главном, — напомнил Сева, играя ножом. — Нужно будет ещё золотишко забрать, а место его указано в карте, а карту нам не отдают.

— Отдадут! Вот полегчает человеку, отпустит сердечко, и всё нам отдадут.

Борис Григорьевич сбросил с плеча рюкзак, начал развязывать верёвку. Руки у него дрожали. Сева оттолкнул его, взялся сам. Мокрая, туго стянутая верёвка никак не поддавалась. Сева выругался и полоснул по узлу острым ножом.

— Только не оглядывайся сразу, — прошептал Змитрок Михасю. — Видишь, идут полем?

— Я их давно вижу! — громко сказал дальнезоркий Михась.

ГЛАВА 10

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Из-за машины, на ходу срывая с плеча ружьё, показался дед Макар, мокрый с головы до ног. Сзади едва успевал за ним Чесь. Мальчик сразу бросился к своим.

Вид у деда был грозный.

— Где Оксана?

— Это что ещё за явление? — Паук вопросительно взглянул на Севу.

— Да старик наш, ночуем иногда у него, — Сева выпрямился, держа рюкзак за лямку. — Чего тебе надобно, старче? Почему на печи не сидится?

— Отпустите девчонку приبلуды! — дед Макар вскинул ружьё, прицелился — точь-в-точь как и тогда, когда стрелял в сома. — Дробь у меня крупная, предупреждаю! Мало никому не покажется!

В машине открылась дверца.

— Сева, дай ты ему долларов десять, да пускай валит отсюда! — послышался голос лысого.

Дед круто повернулся и успел увидеть связанную Оксану. Сева полез в карман куртки.

— На! — вытащил тот и протянул старику какую-то купюру. — Тебя здесь только не хватало, старый хрен...

В ответ громыхнул выстрел. Дробь просвистела у Севы над головой. Тот ахнул и запоздало пригнулся.

— Ты... что?!

— Второй раз возьму ниже, — пообещал дед Макар.

Паук первым опомнился, крикнул испуганно:

— Борис, останови его! Иначе девчонке хуже будет!

Учитель бросился к деду, стал между ним и Севой, раскинул руки:

— Что вы делаете, опустите немедленно ружьё, тут же дети! Я отдам, всё им отдам, и они отпустят Оксану... Где рюкзак?

Сева осторожно приблизился, подал. Борис Григорьевич сунул руку в разрезанную Севой дырку, вытащил вазу:

— Берите. В ней план, вы всё легко найдёте... А сейчас отпустите девочку!

— Постой, дай сюда! — Паук забрал вазу у Севы, выковырял пергамент, жадно начал всматриваться. — Да, действительно... Это совсем рядом, под Борисовом!

Он вдруг радостно засмеялся:

— Вот оно! Всё здесь, в этой паршивой бумажке... Боже мой, наконец-то... новая жизнь, Европа, эх, Борис, Борис! Ради мечты пойдёшь на всё, правда? На всё!

— Вазу хоть оставьте детям! — сказал учитель.

— Вазу? Хм, действительно, это было бы справедливо... Но, извини, дорогой Борис, — не могу. Музейный экспонат. Они себе ещё такую найдут или похожую, они смышлённые детки... Давай так: вместо вазы я оставлю вам малышку. Идёт? Отпускай! — крикнул он и поплёлся к машине.

Лысый вытолкнул из машины девочку. Она упала на колени, ойкнула. На лице у неё уже не было повязки. Учитель подбежал, помог ей подняться и развязал руки. Оксана отдышалась, увидела друзей, деда Макара, вазу и пергамент в руке Паука... Всё поняла.

— Не отдавайте, Борис Григорьевич!

— Пусть, всё хорошо, главное, ты есть, — учитель поцеловал её в горячие щёки и поскорее отвёл подальше.

— Дед, опусти железяку — конец фильма! — осмелевший Сева, озираясь, сажился в машину за руль.

— Чтоб ноги вашей больше тут не было! — дед Макар вёл его к машине под дулом и только сейчас опустил.

— На кой чёрт ты нам больше нужен, — гоготнул Сева.

— Гуд бай, Борис! — не забыл попрощаться Паук. — Жди открытку из Парижа. Можешь «настучать» на нас в милицию, рассказать подробно о сокровищах, французском офицере, выщербленных талерах, о картах-схемах... Только не обижайся потом, если в дурдоме очутишься!

«Ауди» развернулась, заехав в рожь, потом помчалась полевой дорогой и исчезла в лесу.

Вдруг послышались странные звуки — словно кто-то

тихонько икал и при этом хлюпал носом. Это плакала Оксана.

— Испугалась? Что ты, девочка моя, — прижал её к себе учитель, — да разве бы я отдал им тебя? Да я скорее под колёса лёг бы!

— Я... не... испугалась, — всхлипывая, ответила, Оксана. — Клад... наш клад... всё им достанется, никто их не поймает!

— Поймают, — уверенно сказал вдруг дед Макар. — Машина у них, у приблудов, краденая. И милиция знает.

— А если и поймают, всё равно клад нам не достанется, милиция себе заберёт, — вытирая слёзы, всхлипывая, проговорила Оксана.

И от этих по-детски наивных, печальных слов натянутые нервы у всех расслабились. Первым рассмеялся Михась, глядя на него — Чесь, а вскоре хохотали уже все, это была разрядка после пережитых тревог, волнений, страхов.

— Ничего, не переживайте, друзья мои! Каждому достанется своё, — загадочно сказал учитель.

Дед Макар, который до этого слушал их с раскрытым ртом, и мало что понимая, только теперь заметил разрытый пенё. Подошёл, поддел носком сапога, покачал головой:

— Надо же!.. А я думал, сказочки всё это... Я даже помню, как дуб на этом месте рос, как пилили его. Бегал по этому полю, косил здесь, пахал, сеял, жал... и хоть бы раз в голову пришло, что под этим дубом, дурак ты, счастье твоё зарыто! Что значит темнота!..

ГЛАВА 11

Последняя, в которой, однако, ничего не кончается

Пролетел месяц.

Борису Григорьевичу пора было возвращаться в Минск, родители забирали в город Змитрока, послезавтра должны были приехать за Катей, которую ожидало путешествие в далёкий Египет... В Поплавах оставались лишь местные — Михась и Чесь да Оксана.

Перед тем, как расстаться, в последний раз собрались на своём обрыве возле шалаша. Всем было немного грустно.

— Борис Григорьевич, — сказал Михась, — а я тогда сразу догадался, что клада нет. Вы избегали смотреть нам в глаза... Мы были мокрые, усталые, так верили, что всё не напрасно, — вот вы и не захотели нас разочаровывать.

— И всё же несправедливо, — вздохнула Оксана. — Мы заслужили клад!

— И я считаю, несправедливо, — сказал Борис Григорьевич, — но что поделаешь?

Чесь признался:

— А я и сейчас не всё понимаю... Им вы рассказывали, Борис Григорьевич, а мне нет.

— Не нужно было хитрить, — вернул Михась, — и не таскаться по лесу, а быть с нами.

— На плане француза все было вычерчено отлично, и я с первого взгляда понял: клад — *tresor* по-французски — спрятан при пересечении Березины с речкой Плисой, у местечка Юшковичи под Борисовом. Это так называемый «бранденбургский клад», который нашли

ещё в 1896 году, когда Министерство путей сообщения расчищало и углубляло русло Березины; заодно велись поисковые работы на месте переправы французов через реку, а также в близлежащих окрестностях. Было много ценных находок, одна из которых — окованный железом деревянный сундук, открытый на пригорке под дубами, там, где Плиса впадает в Березину. Это место и было указано на нашей карте... Дерево сундука сгнило, и когда рабочие начали вытаскивать сундук, он рассыпался. В яму и на землю около ямы полетели драгоценные камни, украшения, кольца, золотые и серебряные монеты... Это и был клад нашего офицера.

— А почему «бранденбургский»? — спросил Чесь.

— Все находки были описаны, упакованы и сданы генералу Бранденбургскому, который специально ради этого прибыл сюда из Москвы.

— И как Паук мог попасться на такую удочку? — удивлённо спросил Михась. — Неужели он ничего не знал о «бранденбургской находке»?

— Знал, конечно. Но он всегда был близоруким, а когда спешил, то не было времени разбираться, с него хватило слова *tresor*.

— Однако как они были уверены, что сокровища лежат и ждут их! — покачал головой Змитрок. — Особенно этот Паук..

Краденую «Ауди» задержали в тот же день на трассе Березино — Борисов. Через пару дней Бориса Григорьевича с дедом Макаром вызвали в город в милицию как свидетелей. Борис Григорьевич дал показания, что с Пауком они когда-то вместе учились и с тех пор больше не встречались. Что касается Севы и лысого, он их вообще первый раз в жизни видит (учитель с дедом условились молчать про случай в поле, чтобы не впутывать во всё это детей; тем более молчал об этом Паук с друзьями). Дед Макар своими простыми ответами загонял следователя в тупик: «Ну, ночевали они у меня, так деньги за то платили. А что машина краденая, на ней же не написано». Так ничего от него следователь и не добился.

— Мне особенно вазы жаль, — сказала наивная Катя. — Такая была красивая, звонкая, фарфоровая вазочка!..

— Ничего, вазу после суда передадут в архивный музей. Заведующий его, Паук, вместо Парижа очутится скорее всего совсем в других местах... — промолвил Борис Григорьевич, и в голосе его не было ни капельки злорадства, а наоборот, была как будто даже жалость. — Теперь вы можете передать в музей и талеры. Будем ходить туда на экскурсии — например, я поведу ваш, Катя и Оксана, класс, а вы расскажете всем, как нашли эту вазу.

— Не поверят, — засомневалась Катя.

Помолчали. Оксана сказала:

— А жалко, что все окончилось и больше нечего искать. Борис Григорьевич, а правда, мне папа говорил, что в одной нашей Беларуси каждый год находят около десяти кладов, не считая единичных монет?

— Чистая правда, — подтвердил учитель. Затем хитровато прищурил глаза. — Например, то же наполеоновское войско, отступая, вынуждено было периодически «разгружаться» и припрятывать награбленные ценности. Как минимум, есть пять версий, где их нужно искать. Ящики с золотом как будто бы зарыты в церкви в Ковно — теперь Каунас — возле старого замка, четыре бочки с золотом — в лесу в окрестностях Борисова, на берегу Березины, семь бочек золота — под Белостоком, у плотины, которая находится между монастырём и мельницей... А как вам такая история: на Ошмянщине французы вроде бы зарыли в лесу клад, а к дереву прибили подковы. Когда пилили уже свезенный лес, пила «наткнулась» на одну из подков. Пень найти не удалось.

— Эх! Нужно было отпилить кругляш и искать пень по годовым кольцам! — сразу загорелся Михась.

— А у меня в Ошмянах тётка живёт, — сказал Чесь.

— А у меня в Гродно дед с бабушкой, — сказала Катя. — Это недалеко от Ошмян.

— А что если и эти клады давно найдены? — встревожилась Оксана. — Тоже обидно: мы ищем по всем правилам, а кто-то сразу находит!

Все засмеялись, кроме учителя.

— Друзья мои, — серьёзно сказал он. — Вы нашли очень много. Возможно, больше, чем все сокровища на

земле. Вы нашли дружбу между собой. Вы ощутили дыхание богатейшей истории своего народа, полюбили свой край. Вы поняли, какое сокровище, какое неоценимое богатство — наш родной язык. Неужели этого мало, неужели это не клад?

Внизу, под обрывом, всё спешили куда-то синие, как небо, воды Березины. За рекой зеленел, растворяясь в солнечной дымке, далёкий лес. С другой стороны пестрел цветами и травами луг, и ветерок приносил оттуда душистый аромат лета.

Перед учителем и детьми расстилалась земля — такая родная, такая щедрая, такая знакомая и вместе с тем такая загадочная.

Их земля.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая.

Загадочная монета 3

Часть вторая.

Поплавы 54

Часть третья.

Неожиданный союзник 128

Часть четвёртая.

Поход 167

Часть пятая.

Клад..... 216

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте».

Литературно-художественное издание

ФЕДОРЕНКО АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ТРИ ТАЛЕРА

Ответственный за выпуск *Н. В. Клакоцкая*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.08.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 10 100 экз. Заказ 1927.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.200.

Фирма «Современный литератор». Лицензия ЛВ № 319 от 03.08.98.
220029, Минск, ул. Красная, 5 — 12.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ISBN 985-456-581-5

9 789854 565811 >

ДЕТЕКТИВ для девочек
и мальчиков

ТРИ ТАЛІЕРА